

Tartu Ülikool

STUDIA IURIDICA:

HISTORIA ET THEORIA

5

Редакционная коллегия:

Э. Кертандберг (председатель), В. Кальдер, Н. Кууля
(секретарь), Р. Марусте, И.-М. Орго, Э. Пюом, И. Ребане.

Ответственные редакторы: И.Е. Глазев, П.М. Ярвалаад

TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
Alustatud 1893.a. VIHK 914 ВЫПУСК Основаны в 1893.г.

ВНЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ ПРАВА

Studia iuridica

V

TARTU 1990

**В СЕРИИ "STUDIA IURIDICA:
HISTORIA ET THEORIA" ИЗДАНО:**

1. Уч. зап. Тарт. ун-та. — 1988. — Вып. 806: **Методология права: общие проблемы и отраслевые особенности** / Отв. ред. И.Н. Грязни. — 284 с.

2. Уч. зап. Тарт. ун-та. — 1989. — Вып. 847: **Теоретические проблемы: история права** / Отв. ред. И.Н. Грязни. — 123 с.

3. Уч. зап. Тарт. ун-та. — 1989. — Вып. 850: **Историческое в теории права** / Отв. ред. И.Н. Грязни. — 239 с.

4. Уч. зап. Тарт. ун-та. — 1989. — Вып. 868: **Из истории юридического образования в Эстонии в XVII — XIX вв.** / Отв. ред. И.Н. Грязни и П.М. Ярвелаид. — 196 с.

Планируется выход:

6. **Теоретические проблемы юридической практики** / Отв. ред. И.Н. Грязни и П.М. Ярвелаид (1990).

Категории теоретического и исторического, как относящиеся преимущественно к гносеологии (или эпистемологии), обнаруживаются при наличии определенной абстракции над рациональной формой познания действительности, в том числе и права. Из этого положения следует, что вне этой формы (т.е. вне собственно науки) то, что является основой их выделения, воспринимается как нечто единое или, по крайней мере, как расчлененное иначе. Таковыми синкретическими формами восприятия могут служить искусство (изобразительное искусство, литература, архитектура), религия (включая изначальное мифотворчество) и пр. Будучи, тем не менее, формами познания, они, тем самым, не совпадают с синкретичностью самого онтологического бытия, а могут, в методологическом плане, являть собой тот фон, на котором в самой онтологии в дальнейшем обнаружимы материальные основы идеальной диалектики исторического и теоретического в правопознании.

Именно первым попыткам создания этого фона и служат работы, помещенные в данный сборник. Надеюсь, что, несмотря на их значительный тематический разброс и спорность содержащихся в них доводов, они послужат, по крайней мере, толчком для развития самого этого исследовательского направления.

Проф. И.Н. Грязин

ПОНЯТИЕ ПРАВОСФЕРЫ

А.А. Фрош

В марксистско-ленинской науке о праве продолжают споры относительно смысла основной категории — права [1]. Расхождение во взглядах теоретиков, даже их раскол на “юридическую” и “легалистическую” концепции [2, с. 330–360] — явление здоровое. Подобные споры между разными “школами” — типичное явление при смещении парадигм в науке. Такого рода процессы нашли эффективное выражение в работах Т. Куна [3]. Данные вопросы затронуты и Б.М. Кедровым в статье “Логика научного открытия как логика установления новой истины” [4, с. 122–128].

Автор взял на себя роль апологета “широкой” трактовки категории “право”, т.е. он является поклонником второй концепции — “юридической” (второй в том смысле, что данная концепция на данном этапе развития советской науки о праве во времени последовала за ставшей уже традиционной).

Перед нами стояли два варианта развития предыдущих работ:

- 1) критика “узкой” трактовки права и на основе критики выдвижение новых, подходящих для “широкой” трактовки права идей,

- 2) предложение нетрадиционного в правовой науке подхода, подтверждающего справедливость “широкого” подхода.

Выбран был путь, альтернативный критике. Не потому, что автор не хотел выходить на так называемый метауровень и быть своего рода подражателем Дж. Мура [5, с. 37–41], ведь использование достижений Тартуской школы семиотики культуры явно более заманчиво.

Итак, автор сосредоточивает интерес на постановке вопросов, не претендуя в качестве своей главной задачи на нахождение ответов на них, ибо это выходит за пределы уровня данного труда.

А. Письменно-текстуальный механизм правосферы*

Вводя новый термин "правосфера", мы исходим из некоторых положений семиотики, конкретно апеллируя к вышеуказанной статье профессора Лотмана. Здесь представляется нужным полностью привести некоторые части из этой статьи, в которой налицо возможность некоей новой парадигмы при подходе к праву.

"Как можно теперь предположить, четкие и функционально однозначные системы в реальном функционировании не существуют сами по себе в изолированном виде. Вычисление их обусловлено лишь эвристической необходимостью. Ни одна из них, взятая отдельно, фактически не работоспособна (так же и право как феномен культуры. — Прим. автора). Они функционируют, лишь будучи погружены в некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями (потому и является эвристической ошибкой изучение права как только изображения общественных отношений, особенно ярко выявляясь в узком понимании категории "право". — Прим. автора). Такой континуум мы, по аналогии с введенным В.И. Вернадским понятием биосферы, назовем семиосферой... Мы имеем дело с определенной сферой, обладающей теми признаками, которые приписываются замкнутому в себе пространству. Только внутри такого пространства оказывается возможной реализация коммуникативных процессов и выработка новой информации.

Понимание В.И. Вернадским природы биосферы может быть полезно для определения вводимого нами понятия, поэтому на нем следует остановиться подробнее. В.И. Вернадский определял биосферу как пространство, заполненное живым веществом. "Живое вещество, — писал он, — есть совокупность живых организмов". Такое определение, как кажется, дает основание полагать, что за основу берется атомарный факт отдельного живого организма, сумма которых образует биосферу. Однако в действительности это не так. Уже то, что живое вещество рассматривается как органическое единство — пленка на поверхности планеты — и что разнообразие ее внутренней организа-

---

* Термином и понятием "правосфера" мы обязаны идеям, изложенным в статье проф. Ю.М. Лотмана "О семисфере" [6].

Следует также отметить, что независимо от нас идея перспективности данного термина была замечена П. Ярвелайдом (кафедра теории и истории государства и права ТУ), подтвердившим возможность его применения в данной работе.

ции отодвигается на второй план перед единством космической функции — быть механизмом переработки энергии, излучаемой солнцем, в химическую и физическую энергию земли, говорит о первичности, в сознании Вернадского, биосферы по отношению к отдельному организму. “Все эти сгущения жизни теснейшим образом между собою связаны. Одно не может существовать без другого. Эта связь между разными живыми пленками и сгущениями и неизменный их характер есть извечная черта механизма земной коры, проявляющаяся в ней в течение всего геологического времени”. С особенной определенностью эта мысль выражена в следующей формуле: “Биосфера имеет совершенно определенное строение, определяющее все без исключения в ней происходящее... Человек, как он наблюдается в природе, как и все живые организмы, как и всякое живое существо, есть функция биосферы, в определенном ее пространстве — времени”.

Аналогичный подход возможен и в вопросах семиотики. Можно рассматривать семиотический универсум как совокупность отдельных текстов и замкнутых по отношению друг к другу языков. Тогда все здание будет выглядеть как составленное из отдельных кирпичиков (тут следует привести хотя и не совсем подходящий, но иллюстрирующий метод мышления подход “легалстов”, рассматривающих право как совокупность законов. — Прим. автора). Однако более плодотворным представляется противоположный подход: все семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм (если не организм). Тогда первичным окажется не тот или иной кирпичик, а “большая система”, именуемая семиосферой. Семиосфера есть то семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса.

Подобно тому, как, склеивая отдельные биштексы, мы не получим тельца, но разрезая тельца, можем получить биштексы, суммируя частные семиотические акты, мы не получим семиотического универсума*. Напротив, только существование такого универсума — семиосферы — делает отдельный знаковый акт реальностью” [6, с. 6-7].

Данный подход дает возможность ввести термин “правосфера”, не входящий в конфликт с термином “семиосфера” потому, что все уровни семиосферы — от личности человека или отдельного текста до глобальных семиотических единств (такой именно представляется “правосфера”. — Прим. автора) — представляют как бы вложенные друг в друга семиосферы, каждая из которых одновременно является и участником диалога (частью

---

* Такие же в принципе начала встречаются и у Дж. Мура при анализе простых и сложных дефиниций: простая сумма разных свойств и качеств не создают понятного определения [5, с. 63-64].

семиосферы), и пространством диалога (целой семиосферой)... [6, с. 22].

В качестве примера можно указать на "правосудие", само входящее в более широкую систему "право" (думается, что через промежуточные сферы), т.е., являясь участником диалога, оно само является пространством диалога. Остановимся на этом подробнее.

Полагаем, что смысл выдвижения нового термина "правосфера" не является самоочевидным. Ю.М. Лотман выводит признаки семосферы: 1) ограниченность, 2) семиотическая неравномерность. Являются ли вышеуказанные признаки "семиосферы" существенными при анализе "правосферы"?

Хотя однородность и индивидуальность трудно определить формально и зависят от системы описания, это не отменяет их реальности и выделяемости на интуитивном уровне, оба эти понятия подразумевают ограниченность семиосферы от окружающего ее внесемиотического или иносемиотического мира [6, с. 8]. Как же обстоит дело с "правосферой"? Поскольку пространство правосферы имеет абстрактный характер, границу и не следует представлять средствами конкретного воображения. Семиотическая граница — сумма билингвальных точек, принадлежащих одновременно и внутреннему, и внешнему пространству, переход сквозь которые переводит текст на другой язык, находящийся вне данной семиосферы, в данном случае вне правосферы. "Замкнутость" семиосферы проявляется в том, что она не может соприкасаться с иносемиотическими текстами или с не-текстами. Для того, чтобы они для нее приобрели реальность, ей необходимо перевести их на один из языков внутреннего пространства или семиотизировать иносемиотические факты. Пример из современной юридической практики, наглядно иллюстрирующий вышеприведенное: в связи с развитием видеотехники и существованием неофициального ввоза в СССР определенных видеокассет возникает проблема: если они демонстрировались за плату (а это по УК ЭССР является запрещенным промыслом), то происходило ли в это же время совершение другого преступления — распространение порнографического издания (§200 УК ЭССР)?* В таких случаях видеофильмы направляются на экспертизу в Госкино. Явствует, что при соприкосновении с иносемиотическим текстом (назовем так упомянутые в данном примере фильмы) сама юриспруденция (правосфера) оказывается бессильной. Нужен "переводчик". В данном примере им является экспертная

---

* В следующем примере мы не касаемся темы содержательной оценки данного преступления как общественно опасного деяния и приводим его в качестве наиболее рельефного проявления феномена "границы правосферы".

комиссия Госкино (состоящая не из юристов, а из специалистов-киноведов). Она семиотизирует "сообщение на другом языке" для правосферы, определяя, имеется ли дело с порнографией или же данный фильм может быть расценен как киноискусство. И только после семиотизации переводчиком иноязычного текста может быть запущен в ход механизм правосудия (если, конечно, переводчик сделал адекватный перевод).

Очевидно, что понятие границы соотносимо с понятием индивидуальности. В данном смысле, если вернуться к приведенному примеру, "правосфера" имеет четко очерченную индивидуальность, обладающую пространственными пределами. Правосфера уподобляется семиотической личности и "проявляет такое свойство личности, как соединение эмпирической бесспорности и интуитивной очевидности этого понятия с чрезвычайной трудностью его формального определения" [8, с. 8].

Граница личности как явление историко-культурной семиотики зависит от способа кодирования. Ю.М. Лотман приводит следующий пример: "Жена, дети, несвободные слуги, вассалы могут включаться в одних системах в личность мужа, хозяина или патрона, не имея самостоятельной индивидуальности, а в других — рассматриваются как отдельные личности. Это ясно обнаруживается в релятивности юридической семиотики (правосферы. — Прим. автора). Когда Иван Грозный казнил вместе с опальным боярином не только его семью, но и всех его слуг, это было продиктовано не мнимой боязнью мести (как будто холоп из провинциальной вотчины мог быть опасен царю!), а представлением о том, что юридически все они составляют одно лицо с главой дома, а следовательно, казнь естественно должна была распространяться и на них" [8, с. 8].

В принципе такую же зависимость границы личности, зависящую от способа кодирования, мы проследили и в примере с §200 УК ЭССР, ведь в других правосферах такое кодирование границы отсутствует, так же как отсутствовала соответствующая практика в других семиозисах времен Ивана Грозного.

Функция границы сводится к ограничению проникновения, фильтрация и адаптирующей переработке внешнего во внутреннее, что является условием существования данной культуры как некоего семиотического целого. На различных уровнях эта инвариантная функция реализуется по-разному. На уровне семиосферы она означает отделение своего от чужого, фильтрацию внешних сообщений и перевод их на свой язык, равно как и превращение внешних несообщений в сообщения, т.е. семиотизацию поступающего извне и превращение его в информацию [8, с. 10]. В правосфере это наглядно иллюстрируется функцией, олицетворенной в роли адвоката. Адвокат является "буферным меха-

лизмом", трансформирующим информацию, своего рода "блохом перевода". При этом наглядно проявляется двуязычная природа данного феномена.*

Адвокат в отношении правосферы, а конкретнее — правосудия, как и упомянутые в примере проф. Ю.М. Лотмана лица особого дарования (колдуны) или типа занятий (кузнец, мельник, палач), принадлежит к двум мирам и является переводчиком. "Персонажи" Ю.М. Лотмана селятся на территориальной периферии, на границе культурного и мифологического пространства, принадлежат то к одному, то к другому миру, т.е. как существующее и то, что разрушает существующее [8, с. 10]. Но я адвокат, будучи тем, что непременно входит в правосудие, в то же время принадлежит и к тому (является тем), что это же правосудие разрушает. Наглядным свидетельством этого является требование профессиональной этики адвоката сохранять тайну клиента, не сообщать о преступлениях, еще не известных правосудию, но ставших известными только ему от клиента, совершившего эти деяния. В то же время основополагающим принципом правосудия и вообще правосферы является то, что ни одно преступление не должно остаться безнаказанным. Природа адвоката и, возможно, правосудия (ведь оно не может, если оно хочет быть правосудием, а не судилищем, вести без защиты) явно двуязычна.

Надо, однако, иметь в виду, что "если с точки зрения своего имманентного механизма граница соединяет две сферы семиозиса, то с позиции семиотического самосознания (самоописания на метауровне) данной семиосферы она их разделяет" [8, с. 10–11]. Например, с позиции "классической" правовой науки адвокат — или защитник (в уголовном процессе), или представитель (в гражданском деле), т.е. участник судебного процесса (бывает и участие в уголовном деле до начала судебного разбирательства), его возможные действия, полномочия зафиксированы в соответствующих процессуальных кодексах. Он входит полностью в "правосферу", выполнять задачи судебной защиты иначе невозможно.

Осознать себя в культурно-семиотическом отношении — значит осознать свою специфику, противопоставленность другим сферам. Это заставляет акцентировать абсолютность той черты, которой данная сфера очевидна [8, с. 11]. Так, адвокатура акцентирует то, что она не государственный (как, например, суд, милиция или прокуратура) институт. На первый план выдвигает

---

* Во избежание недоразумений подчеркнем, что двуязычие является в данном случае не оценочно-эмоциональным термином (чем-то вроде двуличности), а выражением билингвистичности, свойственной функционированию любой культуры.

сов клиента. Адвокат — юридический персонаж, который, идя против прокурора, якобы идет против государства. Но один прокурор — это еще не общество, такие “якобы” отождествления в реальном мире опасны. Две стороны в суде — обвинение и защита — необходимы.

Выявляется, что то, где проходит граница между сферами семиозиса, зависимо от позиции наблюдателя. Если теоретик “классического” уклада проводит границу, основываясь на кодексах, разделяя все правовое на законное — незаконное, то незаконное тем не менее не становится полностью не-правовым. Во всяком случае с точки зрения более широкой трактовки права.

Отметим, что именно структурная неоднородность семиотического пространства образует резервы динамических процессов и является одним из механизмов выработки новой информации внутри сферы. На периферийных участках, менее жестко организованных и обладающих гибкими, “скользящими” конструкциями, динамические процессы встречают меньше сопротивления и, следовательно, развиваются быстрее. Создание метаструктурных самоописаний (грамматик) является фактором, резко увеличивающим жесткость структуры и стабилизирующим развитие. Такой грамматикой для научного сообщества может оказаться господствующая парадигма, которая, несомненно, ограничит и рецепцию данного подхода. Подчеркнем, что и данная работа является правовым метатекстом и тем самым также подвержена соответствующим парадигматическим ограничениям.

Неравномерность правосферы является предикатом для диалога, для выработки новой информации.

Б. Иконографически-текстуальная форма в правосфере

Необходимые отношения структурного разнообразия и структурного подобия, которые позволяют строить диалогические отношения, создает зеркальная симметрия [5]. В ряду прочих символов (образы Фемиды, весов, меча и др.), представляющих право, может считаться (особенно в течение последних десятилетий) знак “§”, вышедший за рамки лишь технического определения отдельных частей правового текста. Зададим вопрос: является ли он палиндромом?*

Если в русском языке палиндром требует способности “видеть слова целиком”, т.е. воспринимать их как целостный рису-

---

* Палиндром (греч. — “бегущий вспять”, иначе перевертень) — фраза, построенная так, что ее можно читать и справа и слева, сохраняя смысл, напр.: “Я иду с мечом судия”, [9, с. 409–410].

нок, своего рода иероглиф, то китайский палиндром переводит зримое и целостное в дискретное и аналитически дифференцированное. Думается, что знак “§” подобен, в этом смысле, китайскому палиндрому. Таким образом возникает проблема выяснения его аналитического, дискретного содержания, его возможных трактовок.

Уже в обыденном понимании он проявляет в своей сущности зеркальную симметрию — “§” (подразумевается закон) можно перевернуть на 180°, не меняя его визуальный образ (“повернешь — ничего не меняется”). В каком же смысле он является символом “правосудия”? (Мы не считаем возможным ограничить его значение прописной банальностью — статью, мол, можно “крутить” в любую сторону). В процессе существуют две различные позиции, являющиеся конститутивными его состязательному характеру: обвинитель и защитник (прокурор и адвокат), истец и ответчик, более абстрактно — несовпадающие, старающиеся опровергнуть друг друга стороны. Отдельную статью закона можно, соответственно, трактовать по-разному, в зависимости от позиции участника процесса. Закон при этом сам не меняется. При этом инкриминация — защита отдельного случая являются опровергающими друг друга и зависят от позиции толкующего в процессе. Адвокат и прокурор преследуют в процессе разные интересы. Закон (“§”), являющийся равной для них основой при этом, не меняется. Можно допустить, что при более глубоком анализе должны выявиться весьма проблематичные возможности интерпретации такой полярности процесса. *Auditur et altera pars** — и визуально, и аналитически “§” является палиндромом. Следует обратить внимание и на функцию “§” в процессуальном времени. Имея в виду, что смысл (юридической) нормы заключен в классическом (аристотелевском) принципе справедливости, при котором аналогичные случаи следует рассматривать аналогично, “§” является осью зеркальной проекции прошлого на будущее и, в принципе, наоборот.

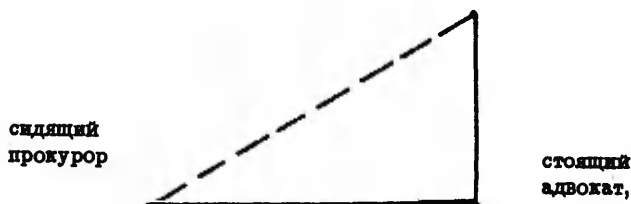
В связи с визуальной формой элементов механизма функционирования правовых знаковых систем следует обратить внимание и на чисто пространственные характеристики правового процесса. Н. Тарабукиным был открыт закон живописной композиции, согласно которому ось диагонали из правого нижнего в левый верхний угол визуального изображения создает эффект пассивности, а противоположная — из левого нижнего в правый верхний — активности и напряжения. Экспериментально подтвержден факт: одна и та же картина, переведенная при отпечатке гравюры в зеркальную симметрию, меняет эмоционально-смысловой акцент на противоположный [6, с. 22].

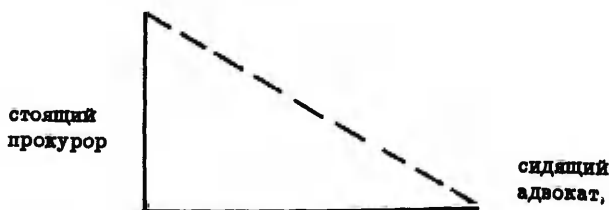
* Выслушать и другую сторону (лат.).

Хотя в судебном зале в процессуальной практике СССР главное воспринимается слухом, нельзя заведомо исключить и визуальный эффект процесса. Каков же он?

На сидящих в зале при речи адвоката действует композиция:

т.е. создается эффект активности. При речи прокурора — обратное:

т.е. эффект пассивности.

Но такова картина со стороны зрителя в зале. А какова композиция со стороны состава суда? Прямо противоположная! Эмоционально-смысловой акцент перевернут. Зеркально-симметричная парность — элементарная основа диалогических отношений — просматривается и здесь.

Относительно визуальных характеристик права и процесса его функционирования хочу отметить достаточно различные и обширные области анализа — среди них, например, архитектуру судебных зданий (мы не имеем здесь в виду функционально- типовые постройки типа будущего Дворца юстиции в Таллине или помещения судов в г. Тарту), повторение мотивов судилищ Пилата в живописи и т.п. Эмпирическая основа такого рода исследований указана, в частности, в известной работе Ж. Карбонье [7, с. 236-237].

Литература

1. См., напр., организованный журналом "Советское государство и право" № 7 и 8 за 1979 г. круглый стол теоретиков.
2. Нерсисянц В.С. Право и закон. — М., 1983.
3. Куя Т. Структура научных революций. — М., 1977.
4. В сборнике "Разум и культура". — М., 1983.
5. Мур Дж. Принципы этики. — М., 1984.
6. Лотман Ю.М. О семиосфере // Уч. зап. ТГУ. — Тарту, 1986. — Вып. 641: Труды по знаковым системам XVII.
7. Карбонье Ж. Юридическая социология. — М., 1986.
8. Литературная энциклопедия. — М., 1934. — Т. 8.
9. Брюсов В. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфам и формам // Стихи 1912-1917. — М., 1918.

HUMAN RIGHTS AS UNIVERSAL MORAL ENTITLEMENTS

L. J. Macfarlane

Human rights are those paramount rights which all men and women everywhere ought to have secured for them under the law of the societies in which they live. Human rights are universal moral entitlements deriving from the common attribute of being human, and are owed by all societies to their members irrespective of the political, social, economic or cultural complexion of the particular society concerned. The Universal Declaration of Human Rights adopted by the United Nations General Assembly on 10 December 1948, gives for the first time, clear and authoritative expression to this noble conception

"Article 1 "All human beings are born free and equal in dignity and rights. They are endowed with reason and conscience and should act towards one another in a spirit of brotherhood."

"Article 2 "Everyone is entitled to all the rights and freedoms set forth in this Declaration, without distinction of any kind, such as race, colour, sex, language, religion, political or other opinion, national or social origin, property, birth or other status" /1/.

Though the Declaration is not a binding instrument of international law, it is recognised as an imperative statement of principles which all nations ought to adhere to and give legal effect to. It was recognised at the time that the principles declared needed further elaboration and refinement in instruments laying down specific obligations which signatory states would bind themselves to fulfill. The upshot was the

unanimous adoption in 1966 by the UN General Assembly of the International Covenant on Economic, Social and Cultural rights (ICES) and the International Covenant on Civil and Political Rights (ICPR). It is important to stress, however, that the obligation of states to secure, protect and enforce these rights derives fundamentally and directly from the inalienable moral responsibility of governments to their citizens, and not from their ratification of particular international human rights instruments. Both the black people of South Africa and the black people of the United States have legitimate claims to the rights embodied in the International Covenants on Civil and Political and on Economic, Social and Cultural Rights, although the former state has not signed, and the latter not endorsed, either Covenant. Those denied the rights which it is recognised all should have are entitled to take such steps as are necessary and available to secure their rights; provided that such action does not involve substantial violations of the rights of others.

It has been argued that the concept of human rights embodied in the UN Declaration of Human Rights is distinctly Western, deriving from Western political thinking and Western culture, and reflecting Western social, economic and political conditions. The Declaration, on this view, is largely irrelevant to societies and peoples with quite different values, backgrounds and conditions and should be reshaped to take account of these differences. What is required, it is argued, is a radical rethinking of the whole conception of human rights to take account of this diversity, while retaining the notion of the fundamental requirements of human dignity irrespective of setting /2/.

This is a dubious, unrealistic and unhelpful approach; dubious because it takes no account of the extent to which there is near universal agreement in all cultures and acceptance by

almost all states that evils, such as torture, should never be perpetrated and principles of justice, such as a fair trial, should never be denied; unrealistic in that it is unconceivable that the UN would agree to throw overboard the human rights agreements reached in the past forty years; and unhelpful in that radical rethinking would divert attention away from the urgent problems of those suffering from the evident deprivation of rights as presently formulated.

Cultural relativism is subversive of the concept of universal human rights if it takes the form of an insistence that these rights must be understood and interpreted solely in terms of the values and norms of the particular culture concerned. Though the rights laid down in UN Declarations and Covenants require interpretation, and though different interpretations may be derived in terms of different cultural values and norms, it does not follow that all interpretations are plausible or defensible. In his article 'Cultural Relativism and Universal Human Rights', Professor Jack Donnelly argues that the conceptual nature of the right itself sets limits to what is plausible or defensible in terms of a particular culture /3/. Donnelly points to the use of cultural relativist arguments by economic and political elites to justify practices which have only a weak or spurious connection to the reality of present life in once traditional societies. Thus in Malawi President Banda utilised 'traditional courts', made up of judges and chiefs appointed by him, to deal with political opponents outside the regular legal system /4/. In the past European Communist state representatives on the UN Human Rights Committee have adopted a relativist stance, using the argument that states with different social systems have 'different concepts' of human rights, to justify different interpretations of the obligations imposed by ICPR and to support the claim that the Communist states were in full compliance with the Covenant /5/.

In his article Donnelly suggests that "an essential universality even in the midst of considerable substantive diversity" for human rights may be derived from the notion of "a large common core with relatively few differences 'around the edges'" /6/. The notion of 'the core' with respect to human rights has been developed by Professor Tom Campbell and fellow contributors to Human Rights: From Rhetoric to Reality. As conceived by Campbell the core of each human right is both "the absolute and infeasible element ... the irreducible minimum which cannot be subject to any limitation" and, from another angle, "the fundamental purpose or objective of the right in question, which forces us to think not only of the irreducible core but also of those consequential associated rights which are necessary for the realisation of the central objectives of a human right." The two aspects of the core are seen as closely related, since it is "the objective of the right that will largely determine the irreducible core which has to be protected at all cost" /7/. In these terms, the core of each human right laid down in the UN Declaration and associated Covenants is the minimum required by the purpose of the right concerned. This is consistent with Article 4 of ICES which lays down that states may subject such rights "only to such limitations as are determined by law only in so far as this may be compatible with the nature of these rights and solely for the purpose of promoting the general welfare in a democratic society ...". The 'core' approach is also helpful for establishing whether a derogation of rights in a proclaimed emergency under Article 4 of ICPR meets the requirement that the derogation is "to the extent strictly required by the exigencies of the situation." The notion of 'the core' as an irreducible minimum not subject to any limitation find direct expression in the existence of Articles of ICPR which are not subject to derogation in emergency e.g.

Article 6 (no arbitrary deprivation of life), 7 (proscription of torture), and 8 (proscription of slavery and servitude).

There is no inherent difficulty in arriving at agreement as to what constitutes the universally applicable minimum 'core' requirements for most civil and political rights. Thus a group of thirty one experts, on International law from countries including Brazil, Canada, Egypt, Greece, Hungary, India, Kuwait, Norway, Poland, Switzerland, United Kingdom and USA., meeting in 1984 to consider the limitation and derogation provisions of ICPR, agreed as follows:

"Although protections against arbitrary arrest and detention (Art. 9) and the right to a fair and public hearing in the determination of a criminal charge (Art. 14) may be subject to legitimate limitations if strictly required by the exigencies of an emergency situation, the denial of certain rights fundamental to human dignity can never be strictly necessary in any conceivable emergency. Respect for these fundamental rights is essential in order to ensure enjoyment of nonderogable rights and to provide an effective remedy against their violation. In particular:

a) all arrests and detention and the place of detention shall be recorded, if possibly centrally, and made available to the public without delay;

b) no person shall be detained for an indefinite period of time, whether detained pending judicial investigation or trial or detained without charge;

c) no person shall be held in isolation without communication with his family, friend, or lawyer for longer than a few days, e.g., three to seven days;

d) where persons are detained without charge the need for their continued detention shall be considered periodically by an independent review tribunal;

e) any person charged with an offense shall be entitled to a fair trial by a competent, independent and impartial court established by law;

f) civilians shall normally be tried by the ordinary courts; where it is found strictly necessary to establish military tribunals or special courts to try civilians, their competence, independence and impartiality shall be ensured and the need for them reviewed periodically by the competent authority;

g) any person charged with a criminal offense shall be entitled to the presumption of innocence and to at least the following rights to ensure a fair trial;

- the right to be informed of the charges promptly, in detail and in a language he understands,

- the right to have adequate time and facilities to prepare the defense including the right to communicate confidentially with his lawyer,

- the right to a lawyer of his choice, with free legal assistance if he does not have the means to pay for it,

- the right to be present at the trial,

- the right not to be compelled to testify against himself or to make a confession,

- the right to obtain the attendance and examination of defense witnesses,

- the right to be tried in public save where the court orders otherwise on grounds of security with adequate safeguards to prevent abuse,

- the right to appeal to a higher court;

h) an adequate record of the proceedings shall be kept in all cases; and,

i) no person shall be tried or punished for an offense for which he has already been convicted or acquitted" /8/.

The concept of human rights as universal minimum core rights allows for diversity in their form and manner of application, since, as Esin Ördü points out each core right must generate a

cluster of associated concomitant rights necessary for its realisation in the specific social context and circumstances of particular states /9/. In these terms it is both possible and necessary to provide for national variations in the form in which the minimum core area of a right is incorporated in the domestic law of states with differing social structures and cultural norms. Such an approach could also accommodate changes in attitude over time. A consensus might emerge that the area of a core right should be enlarged, e.g., capital punishment, expressly provided for in ICPR, might come to be regarded as a violation of the right to life. Alternatively the interpretation of the core area of a right might be enlarged as the result of the decisions of a body responsible for rights implementation. This is already taking place to a limited degree for those state members of the Council of Europe which have made Article 46 declarations binding themselves under the European Convention on Human Rights to accept the Judgments of the European Court of Human Rights. Thus in the Dudgeon case the Court ruled that the law in Northern Ireland, criminalising private homosexual behaviour between males capable of valid consent, constituted a breach of Article 8 of the European Convention, (right to privacy) /10/.

It remains open to question, however, whether all value systems are compatible with the concept of human rights conceived as minimum core rights which all persons in all societies are entitled to have secured to them. The issue is particularly pertinent with respect to Islamic states. Thus, while Professor Mohammed Allal Sinaceur of Morocco, Director of the Philosophy Division of Unesco, has urged that there is no incompatibility between Islamic ethics and the fundamental principles underlying human rights, he stressed that "human rights in Islam are human rights in the light of Islam" and called for a specifically Islamic Declaration of Human Rights and Public Liberties /11/. A similar conclusion was reached

by the participants in the seminar on human rights in Islam organised by the International Commission of Jurists in the University of Kuwait in December 1980: The seminar recommended the creation of an Islamic charter of human rights and the adoption of those international human rights provisions "concordant with the spirit of Islam" /12/. The problem with this formulation is that it subordinates the inalienable core of human rights to the requirements of traditional Islamic teachings. These teachings were the basic for the adoption in 1982 by the Iranian Republic of Iran of a new Islamic Penal Code providing for the judicial punishments of flogging, amputation of limbs, mutilation of the body, crucifixion and stoning to death.

It has commonly been argued that the Marxist conception of human rights incorporated in the ideology of the communist states is markedly at variance with the conceptions underlying the United Nations Declaration of Human Rights and the associated Covenants. In his perceptive article 'Human Rights Under State Socialism' /14/ David Lane summarises the distinctions between the individualist conception of rights associated with the Western liberal-democratic capitalist states and the collectivist conception associated with the East European socialist states:

<u>Individualist</u>	<u>Collectivist</u>
rights are possessed by individuals	rights are held by groups or classes
rights are determined prior to and are opposed to the state	rights are defined by and actived through the state
rights are enforced through individual claims against the state	rights are enforced through administrative action
rights are observed through the absence of interference by individuals and institutions	rights are achieved through actions by institutions and the state

It is, in my view inappropriate to make an analysis in terms of a fundamental conflict between a Western European individualistic and an Eastern European collectivist approach to human rights, though there is a difference of emphasis. The Soviet conception of human rights, as expressed by Professor V.N. Kudryavtsev of the Soviet Academy of Sciences, in an article 'Human Rights and the Soviet Constitution', "recognises the social character of human rights and freedoms" and "emphasizes that human rights are historically conditioned and so vary in accordance with changes in the social, economic, political, cultural and other aspects of society." This is a view which most Western scholars would endorse. Importantly Professor Kudryavtsev associates this approach with a clear endorsement of the Universal Declaration of Human Rights and the two International Covenants as "the minimum elementary democratic human rights essential for all contemporary civilized societies" /15/.

It is also misleading to present the differences between Western and Eastern conceptions of human rights in terms of an irreconcilable antagonism between individualism and collectivism. All human rights are necessarily the rights of persons in society, not as isolated beings, and are shaped and limited by their impact on other members of society. Moreover, many of the traditional liberal rights are rights which persons either need to be able to exercise in association with others, as well as on an individual basis, (e.g. the right to freedom of religious manifestation); of rights which can only be exercised in conjunction with others, (e.g. the rights of association and assembly). In this connection it is illuminating to look at the human rights position in modern Japan where, as Professor Beer has stressed in Freedom of Expression in Japan, the cultural emphasis is much more orientated than in Western Europe towards the rights of the groups which individuals belong to and identify with, than to the rights of individuals as such. Japan

has recognised the significance of this and established special bodies designed to facilitate individual action to secure their rights. Thus 10,000 persons nominated by local organisations serve as local Civil Liberties Commissioners to investigate individual complaints of human rights violations by public officials, private organisations or other individuals, with a view to resolving them by conciliation and negotiation. Individual complaints against officials can also be made and dealt with by 4,500 appointed Local Administrative Counsellors. Professor Beer's conclusion, that "these protections and encouragements for the right to expression may be peculiarly central to demonstrate rule of law in a country like Japan in which there exists bureaucratism and perennial government by the same political party, the Liberal Democrat Party, which is not known for exceptional sensitivity to human rights issues" may be thought by supporters of glasnost to be pertinent to the conditions existing in the European Communist states. /16/

The distinction drawn between liberal rights as rights of non-interference against the state and socialist rights as rights secured by state action is invalid. All rights of non-interference against the state require state action to establish and secure such rights from infringement by state bodies and state officials, as well as by private bodies and private individuals. Moreover, while in some cases it is possible to remove interferences by abrogating laws and decrees, e.g. removal of laws imposing censorship or forbidding parents arranging classes for their childrens' religious instruction, in many areas it will be necessary to define the area of the liberty right to be protected. Rights to freedom of expression and association cannot be claimed as absolute rights, subject to no qualifications; nor are they expressed in such unqualified terms in ICPR or the European Convention of Human Rights. What has to be ensured is that the minimum core area of each right is fully preserved in

laws which strictly and tightly define the qualification and restrictions to which the right is subject. It is also vital to ensure that the laws do not grant wide discretionary powers of interpretation to officials permitting them to be the arbiters of what rights citizens have. The responsibility for protecting the rights of citizens under the law falls on the judiciary, Experience shows, however, that it is only where judges and other legal personnel are trained in the principles of judicial independence, are not subject to executive or party control, and are both highly-regarded and adequately-paid, that judicial independence will be realised in practice.

It is widely held that the differing liberal-democratic and socialist conceptions of human rights has led to the socialist states attaching greater weight to economic and social rights, than to the traditional civil and political rights to which the liberal-democratic states accord priority. Current Soviet expressions of opinion are concerned, however, to endorse the official UN position that "equal attention and urgent consideration should be given to the implementation, promotion and protection of both civil and political, and economic, social and cultural rights" /17/. Professor Kudryavtsev writes, "It is sometime supposed that the socialist conception of human right give priority to economic rights, tending to ignore or undervalue other categories of the fundamental rights of the citizen, but this is not the case. Nevertheless, it must not be forgotten that the existence and guaranteed status of the fundamental economic rights of citizens constitutes an extremely important, sometimes indeed an essential prerequisite for the effective enjoyment by citizens of their political, social and cultural rights" /18/. While few would dissent from this it is important to note that the reverse may also be true. In the socialist states many citizens complain not only of the failure or refusal of officials to grant them the social and economic

rights to which they claim entitlement, but of attempts of suppress criticism of such officials. It is manifestly the case that in order to secure one's economic and social rights in instances of alleged official default, men and women in all societies require both access to independent courts and the opportunity to exercise rights of freedom of expression and association to assert their claims.

But while political barriers prevent large numbers of persons from enjoying the economic and social rights to which they are legally entitled, the major barrier for the vast majority of the peoples of the world is one of lack of resources, both material and human, of the states in which they live. This is explicitly recognised in Article 2.1 of ICES:

"Each State Party to the present Covenant undertakes to take steps, individually and through international assistance and co-operation, especially economic and technical, to the maximum of its available resources, with a view to achieving progressively the full realisation of the rights recognised in the present Covenant by all appropriate means, including particularly the adoption of legislation measures" /19/.

There is, moreover, an important sense in which there is no limit to the process of possible 'progressive realisation' on many of the economic and social rights listed. This applies to all states not just the poorer ones. Thus, in spite of the fact that the majority of persons in Western states enjoy 'adequate food, clothing and housing' (Article 11), the poor minority certainly do not even though their relative position has improved. The notion of 'adequate' in this context is itself a reflection of historical and cultural factors which change over time. This is implicitly recognised in the Article which refers to the right to 'the continuous improvement of living conditions' (my italics). Article 12 asserts the right of everyone 'to the enjoyment of

the highest attainable standard of physical and mental health', where the 'highest attainable' is ever rising as medical research and technique advance. But what is possible for some at the frontiers of medical science necessarily cannot be made available for all, even in the richest nations. Moreover choices have to be made between competing claims for resources to meet rising social standards in health, education, housing etc., as well as claims for resources for non-social areas such as defence and internal security. In the modern world with rising expectations there will always be economic and social claims which cannot be met even though strong grounds for their satisfaction can be made in terms of social justice and individual self-realisation. For these reasons it is much more difficult to apply the notion of a minimum core to economic rights, like the right to an 'adequate' standard of living, or to social rights, like the right to 'highest attainable' level of health, then to civil and political rights. A country like Ethiopia may simply lack the resources to feed its people when crops fail, or to provide even rudimentary medical services to the outlying rural poor. These dreadful realities have forced recognition that the realisation of universal economic and social rights requires acceptance by all states of a common responsibility for ensuring that no one anywhere falls below rock-bottom levels. Though a state's first obligation is to secure economic and social rights for all its own subjects, it has a secondary obligation, to take steps to secure improvements in states too poor to help themselves. This recognition finds expression in the 1974 UN Declaration on the need to establish a New International Economic order and the 1981 UN Declaration of the Right of Development as an inalienable right. The basic problem, however, is that in a world of independent states there is no way in which such a right could be enforced by the 'have not' states against the 'haves'. Moreover it has to be recog-

nised that within the poorest states the small minority of the rich and powerful instead of helping, commonly continue to exploit their own poor, successfully diverting into their own pockets both internal government funds and external aid to their own corrupt advantage. As I wrote in The Theory and Practice of Human Rights

"the need deficiencies of a poor country may derive not only from a lack of resources, knowledge or skill, but from an absence of incentives, the existence of cultural values or institutions inhibiting development, serious internal conflict or instability, or a high degree of inefficiency or corruption within the economy or the Government servide" /20/.

One cannot therefore, accept the premise that the Right to Development is an 'inalienable right', of poor nations to unconditional assistance from rich nations. On the contrary the later are not only entitled, but morally required, to try and ensure that the assistance given is effectively used for the benefit of the needy. This is the approach taken by the Norwegian Agency of International Development which insists that its development co-operation work "must not strengthen the forces of political repression nor those which stand in the way of social justice" /21/. On the other hand, it is important that western states should not seek to impose western conceptions of economic and social requirements on third world states with a different range of needs. In health care, for example, the urgent need is likely to be not for a few modern hospitals staffed by highly trained specialists, (working for the benefit of an urban minority often excluding the very poorest), but large numbers of basically equipped medical clinics with doctors and nurses trained to carry out simple surgery and medical care and to promote preventive measures.

Just as economic and social rights are essentially the universal rights of the needy everywhere, so civil and political rights are essentially the universal rights of the oppressed everywhere. These two groups of the needy and the oppressed are often the same people, requiring both sets of rights if they are to improve their unenviable condition. Thus gross violation of the rights to be free from coerced labour, from cruel inhuman or degrading punishment, to liberty and security of the person, and to freedom of movement are all violated under the system of bonded labour prevalent in India and other parts of South Asia. Such wretched dependent persons are in no position to avail themselves of their legal rights under Indian law. An expert committee set up by the Indian Government in 1976 concluded that legal equality required "the elimination of all these unjust institutions which generate the perpetuate poverty" /22/.

The provisions of ICPR, unlike most of the provisions of ICES, are based on the presumption that the signatory states will and can give immediate effect to the rights set out in the Covenant. This, Professor Jhabvala argues, "stems from the assumption; implicit in the Covenant but explicit in its legislative history, that such implementation was largely if not wholly independent of the socio-economic context within which it would be implemented" /23/. The expectation was ill-founded. The whole framework of civil and political rights is dependent on the existence of an adequate and effective legal structure operating according to the principles of the rule of law. In new states this involves incurring substantial public expenditure to establish courts and prisons and train judicial, police and prison staff. But it is not simply, or mainly, a question of providing an adequate institutional structure, but of whether that structure is capable of realising the rights set out in the Covenant. This requires above all else, that the laws

enacted and administrative procedures adopted strictly conform to the requirements of the rule of law set out in ICPR:

protection against arbitrary arrest and detention; no ill-treatment of persons detained or convicted; effective access to courts operating under fair trial procedures; a judiciary and legal profession not subject to political control or outside pressure, and dedicated to upholding the rule of law without fear or favour.

As Mikhail Gorbachev stresses in his book Perestroika "democracy cannot exist and develop without the rule of law, because law is designed to protect society from abuses of power and guarantee citizens and their organisations and work collectives their rights and freedoms." Gorbachev calls for the strict observance of the principle "everything which is not prohibited by law is allowed" /24/. This marks a crucial departure from the authoritarian principle 'everything which is not expressly permitted by law may be forbidden by officials'. But as Gorbachev and the reformers have recognised the realisation of perestroika and glasnost involves making substantial changes in existing law to give greater reality and practical meaning to the rights guaranteed to Soviet citizens under the Soviet Constitution and by Soviet ratification of the International Covenants on Human Rights. This applies to both individual and collective rights of free expression, religious manifestation, assembly, association and political participation. Recent developments in the Soviet Union indicate significant improvements in areas of civil and political rights. Some Western leaders and commentators have belittled these improvements, underestimating the strength of the opposition to such changes as have occurred or are projected. No such failure of understanding and estimation is to be found in Andree Sakharov who, at an officially organised Moscow press conference at the end of the visit of President Reagan to Moscow,

declared himself a wholehearted supporter of the substantial and positive changes taking place under Gorbachev, while at the same time calling for the removal of the 'catch-all' charge of 'anti-Soviet activities' from the criminal code, the immediate release of all prisoners of conscience, freedom of emigration and the restoration and legal recognition of the Catholic Uniate Church of the Ukraine. This is glasnost in action, holding out prospects for the progressive realisation of civil and political rights in the socialist society of the USSR.

Footnotes

(n.b. the place of publication is London in all cases where no specific location is cited.)

1. Basic Documents on Human Rights. 2nd edition / Edit. Ian Brownlie. Oxford: Clarendon Press, 1981. P. 22.

2. See for example, Adamantia Pollis and Peter Schwab: Human Rights: A Western Construct with Limited Applicability // Human Rights: Cultural and Ideological Perspectives / Edits A. Pollis and P. Schwab. New York: Praeger Publishers, 1980.

3. Jack Donnelly. Cultural Relativism and Universal Human Rights // Human Rights Quarterly. November 1984. Vol. 6, No. 4. P. 408.

4. Ibid. P. 412.

5. Farrokh Jhabvala. The Soviet-Bloc's View of the Implementation of Human Rights Accords // Human Rights Quarterly. November 1985. Vol. 7, No. 4. P. 478 - 9, quoting from Summary Record of the 536th and 567th Meetings of the UN Human Rights Committee in 1984.

6. Donnelly. Op. cit. P. 409.

7. Tom Campbell. Introduction: Realising Human Rights // Human Rights: From Rhetoric to

Reality / Edits T. Campbell, D. Goldberg, Sh. McLean and T. Mallen. Basil Blackwell, 1986. P. 10 - 11.

8. Symposium: Limitation and Derogation Provisions in the International Covenant on Civil and Political Rights // Human Rights Quarterly. 1985. Vol. 7. P. 12 - 13.

9. Esin Özücü. The Core of Rights and Freedoms: The Limit of Limits // T. Campbell. Human Rights: From Rhetoric to Reality.

10. Judgement of European Court of Human Rights, Strasbourg, 22, October 1981.

11. Mohammed Allal Sinaceur. Islamic tradition and human rights // Philosophical foundations of human rights / UNESCO. Paris, 1986. P. 211.

12. Human Rights in Islam: Report of a seminar held in Kuwait, December 1980, organised by the International Commission of Jurists, the University of Kuwait and the Union of Arab Lawyers, published by the International Commission of Jurists. Geneva, 1982. P. 18.

13. Memorandum from Amnesty International to the Islamic Republic of Iran concerning the Islamic Penal Code of Iran (8 August 1986), included in Amnesty International, Iran: Violations of Human Rights, 1987.

14. David Lane. Human Rights Under State Socialism // Political Studies. September 1984. Vol. XXXII, No. 3. P. 353.

15. V.N. Kudryavtsev. Human Rights and the Soviet Constitution // Philosophical foundations of human rights. P. 83 and p. 89. Professor Kudryatsev is an associate member of the Academy of Sciences of the USSR and a specialist in Penal Law and Criminology.

16. Lawrence Ward Beer. Freedom of Expression in Japan: A Study in Comparative Law, Politics and Society. Tokyo: Kodansha International Ltd, P.

17. General Assembly Resolution 32/130, 16 December 1977 // UN Chronicle. January 1978. No. 1.

18. V.N. Kudryavtsev. Op. cit. P. 89.
19. Ian Bailie. Basic Documents on Human Rights. P. 119.
20. L.J. Macfarlane. The Theory and Practice of Human Rights. Maurice Temple Smith, 1985. P. 139 - 140.
21. Quoted by UN Secretary General // Report to UN Economic and Social Council. Commission on Human Rights 35th session, paras. 269 - 70.
22. Report on National Judicate: Equal Justice - Social Justice, Department of Legal Affairs. India, 1977. P. 24 - 25, quoted by F. Jhabvala. Domestic Implementation of the Covenant on Civil and Political Rights. 1985. P. 481. Netherlands International Law Review. Vol. 32.
23. Ibid. P. 485.
24. Mikhail Gorbachev. Perestroika: New Thinking for Our Country and the World. Collins, 1987. P. 105 and p. 108.

ОБ ОТНОШЕНИЯХ ОТРАЖЕНИЯ МЕЖДУ ЮРИДИЧЕСКИМ И ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ*

Я. Я. Кросс

Именно на эту тему доктор Грязин попросил меня выступить или, как он выразился, "написать хотя бы маленькое эссе" для данного сборника. И на самом деле (по крайней мере, как постановка проблемы) такое рассуждение вполне возможно, о чем свидетельствуют — в хорошем или плохом смысле — и последующие строки.

Для того, чтобы подвергнуть рассмотрению возможности некоего взаимного отражения, следует сначала каким-то образом определить сами плоскости, находящиеся в отношениях отражения. Для этого, видимо, существует два принципиально различных пути. Во-первых, можно попытаться обнаружить, так сказать, внутритекстовую специфику взаимоотражающих текстов и выявить различия через сопоставление их особенностей. Второй же путь заключается в обнаружении внетекстовых специфических черт исследуемых текстов, в данном случае он заключается в первую очередь в анализе механизмов формирования одного или другого типа текстов.

Труднее всего определить специфику (относительно других текстов) текста в том его виде, в котором он выражается в качестве художественной прозы. Это представляется разрешимой задачей лишь в случае, когда подвергаются рассмотрению самые обширные "плоскости" и самые общие признаки такого рода текстуальных образований. При таком условии можно сказать, пожалуй, так: текст художественной прозы является повествованием, преследующим эстетические цели и не говорящим о том, что в общем случае должно, а что в отдельном случае могло быть. Повторяю: этот вывод возможен на основе лишь огромной массы художественных текстов. На более "ограниченных" плоскостях в качестве художественного может выступать

---

* Здесь и далее юридический текст означает текст законодательного или иного государственно-нормативного акта. — Прим. ред.

практически любой текст. Даже текст, дословно повторяющий юридический, может в художественном контексте стать и сам таковым.

К счастью, это не совсем так в случае, если мы имеем дело с более выразительным правовым текстом. Цель юридического текста не эстетическая, а нормативная, и поэтому в нем говорится не о том, что в конкретном случае могло быть, было или есть, а о том, что в любом случае должно быть, или, поскольку юридический текст нормирует человеческое поведение, он, по правде говоря, фиксирует должное поведение. Тем не менее, например, некоторые морализирующие куски в художественном произведении могут в буквальном смысле преследовать эту же цель. И, наоборот, юридический текст может нести также всевозможный вненормативный балласт: декларации о благих намерениях законодателя, о пороках своих предшественников и о собственных преимуществах по сравнению с ними и т.п. Да будет замечено — чем ниже умственная культура законодателя, тем больше накачиваются юридические тексты такого рода шлаком, не имеющим правового смысла и приобретающим чуть ли не литературное значение.

Таким образом становится ясно, что различие между указанными типами текстов обнаружить отнюдь не легко. Однако задача их разграничения сразу же упростится, как только мы обратим внимание на саму внутреннюю двойственность этих типов текстов. Дело в том, что существуют художественные тексты в их материальном, а также в их формальном смысле. * Аналогично положение с юридическими текстами — они также могут быть определены как с материальной, как и с формальной точки зрения.

Какой текст является художественным в материальном смысле?

Такой, который чем более явно, тем лучше соответствует уже названным признакам: свидетельствует об эстетических намерениях и, last not least, должным образом их реализует, делая это в виде повествования о том, что было, есть или могло быть.

Художественным в формальном смысле слова является текст, приобретающий эту характеристику лишь по определенным внешним признакам и без строгого учета его содержатель-

---

* Независимо от Герберта Харта (ср. напр. H. L. A. Hart. *The Concept of Law*. — Oxford Univ. Press, 1979, ch. V) автор проводит здесь аналогичную мысль: некоторые тексты права признаются таковыми в силу признанности юридическим их источника — явление, которое, как оказывается, в некотором смысле производно от процесса становления литературного текста, точнее, от его признания в качестве такового. — Прим. ред.

ных характеристик. Художественность может быть приписана тексту, например, по той причине, что он написан автором, признанным в качестве писателя, или потому, что он опубликован в литературном журнале. Или даже потому, что некие круги усиленно насаждают идею о его художественном характере. Et caetera. Из сказанного следует, что нормальным случаем художественного текста является тот, при котором данный текст приобретает характеристику такового как в формальном, так и в материальном смысле.

Как обстоят в этом отношении дела с юридическими текстами? И проще, и сложнее, хотя в общих чертах аналогично. Сложнее, в первую очередь, потому, что аспект историчности и "настоящности", или, говоря более точно, действительности, выражается здесь совсем иначе, чем в художественных текстах. Эпос Гилгамеша более чем на тысячу лет старше кодекса Хаммурапи. И, тем не менее, текст его, как художественное произведение, продолжает жить, в то время как творение Хаммурапи в смысле нормативного образования представляет собой лишь тысячелетнюю мумию. Или, чтобы эту мысль не затуманивали различные мнения относительно длительности художественных и юридических влияний, приведем другой пример, исторические контуры которого обозначены для нас более четко.

Все Августовы эдикты, мандаты, декреты, рескрипты и проч. в качестве нормативных реалий уже давным-давно превратились в прах. Включая, кстати, и тот декрет Римского сената, которым секстилов месяц был переименован в месяц Августа. И он тоже. Ибо, хотя многие народы европейской культуры и называют этот месяц августом, это происходит не в силу юридического действия римского закона, а совсем по иным причинам. Скажу еще раз: все древнеримские юридические акты являются сегодня, скажем так, не живой нормативной флорой, а высушенным историко-правовым гербарием. Но стихи Овидия есть по-прежнему мировая литература, по-прежнему живая и будоражащая сердце поэзия, и его "Тристии" (написанные в изгнании, куда его отправил Август) еще более литературны, чем все остальное.

Формальная принадлежность юридических текстов к юридическим текстам обнаруживается гораздо проще, чем хотя бы даже самое формальное отнесение художественного текста к беллетристике. С юридическим текстом в формальном смысле мы имеем дело во всех случаях, когда он создан компетентным, уполномоченным на то автором, т.е. нормативным органом, и это сделано в установленном порядке.

Именно это я и имел в виду, когда сказал, что определение круга формально юридических текстов проще, чем в случае

с художественными текстами. Однако, если подойти к вопросу о материальной юридичности определенных текстов, проблема заметно усугубляется. Начнем с того, что с юридическими (легальными) текстами мы имеем дело тогда и постольку, когда и поскольку текст является нормативным. Но дело в том, что, видимо, под влиянием описательных, в том числе и несомненно художественных текстов, авторы юридических текстов почти никогда не прибегают к адекватной нормативу грамматической форме — “да будет...”, “должно...”, а пользуются скорее дескриптивными и, по своей сути, даже предложениями художественного повествования с глаголом “есть”. Ведь на самом деле там, где имеется текст, являющийся юридическим материально, т.е. он нормативен, конструкция “х есть у” подразумевает нечто совсем иное: “х должно быть у”. Ведь сущностью норматива являются не констатации, а императивы. Кстати, там, где юридический текст говорит “х есть у”, на самом деле ситуация, скорее, противоположна. Это нередко значит, что “х” как раз “не есть у” или что он есть еще в недостаточной мере “у”. И именно ввиду такого положения законодатель требует: да будет же в конце концов “х” “у-ом” так, как надо!

В принципе, конечно, можно сказать, что отказ юридического текста от сущностной для него грамматической формы безличного императива и сама по себе безвольная уступка другого рода текстам, в том числе художественным, и является самым доминирующим и, в определенном смысле, самым роковым отражением последних в юридических текстах. Но, видимо, не это имелось в виду теми, кто сформулировал тему для данного рассуждения. Скорее всего, имелось в виду взаимодействие этих двух отражающих плоскостей — художественных и юридических текстов, протекающая, развивающаяся между ними жизнь. Жизнь, как, скажем, биологически-духовный процесс, который участвующий в нем человек пытается для себя каким-то образом осмыслить. Данный процесс отражается на обеих плоскостях двояко: прямым образом и в виде рикошета. И если теперь, простоты ради, отказаться от слова “текст”, являющегося в какой-то мере данью моде, и принять вместо этого термины “литература” и “право”, то можно сказать: прямое отражение жизни в праве значительно отличается от ее прямого отражения в литературе.

Различие вытекает здесь из того вполне очевидного обстоятельства, что право относится к жизни вполне однозначно — оно стремится смоделировать жизнь. Оно хочет подогнать реальность под свой нормативный идеал. Впрочем, именно лишь ради этой цели право и существует. И жизнь отвечает его стремлению — она отражается в праве, как материал в руках ваяте-

ия. Прямое же отражение жизни в литературе — нечто совсем иное. Лишь весьма незначительная и, в принципе, даже весьма спорно относящаяся к литературе ее пограничная полоса — дидактическая литература видит свою задачу в моделировании, в ваении жизни. Ибо одна лишь дидактика несет в себе чуждое для литературы нормативное стремление. В основном и по своей сущности литература занимается жизнью не в целях ее моделирования, а в целях ее наблюдения или в целях ее репродуктивного анализа.

Однако как обстоят дела с рикошетным отражением от права к литературе и от литературы к праву?

Сперва поясним, что рикошетность отражения означает, в данном случае, отражение не самого элемента реальности, а его более раннее отражение. Впрочем, и само отражение элемента реальности есть результат определенных отражений, но оно само является элементом реальности в некотором вторичном, абстрагированном от “настоящей” жизни смысле. Таким образом, существует вот такой процесс: явление *x* отразилось или, скажем, стало материалом литературного наблюдения, анализа и, может, даже оценки; затем это литературное отражение, в свою очередь, каким-то образом переходит в создаваемое в это же время или позже право. Примеров столь огромное множество, что, может, даже не стоит их приводить. Или все же стоит?

Хорошо. В 1852 году появилась “Хижина дяди Тома” Гарриет Бичер-Стоу. Вопреки всей своей сентиментальности этот роман является прямым литературным отражением расовой ситуации в Соединенных Штатах того времени. И сейчас, сто тридцать лет спустя, видно, пожалуй, даже куда яснее, чем тогда, что многие взгляды, выраженные в романе, нашли свое отражение даже на уровне конституционного законодательства США 1860-х годов.*

Другой пример. В 1889 году австрийская писательница Берта фон Штуттнер опубликовала свой роман “Долой оружие!” Это произведение четко выражало в литературной форме идеологию буржуазного пацифизма, широко распространенную в тог-
дашней Европе. А в наши дни в исторических анализах нередко подчеркивается отражение этой же идеологии в становлении международного права мира, в том числе и в принятии конвенции Первой Гаагской мирной конференции 1899 года.

Тем не менее отражения литературных произведений в формирующемся праве тем более вероятны, чем больше сами эти произведения содержат в себе, наряду с эстетическим, элементы философского, трактующего, научного и нормативного. Последнее, разумеется, в смысле не юридической, а нравственной

---

* В частности, XIII поправка к Конституции США. — Прим. ред.

нормативности. Классическими примерами юридического отражения художественной и научной литературы могут считаться работы Руссо и их отражение в актах Великой Французской, работы классиков марксизма и их отражение в актах Великой Октябрьской революций.

Общая схема взаимодействия может быть представлена так:

Что же можно сказать об обратном отражении — об отражении юридических текстов в художественных, т.е. права в литературе?

Замечу, что эти отражения являются, в принципе, двойками. Право как притязание на формирование мира может действовать на литературу самым прямым образом. Оно может, например, запретить литературе определенные темы, а литература, написанная на эти темы, просто не публикуется. Такого рода белые пятна на тематической карте литературы представляют собой самое что ни на есть прямое отражение соответствующих публичных или секретных норм права.

Вторым типом отражения является тот, при котором право в прямом или в косвенном смысле (в смысле комплекса юридических норм или в смысле созданного имя социального или социально-духовного состояния) становится предметом одобряющего или порицающего литературного анализа. Хотя бы в том виде, каким мы его находим в "Воскресении" Льва Толстого.

В целях упрощения допустим, что скорость, с которой творцы права и творцы литературы реагируют на жизнь, одинакова. Даже в таком случае право как отражение жизни должно реагировать медленнее, чем литература. Хотя бы уже потому, что сколь угодно институционализированным ни являлось бы литературное творение, все равно — творение права, как правило, заинституционализировано и коллективизировано гораздо больше. Момент традиционности в праве значительно сильнее и момент экспериментальности значительно слабее, чем в литературе. В недрах системы правотворчества относительная косность права оценивается в качестве гаранта стабильности общества, в недрах системы литературного творчества относительная гибкость художественной литературы считается чуть ли не важнее-

шим фактором диалектического развития мира.

Отсюда, видимо, следует, что литература как познание жизни более диалектична, чем право. И, таким образом, литературное отражение права как существенного элемента нашей жизни действует быстрее, чем некоторое отражение литературы в праве. Особенно четко это вырисовывается тогда, когда мы включаем в этот анализ данных взаимоотношений наряду с "настоящей" художественной литературой и ее публицистическую окраску, и, на минутку, самую чистую журналистику.

Для поворотных моментов общественного развития уже просто характерно, что пресса, стоящая, так сказать, на передовой линии средних общественных потребностей, начинает все больше и больше и, как правило, обоснованно говорить о косности и отсталости нормативно-правовых регуляторов. Но при этом нередко выясняется, что собственно художественная литература уже давно опередила прессу своими самыми дальновидными произведениями, хотя своими глубокими произведениями она и доходит до отражения данного поворота гораздо позже.

Из всего сказанного следует, что размышления о взаимном отражении права и литературы, по крайней мере на уровне импровизации, пока еще весьма субъективны и, в силу неопределенности исходных понятий, достаточно расплывчаты. В то же время представляется, что такие рассуждения, при наличии достаточного на то пространства, могут привести к формированию зачатков системы анализа взаимоотношения этих двух типов текстов, предпосылок серьезного рассмотрения взаимоотношения двух стоящих за ними различных познавательных миров.

МИФИЧЕСКИЙ МИР ПРАВА ФРАНЦА КАФКИ

(Тема закона и процесса как сюжетная доминанта)

И. Н. Грехани, И. А. Исеев

Если считать право компонентом культуры и последнюю понимать как семиотическую систему, то логично предположить, что право как некий особый и относительно самостоятельный феномен взаимодействует определенным образом с иным культурным, знаковым контекстом. Знаковая гомеоморфность различными сферами культуры, поскольку она все является знаковым отражением одной и той же жизни, делает их сопоставимыми, сравнимыми и, в некоторой степени, переводимыми. Но именно лишь в "некоторой степени". То, что в иных случаях является досадным препятствием (трудности перевода), оказывается здесь стимулом — благодаря неизбежной несовпаденности перевода одного типа знаковой системы в другой, такой перевод обнаруживает и некоторые аспекты и стороны оригинала, которые до сих пор оказываются либо скрытыми, либо мало заметными. Таковым представляется нам соотношение перевода в несоответствующую ему форму отражения — художественную литературу. В художественной литературе на месте права образуется не зеркальное отражение, как в правовой науке, а, если воспользоваться метким и образным выражением Ю. М. Лотмана, некое "смысловое пятно", хотя, возможно, и не очень четкое, но тем не менее до некоторой степени адекватное и в степени этой адекватности — соответствующее и высвечивающее определенные действительные моменты бытия права.

* * *

Тема закона (процесса в смысле уголовно-правового разбирательства) в западной литературе XX века оказалась одной из самых разработанных. Жанр детектива, весьма популярный у современного читателя и давший многочисленные модификации (теоретически осмысленные литературоведческой критикой), экстраполирует свои правила и на сферы литературного процесса, непосредственно к нему примыкающие, — драму, психологический роман, очерк и т.п. Такие атрибуты, как преступление,

следствие, доказательства, судебное разбирательство, приговор и др., включаются в сюжетную структуру различных художественных и иных современных текстов.

Появление "закона" в качестве сюжетной линии означает, что структура сюжетного развертывания уже априори ею обусловлена: оно должно осуществляться по правилам, заимствованным из определенно не-литературной области — из юриспруденции. Другими словами, сюжетная линия в той или иной мере вынуждена повторять последовательные стадии уголовного процесса, контактируя с этой тематикой в ее узловых пунктах (возможно, отходя от них, игнорируя или пропуская, но неизбежно и постоянно имея ее в виду). Пересечение собственно литературной техники и материи с юридическими решениями характерно для широкого круга текстов, включая и те из них, которые построены в детективном жанре.

Однако для рассматриваемого нами произведения — "Процесса" Кафки — характерно особое отношение к упомянутым правовым реалиям. Здесь, кстати, уместно упомянуть, что Франц Кафка сам был профессиональным юристом, отлично знавшим правовую материю по своей повседневной работе.

В романе Кафки тему закона можно отнести, прежде всего, к числу неясных. Эксплицитность не является, в данном случае, обязательным признаком жанра, вследствие чего многозначность темы "закона" позволяет более гибко маневрировать с имеющимся материалом и вскрывать дополнительные резервы для развертывания сюжета. Например, факторы неожиданности (иррациональные и спонтанные элементы), незнание героями правил игры, мотив иррационального бунта играют у Кафки именно эту роль. Ту же функцию выполняет особый характер описания ("логика сна"), по-видимому, расположенный к переводу его на метаязык.

Авторы данной статьи сделали попытку выявить специфические черты темы, определившие сюжетную линию этого известного произведения. Анализ здесь может пойти как по пути развертывания темы в текст, так и, напротив, в направлении инвариантной темы, явившейся (архе- или) прототипом для разбираемого текста.

Предварительно описываемая тема может быть определена как "закон" (в смысле нормативных предписаний, собрания правил и прецедентов, их толкования, техники сбора доказательств и организации предварительного следствия и судебного разбирательства). Может быть принят и термин "процесс", параллельно используемый в произведении Кафки. Собственно юридические реалии (структуры и процедуры) при этом определяют характер развертывания темы через сюжетные коллизии в текст, воздей-

ствуя на этот процесс на разных этапах и уровнях.

* * *

Среди героев классического детектива довольно типичным является один персонаж, олицетворяющий бездумность и бездушность уголовного процесса и бюрократической машины, — глуповатый, тупой, мелочный, злой и самонадеянный полицейский чин. Так, Шерлок Холмс мучается Лестрейдом, Нэро Вульф — Крэмэром и т.д. Но почва их столкновений — все-таки реальные дела, преступления. У Кафки же эта машина запускается впустую. Во всем “Процессе” мы не находим ни малейшего намека на то, в чем, собственно говоря, заключалось дело Йозефа К. Но машина, тем не менее, действует, это действие становится описуемым, даже не нуждаясь в точках соприкосновения с самим существом дела. На этом уровне “закон” лишается своих самых общих содержательных определений в виде принципов справедливости. Приходя из ниоткуда, “процесс” Кафки врывается в жизнь господина К. и уносит ее лишь на том основании, что он существует. Воспринимая философское, глобальное измерение романа, можно сказать, что “процесс” превращается у Кафки в своего рода экзистенциальную модель бытия, в его имманентное качество. Однако вернемся к сюжету.

Господин К. подвергается “аресту”, без которого сюжет не мог бы разворачиваться. То, что конкретное преступление наглядно не зафиксировано, не имеет особого значения. Процесс может начаться и при отсутствии фиксированного состава преступления, тем более что герой субъективно вполне допускает мысль о собственной виновности. Достаточно того, что воздействие неопознанного “закона” запускает машину юстиции (и сюжета). Этот момент особо подчеркнут своеобразной фиктивностью “ареста”. Он и в самом деле есть “арест” в кавычках и ограничивается тем, что Йозеф К. объявляется арестованным. Никакого заключения не следует, и остается лишь своеобразный знак, фиксирующий начало “процесса”, точку разворачивания сюжета и сообщающий читателю об особом мире видений Кафки, в который ему предстоит войти. Мы узнаем, что сам “процесс” приобретает качество фундаментальности, становится сущностью самим по себе и своим же собственным символом. Люди, искушенные в судебных делах, “могут среди любой толпы узнать каждого обвиняемого в лицо... Все кроется в поднятом против в них деле, это оно так на них влияет” [1, с. 263].

Начало “процесса”, т.е. экстраполяция неопознанного “закона” в реальную жизнь (отчего “закон”, однако, не стано-

вится более познаваемым, демонстрируя только отдельные стороны своего трансцендентного бытия), формирует сюжетную структуру, распадающуюся на два отдельных этапа. Первый заканчивается в момент, когда "закон" должен категорически изменить судьбу героя (конечный итог — смертный приговор).

На этой стадии происходит корреляция давления со стороны "закона" и сопротивления героя. Субъективно последний предпринимает серьезные усилия для того, чтобы понять "язык закона" даже в том случае, когда он, закон, о нем ничего не знает.

"Закон" действует во времени, по своим характеристикам близком мифическому: оно нерасчленимо, ибо уже в начале "процесса" очевиден его исход — начало совпадает с концом. Цепочка причинно-следственных связей здесь не действует. Что бы ни происходило в рамках реально текущего времени, все равно "вина притягивает правосудие". Наконец, время в "процессе" обратимо: герои в своих попытках познать ЗАКОН постоянно обращаются к истокам "процесса", и их значительно меньше интересует его дальнейшее развертывание. Факт наличия "процесса" достаточен, сам себя исчерпывает.

Длительность реального времени при этом вполне иллюзорна. "Качание маятника" процесса снимает задачу хронометрических вычислений: в процессе господина К. все реальные промежутки времени — условны.

Здесь необходимо отметить, что качество определенной завершенности, вневременности закона представляется нам действительно существующим, поэтому таковое качество "закона" у Кафки может быть принято как его более или менее верное отражение. Однако здесь необходимо одно существенное уточнение. Как известно, право представляет собой разновидность социальных норм, содержание которых естественно детерминировано, в конечном счете, объективным процессом общественного развития. В этом смысле любая реально действующая правовая система вполне определенно привязана к историческому времени, в котором она существует — последующий уровень общественного развития требует и новых форм, регулирующих поведение членов общества. Но в данном случае речь идет о другом. Любая правовая система как ипостась Закона, некой формы регуляции человеческого существования, столь мало зависима от конкретных уровней социального развития, что может считаться вневременной. Статьи и параграфы любой из писанных "правд" не являются следующими друг за другом во времени, а высвечивают лишь ту или иную сторону права, большая часть из которых остаются "невидимыми". Точно так же каждая из этих "правд" являет собой лишь вид Права как такового. Именно оно — право

вне времени, как модус бытия и является миром романа Кафки. И на этом общем уровне своего бытия временные характеристики закона роднят его с мифом как с определенным циклическим текстом.

Мифичность закона, у Кафки — его ужасающая пустота, отнюдь не означают его иллюзорности. Сам Кафка показывает как раз обратное — его сила вполне реальна и достигает вполне реальных, хотя и не всегда (вернее, почти никогда) понятных для земных героев целей. Дело в другом — текст закона, аналогично мифу, качественно отличен от обыденного повествования, несмотря на их внешнюю схожесть. Закон хотя и может считаться некоторым описанием мира, но на каждый момент это есть описание, данное сразу и целиком как фотография, а не описание, развертывающееся во времени, например, в виде рассказа.

Воспринимая противоречие вневременного (т.е. лишённого временной координаты) и его описания в ходе повествования, неизбежно обладающем временной продолжительностью, Кафка даёт штрихи права и закона, ссылаясь на их отражение в виде визуальных образов. Раскрывая книги законов, К. видит в них картины (сюда добавляется ещё и элемент гротеска — картины эти непристойны), встречаясь со служителями закона, он тут же видит их портреты. Именно здесь, в портретах, пишущихся по строгим канонам, отражается право в том виде, как оно представляется Кафке. Недаром одним из важнейших персонажей романа оказывается особый служитель Закона — художник Титорецци. Таким образом, и действие закона (процесс), происходящее в реальном времени, не линейно, а циклично. Процесс не развертывается, а постоянно возвращается к самому себе, как постоянный модус бытия. И это является также отражением определённого действительного качества права. Юридический идеал заключается на самом деле в том, чтобы аналогичные дела, которые сами по себе являются уникальными и индивидуальными, решались одинаковым образом. «Общепризнанным свойством мифа является подчинённость его циклическому времени: события не имеют линейного развертывания, а только вечно повторяются в некотором заданном порядке, причем понятия «начала» и «конца» к ним принципиально не применимы» [2, с. 37]. Как и в мифе, время в праве становится замкнутым, циклическим и может быть графически представлено в виде не линии, а системы концентрических кругов.

* * *

Вторая логическая стадия сюжета — это оценка воспри-

нятого действия "закона", его дешифровка, интерпретирование как оценочное поведение героев, кульминирующее в романе беседой господина К. в храме. Символическим совпадением является то, что этот важный сюжетный отрезок развит в сцене со священником (церковь как символический судья). При этом у Кафки происходит нарочитая деформация реального уголовного процесса, в описание которого вносится ряд заведомо чуждых элементов, разбросанных по всему сюжету (женщина с корытом в помещении суда, участие совершенно посторонних людей в следственных действиях и пр.). Получаемый гротеск (кроме определенной идеологической ориентированности) играет роль индикатора, указывающего на сдвиг сюжета из плана собственно юридического в план эстетический ("мерцание темы"). Тем самым непосредственно указывается на стремление сюжета выйти за жесткие рамки внелитературной темы, однако поле карикатурности и стихийности все же ограничивается ими, что и сказывается в привязанности упомянутых художественных приемов к реальным предметам (семантическим единицам) — чиновникам суда, адвокатам, судебным документам и пр. Как герой анализируемого текста не может выйти за пределы "процесса", так и сюжет не может переступить (достаточно далеко, чтобы изменить свой характер) за границы, предписанные жанром.

Такое достаточно широкое понимание "закона" позволяет ограничить сферу сюжетных реалий, проявляющих тенденцию к построению в известную систему, которая, в свою очередь, периодически воздействует на развертывание сюжета и поведение героев, посылая "импульсы-раздражители" или как-то иначе деформируя основную сюжетную линию.

Кроме того, эти реалии непрерывно заявляют о своем существовании демонстрацией некоторых знаков и символов, непосредственными носителями которых часто являются факты и предметы граничных сфер (так герои Кафки узнают о существовании того или иного нормативного предписания от людей, вовсе не связанных со сферой юриспруденции).

Исход "процесса" также предопределен рамками сюжета. Смерть героя — выход из коллизии "закон — субъект", где субъект априори обречен на перманентный конфликт с законом (он не понимает и не хочет понимать его). Абсолютную, роковую силу "закона" постоянно сопровождает и феномен бунта героя — не случайно тема разворачивается в ситуации конфликта двух сюжетных факторов — Закона и свободы. Это противопоставление не в пользу свободы: "быть связанным с Законом хотя бы тем, что стояшь на страже у врат, неизмеримо важнее, чем жить на свете свободным" [1, с. 302]. Ведь бунт (судебный служитель говорил: "все бунтуют, ничего не попишешь")

— обычная реакция героев, одно из правил игры [1, с. 151]. И даже бунт не выведет героя за рамки “процесса”, он сам запрограммирован Законом. Отсюда и такая терпимость к вспышкам бунта у инспекторов, следователя, адвоката и других персонажей, связанных с господином К.

Иррациональные факторы (случай, бунт, свииденческая логика) создают в сюжете условия для его альтернативных решений. Изменения, чинимые такими обстоятельствами, на первый взгляд дают им шансы исправить течение “процесса”, однако жесткие рамки стадий уголовного процесса плюс заданный аспект (невосприимчивость его героями) резко сокращают число альтернативных решений, сводя их практически к единственному: вынесению смертного приговора.

Механизмы, разворачивающие сюжет, таким образом, могут быть разделены на эстетические (художественные) и юридические. Первые концентрируют все специфические элементы поэтической техники (средства выражения), шифрующие мотив и тему для их построения в текст; вторые служат материалом для построения сюжета, причем их семантическая значимость оказывается весьма высокой. Соотношение этих элементов по ходу изложения коррелируется самой темой.

Таким образом, незримость всеприсутствующего Закона перерастает у Кафки в самостоятельный образ. Уже в самом начале романа, продвигаясь по ходу действия из комнаты в комнату, К. обнаруживает новых чиновников — агентов, инспекторов, до сих пор скрытых от него. Лишь с большим трудом ему удается позднее найти судебные помещения. По существу обнаруживается, что Закона как будто бы нет нигде, но он всюду присутствует. Характерна притча, рассказанная К. священником о человеке, стремившемся к закону, находящемуся за тремя дверьми: ЗАКОН существует, люди стремятся к нему, но эти стремления безнадежны, если он сам ограждает себя от них. Хотя здесь Кафка, по существу, впервые вводит понятие ЗАКОНА большими буквами, в подтексте оно — весь сюжет.

Означающим, интегративным знаком ЗАКОНА является структура “процесса”. В той степени, в которой она действительно выражена, она составляет для участников “процесса” объективную реальность. С другой стороны, структура выполняет роль набора правил игры, по которым эта последняя разворачивается. Особенностью этой системы является его хроническая неполнота: участники никогда не могут усвоить всего комплекса правил. При этом Кафка отождествляет рационально (и формализованно) выраженные правила с рутинной и бюрократизмом, в конечном итоге сводящим все к иррациональности. Элементы же стихийно-спонтанные выполняют функцию стимуляторов

дальнейшего развития сюжета, внося в него игровой элемент.

Процесс переходит из одной стадии в другую в силу правил, только поверхностно улавливаемых его участниками: он может неожиданно оказаться на этапе, на котором дело уже ведется в "недоступных судебных органах" и адвокат отстраняется от обвиняемого. Тогда никакие ходатайства уже определенно не принимаются в расчет. Непознаваемость "процесса" достигает наивысшей степени. Кафка подчеркивает, что "разбирательство постепенно переходит в приговор" [1, с. 292].

"Закон" сообщен участникам "процесса" по кусочкам, но все же сообщен, ибо лишь через них он вообще и может функционировать. Тем самым, выполняя функции эстетические, каждый персонаж "Процесса" в какой-то мере привязан и к своей процессуальной роли, вне которой отдельные события не составили бы сюжета. Эстетическим, поэтическим целям служит здесь крайняя специализация участников, что вынуждает ЗАКОН стремиться охватить как можно больший круг участников не только в силу своей глобальности, но и для совершения каждого в отдельности акта искупления или "правосудия". "Сколько же людей связано с судебными кругами!" — восклицает К. "Да ведь все на свете имеет отношение к суду," — отвечает художник Титорецли.

* * *

Мы не беремся судить о социальной телеономии правового мифа в том виде, как он здесь разворачивается, однако решимся утверждать, что право создается обществом не ради самого себя и не является некой самоцелью. Таким образом, несмотря на наличие указанной специфики текстуального функционирования ЗАКОНА, даже контрастирующего с обыденным миром, он должен необходимо взаимодействовать, переплетаться со своим контекстом. Итак, здесь обнаруживается и другое качество мифичности права (наряду со схожими временными характеристиками) — его вплетенность в ткань повседневной жизни. Несмотря на отличную временную разложенность "процесса", он вплетается в линейное течение жизни как его часть, фрагмент, факт в этой жизни. Аналогичное качество характеризует миф, который изначально не воспринимается как нечто существующее вне реального мира и стоящее над ним. События стоят в одном ряду с иными причинно-следственными связями. ЗАКОН, хотя и являясь эмпирически незримым фактом, овеществляясь в виде текстов, обладающих иными структурными качествами по сравнению с обыденными, тем не менее становится предметом и средством манипуляции как фрагмент реального обыденного

мира и, собственно говоря, лишь благодаря этому и обладает социальным смыслом. Осуществление двуединой цели — мифологизация ЗАКОНА, создание его образа как чего-то стоящего "вовне", с одной стороны, и его вплетение в ткань реальной жизни — с другой, осуществляется Кафкой особым приемом — карнавализацией всего происходящего.

* * *

Круг действующих лиц в процессе состоит из фигур типических (лишенных собственного имени): судьи, чиновники, адвокаты, палачи и т.п. Важную роль играет обезличенная фигура подсудимого (обвиняемого). Исключение этих типов из сюжета не допускается правилами жанра, и вместе с тем стереотипность набора персонажей подчеркивается возможностью их перестановки в структуре сюжета (так, в канцелярии суда К. полагает, что его приняли за судебного чиновника; арестовавшие К. инспекторы под поркой обращаются к нему за защитой и т.д.). Перемена масок у персонажей происходит в сюжете часто и несет в себе, видимо, особую смысловую нагрузку. Титорец из бедного, полусумасшедшего художника преобразается в важного служителя ЗАКОНА; судьи на портретах величественны и важны, в жизни они весьма неприглядны. Настоячиво акцентируются внешние атрибуты служителей ЗАКОНА (особые пуговицы, мантия, цилиндры на головах палачей). Все это вносит мотив карнавала, как его понимал М. Бахтин. Этот момент особо выразителен в первой встрече господина К. с палачами, пришедшими исполнить вынесенный приговор.

Язык одежды вообще является одним из важнейших кодирующих и в то же время задающих карнавальность сюжета механизмов в романе. Эту функцию выполняют театральные костюмы палачей, попытка инспектора похитить одежду обвиняемого, особо элегантная одежда заведующего канцелярией и пр.

Многие из знаков таинственного "процесса" одновременно существуют в двух планах: реальном и фантастическом. Но, приняв "процесс" как нечто существующее, следует я реагировать на него как на реальность, т.е. каким-то образом действовать, что по логике образа и сюжета означает действовать ритуализованным, соответствующим мифу и карнавалу образом. Ритуальные действия подчеркивают всемогущество ЗАКОНА, а их подробность и скрупулезность контрастно выделяют его непознаваемость. Характерна также явная нелепость и гротескность многих из этих действий.

Ритуализация процессуальных действий выражена, например, в технике составления судебных ходатайств. Для этого

установлена особая система правил — вводная часть должна состоять из общих фраз, затем следует лезть в адрес чиновников, затем — самовосхваление и, наконец, анализ сходных судебных процессов. Ходатайство подписывается судьями, в число которых может попасть и судья, ведущий процесс. Ходатайство может совсем не быть учтено и рассмотрено судом, но составлено оно должно быть обязательно.

К ритуальным процессуальным действиям относятся и постоянные посещения суда обвиняемыми, их шляпы, положенные под скамью, — тоже элемент ритуализации. К таким картинам относится и беседа адвоката со своим клиентом Блоком (целование руки, покаяние и пр.).

Ритуальный характер, отличающийся яркой символикой, носит сцена наказания стражей в банке, все поведение тюремного священника и соответствующее поведение К. в соборе, манера уже упомянутых палачей, ведущих К. (между ними и героем возникает как бы негласный договор, реализующийся в развертывании поведения, ожидаемого сторонами друг от друга).

Ритуал мифа, карнавализация служат средством диалога с правом. Через них ЗАКОН спускается на землю, включается в жизнь и допускает хотя бы частичное взаимодействие с собой.

Истории и современности известны многочисленные примеры ритуализованности, четко выделенной знаковости отдельных юридических процедур: одежда участников процесса, традиционные формулы юридических документов и обращения между участниками процесса, их расположение в зале заседаний, отдельные действия (судебная клятва, вставание при входе суда и т.п.). Через эту знаковую систему в обыденную жизнь входит бытие права в качестве "настоящего", "высшего", что означает и его бытие в качестве стабильного, надежного и беспристрастного (эмоционально экстраполировано — вечного).

* * *

Нет оснований сомневаться, что мифологизация права, преследующая определенные эстетические цели, являющаяся средством выражения художественных замыслов Кафки, отражает и его видение мира, т.е. несет и определенную философско-правовую нагрузку, не определяющую, правда, механизма развертывания сюжета, но тем не менее имеющую значение для осмысления того видения, которое в нем отражено. В завершении, несколько отклоняясь от основной темы, мы и остановимся вкратце на этом моменте.

Правила игры в "процессе" усваиваются участниками вполне определенно (затруднение представляет сбор информации, да-

же далеко не полной). Субъективный характер их очевиден — “вовсе не надо все принимать за правду, надо только осознать необходимость всего.” — говорит священник. Дихотомия свободы и ЗАКОНА разрешается включением героя в “процесс”. Приняв его, он должен действовать по его правилам. “Вина... сама притягивает к себе правосудие,” — говорит инспектор. Вина становится объективной реальностью в тот момент, когда она принимается геором. Вина — наиболее глубокий символ “процесса”, сообщаящий ему, в свою очередь, новое метафизическое измерение. Возможно даже, что вина и есть, в конечном счете, сам ЗАКОН. Попытки персонажей не замечать этот фактор или затушевывать его рутинной суетой, ритуально-магическими действиями (из которых, собственно, и складывается вся деятельность защиты) сами спровоцированы чувством космической вины.

Поскольку герои не имеют объективных критериев для оценки тех или иных проявлений ЗАКОНА и Кафка как философ-юрист не находит объективной точки опоры для своего видения права, они включаются в “процесс”, оценивая его субъективно. Вину можно принимать или не принимать, в сам “процесс” можно войти или не войти. Но уж если герой в него включается, выход из него невозможен. О суде все герои, даже чиновники, знают понаслышке, однако поскольку судьи выдвинули обвинение, значит, “они твердо уверены в вине обвиняемого, и в этом их переубедить весьма трудно” [1, с. 223].

Запущенный механизм “процесса” работает уже автоматически. У Кафки важным местом является такая характеристика “процесса” — суда: “Суд — этот грандиозный организм — всегда находится, так сказать, в неустойчивом равновесии, и если ты на своем месте самовольно что-то нарушишь, ты можешь у себя из-под ног выбить почву и свалиться в пропасть, а громадный организм сам восстановит это небольшое нарушение за счет чего-то другого — ведь все связано между собой — и останется неизменным, если только не станет, что вполне вероятно, еще замкнутее, еще строже, еще бдительнее и грознее” [1, с. 193].

Статичность и постоянная тождественность самому себе — нормальное состояние “процесса”, даже качание маятника его процедуры — только средство сохранить устойчивость и постоянство. К. осуждающе смотрит на подсудимого, утверждающего обратное и предпочитающего в рамках “процесса” движение покою [1, с. 272]. Онтологически “процесс” представляется как “непрерывная канцелярская деятельность”, в ходе которой документация циркулирует между инстанциями, как “маятник то с большими, то с меньшими остановками. Эти пути неисповедимы”. [1, с. 233]. Ни один из участников “процесса” не может

определить, когда и как он закончится. (Повторим, что на метауровне, т.е. с позиции читателя и самого автора, исход заранее определен логикой построения сюжета). Они не знают ни того, что "творится в недрах Закона", ни того, какой в этом смысл, и все время "находятся в заблуждении". Истинная сущность ЗАКОНА — непознаваема. Для Кафки она и не важна. Важно другое — ЗАКОН и "процесс" как категории, описывающие один из аспектов существования человека, взаимосвязаны с его внутренним миром, миром вины, и являются, видимо, по мнению Кафки, достаточно адекватным отражением правовой действительности.

* * *

"Процесс" как модификация ЗАКОНА и ПРАВА вносит в сюжетную ткань свойственные только ему качества, структурируя тему, содержание и их контексты. Навязываемые им правила игры (жанра) начинают определять пространственно-временные пределы и ритмы внеправового бытия. Стираются границы между "процессом" и средой, в которую он вторгается, создавая иллюзию всепроникновения. Является это качество сюжетной доминанты только особенностью воспринимающей его психологии или имеет под собой реальные основания на уровне онтологических закономерностей? Думается, что вопрос этот имеет значение не только для сферы филологической, — задающий его стремится заглянуть в сущностные недра Закона, Права и мира.

Л и т е р а т у р а

1. Кафка Ф. Роман. Новеллы. Притчи. — М.: Прогресс, 1965. — 614 с.
2. Лотман Ю. М., Мниц З. Г. Литература и мифология // Уч. зап. Тарт. ун-та. — 1981. — Вып. 646: Труды по знаковым системам XII. — С. 38 — 55.

ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М. М. Суси

Для писателей, изображающих в своих литературных произведениях уголовный процесс, характерны преимущественно два относительно независимых метода приближения.

Во-первых, такие литературные тексты можно рассматривать на дескриптивном уровне познания и исключительно сквозь призму литературных понятий. Если при этом исходить из того, что посвященные изображению уголовного процесса литературные тексты, как правило, сосредоточивают свое внимание на одних и тех же социальных процессах и явлениях, то понятием "уголовный процесс" можно обозначить самостоятельную предметную область литературы. Следуя от общего к единичному, вполне обоснованно ставить и решать те же вопросы, которые ставятся и решаются в любой иной предметной области. Это, например, вопросы о предпочитаемом в той или иной предметной области литературном стиле, о наиболее распространенных сюжетных линиях, о познавательных целях писателей. Если читатель нацелен лишь на ощущение сопереживания героям занимательного сюжета или, обращаясь к литературному произведению, он хочет прикоснуться к человеческим судьбам в их поворотные моменты (а конкретные литературные произведения, несомненно, отвечают таким запросам, ибо уголовно-процессуальные ситуации, безусловно, могут быть причислены к так называемым исключительным ситуациям), такой подход, конечно же, достаточен.

При дескриптивном подходе невозможно не считаться с известной спецификой уголовно-процессуальной области. Наряду с литературным (в основном), на данный предмет направлен соответствующий познавательный инструментарий с формально зафиксированными целями и методами — уголовно-процессуальный закон. Представим себе реальное судебное заседание, на основе которого создается литературный текст. Сравнивая его с протоколом судебного заседания, мы в принципе сравниваем между собой литературный и уголовно-процессуальный способы познания или (в более общем плане) мы сравниваем литературный и правовой познавательный процессы,

ибо уголовно-процессуальное право обладает парадигматическими чертами. Может быть, именно изображающие уголовный процесс литературные тексты являются главной точкой соприкосновения двух способов познания? И все же не следует забывать, что реализация такого сравнения основывается на материале, почерпнутом не из соответствующего литературного текста, а из текстов права.

В то же время все описывающие уголовный процесс художественно-литературные тексты неизбежно сами по себе также непосредственно отражают право. По-видимому, здесь находит отражение второй подход.

Что позволяет утверждать, что право содержится и непосредственно в литературных текстах? За отправной момент примем то обстоятельство, что в соответствующих текстах общие рамки развития сюжета не зависят от усмотрения писателя, а предопределены нормами уголовного процесса. Так, манера поведения людей, их цели, иногда даже содержание произносимых ими (вслух или мысленно) отдельных предложений регламентированы законодательством, и во имя жизненной достоверности писатель должен с этим считаться. Таким образом, часть описываемых писателем фактов действительности не обладает стихийным характером, а представляет собой элементы определенной теоретически обоснованной системы (системы уголовно-процессуального права). Однако, изображая элементы, писатель изображает и саму систему.

Допуская, что право — это способ познания социальной действительности, и учитывая его реализуемость посредством правовых норм (изображение которых для писателя обязательно), мы вынуждены признать, что все соответствующие литературные тексты в большей или меньшей мере отражают правовой образ познания. Можно спросить, как относится писатель к этому способу познания — критически или ставит его вне критики, — и если критически, то в чем его критика заключается?

Можно предположить, что эти два способа познания чаще всего прослеживаются в таких текстах, в которых развитие сюжета определяется нормами, регулирующими стадию судебного разбирательства уголовного дела. По сравнению с другими данная стадия уголовного процесса отличается наибольшей временной протяженностью, и в то же время она в наибольшей мере подвергается регуляции правовыми нормами.

Учитывая последнее замечание и стремясь увязать предыдущие рассуждения с фактическим материалом, мы далее сосредоточим свое внимание главным образом на анализе трех литературных произведений. Это роман Л. И. Толстого "Воскресение", роман В. Ардаматского "Суд" и роман Т. Капоте "Хладнокров-

но". В сюжетах перечисленных романов значительное место уделяется описанию судебного процесса. Возможно, что разные пространственно-временные параметры создания этих романов обусловили различия и в эстетических представлениях авторов. Да и литературная ценность романов неодинакова. Тем более возникает мысль о том, что если сравнение этих литературных произведений выявляет единые для каждого из них признаки, которые различают литературный способ познания правовой ситуации, и единые принципы, которые характеризуют литературную форму критики права, то, следовательно, эти признаки и принципы могут иметь общий характер.

Сравним между собой прежде всего цели, преследуемые писателями, а затем эти цели — с целями уголовного процесса.

В романе Л. Толстого часть текста, описывающая судебное заседание, состоит из следующих элементов. Во-первых, допрос подсудимых и свидетелей (здесь писатель придерживается главным образом протокольного стиля, психологическая характеристика героев отсутствует). Во-вторых, судебные прения, целью которых является не столько раскрытие юридического содержания судебных речей, сколько демонстрация интеллектуальной ограниченности прокурора и адвокатов. В-третьих, обвинительный акт, который излагается без комментариев писателя. И все же можно полагать, что и это служит не самоцелью, а приемом (к которому прибегал и Шекспир) для передачи конфликта. В-четвертых, почти половина текста посвящена описанию душевного состояния и поведения присяжных, председателя и членов суда. Поскольку роль большинства из них в фабуле романа ничтожна, вряд ли можно предположить, что писатель стремился раскрыть психологический портрет этих служителей права. Скорее он хотел показать, что результат акта правосудия зависит от факторов неюридического характера.

"То, а не другое решение принято было не потому, что все согласились, а, во-первых, потому, что председательствующий, говоривший так толго свое резюме, в этот раз упустил сказать то, что он всегда говорил, а именно то, что, отвечая на вопрос, они могут сказать: "Да, виновна, но без намерения лишить жизни"; во-вторых, потому, что полковник очень длинно и скучно рассказывал историю жены своего шурина; в-третьих, потому, что Нехлюдов был так взволнован, что не заметил упущения оговорки об отсутствии намерения лишить жизни и думал, что оговорка: "Вез умысла ограбления" — уничтожает обвинение; в-четвертых, потому, что Петр Герасимович не был в комнате, он выходил в то время, как старшина перечел вопросы и ответы, и, главное, потому, что все устали и всем хотелось скорей освободиться и потому согласиться с тем решением, при котором

все скорей кончается" (Л. Толстой. Сбор. соч., 1964. — Т. 13. — С. 96).

Здесь подчеркнем, что, хотя Л. Толстой и перечисляет причины, обусловившие вынесение заведомо неправильного решения, однако даже поверхностный взгляд на эти причины позволяет заключить, что неправильность проистекает отнюдь не из несовершенства действующих правовых норм. Напротив, правовые нормы допускали вынесение правильного решения. Причина коренилась в людях, применявших эти нормы, или (при более широком толковании) — в обществе, сформировавшем таких людей. Общественная же критика — совсем не то же, что критика образа правового познания.

В романе В. Ардаматского "Суд" при описании судебного заседания автор в основном прослеживает психологические переживания подсудимого. Вместе с тем он достаточно детально изображает весь ход судебного заседания. Правда, при этом писатель пользуется не нейтральными в этическом плане терминами, а выражениями, преследующими явную цель — подчеркнуть ту глубоко нравственную атмосферу, которая создается в ходе советского правосудия, а также указать на высокую принципиальность и профессионализм судьи, народных заседателей и прокурора. При этом он нередко опускается до тривиальностей.

"Совершается правосудие. Неотвратимое возмездие обрушивается на преступников. А все удивительно обыденно — не слышно ни трубного гласа, ни барабанной дробы" (В. Ардаматский. Суд. — М., 1982. — С. 421).

И все же нет оснований обвинять писателя в отнюдь не нейтральном характере используемой терминологии. Скорее в этом можно усмотреть аксиологический характер советского уголовного права.

Итак, подводя промежуточные итоги, отметим, что и Л. Толстой, и В. Ардаматский, не подвергая сомнению справедливость правовых норм, выявили критичность лишь в отношении участвующих в процессе лиц.

Роман Т. Капоте "Хладнокровно" (подзаголовок — "Документальное описание убийства четырех и его результатов") отличается от предыдущих, в частности, тем, что здесь писатель не задается целью критиковать какое-либо лицо или общество в целом. Он стремится к детальному и беспристрастному описанию судебного процесса. На протяжении всего романа автор неуклонно соблюдает метод документального описания происходящего, не доходя при этом до крайности (например, копии судебных документов в нем не приводятся, однако подобранные факты достаточно красноречивы). Примечательно, что если правовые нормы в романах Л. Толстого и В. Ардаматского лишь опреде-

ляют развитие сюжета, не будучи самостоятельными объектами описания, то документальное описание Т. Капоте охватывает как уголовно-процессуальные, так и уголовно-правовые нормы. Местами писатель не скрывает своего критического отношения к конкретным правовым нормам.

“Поскольку д-ра Джонса сковывает директива М’Найти (“обычное определение”) — предписание, абсолютно не различающее всех возможных оттенков черного и белого, он не мог ответить иначе. Конечно, ответ вызвал серьезное разочарование у адвоката Хикока, который безысходно попросил: “Уточните, пожалуйста, свой ответ”.

Безысходно потому, что, хотя д-р Джонс и согласился подробнее пояснить свою позицию, обвинитель был вправе заявить протест, что он и сделал — в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом Канзаса, не предусматривающим на подобные вопросы ответов пространнее, чем “да” и “нет” (Капоте Т. Хладнокровно. — Таллин. — 1968. — № 31-34. — С. 219).

Мы видим, что познавательные цели всех трех произведений различны. По-видимому, невозможно найти позитивный критерий, который охватил бы все возможные литературные цели и постановки проблем при рассмотрении данного предмета. Так, в романе Дж. Гарднера “Осенний свет” судебное заседание имеет лишь одну функцию — продолжить сюжет; в новелле Ж.-П. Сартра “Стена” достаточно короткий отрывок текста маркирует абсурдность бытия; Э. Вильде в своем романе “Война в Махтра”, описывая судебный процесс над хуторянином, акцентирует национальное притеснение.

Желание найти единые всеобщие цели, к достижению которых стремятся все указанные выше литературные произведения, в конечном счете означает не что иное, как стремление определить художественно-литературный способ познания как таковой. И все же представляется необходимым избегать такого стремления. Мы же касаемся этого лишь для того, чтобы создать основу для сравнения уголовного процесса с правовым способом познания. Обратимся к действующему законодательству. Задачи советского уголовного процесса зафиксированы во второй статье “Уголовно-процессуального кодекса Эстонской ССР”. Эти задачи — быстрое и полное раскрытие преступления, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона, с тем чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Вполне очевидно, что ни один из авторов разбираемых литературных произведений не ставил перед собой подобных задач.

Задачи стадии судебного разбирательства изложены в тек-

стах ч. 2 ст. 205 и в ч. 1 ст. 215 Уголовно-процессуального кодекса Эстонской ССР. Согласно этим статьям судебное разбирательство осуществляется в целях полного, всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела и установления истины, при этом из судебного разбирательства устраняется все, что не имеет отношения к рассматриваемому уголовному делу, разбирательство уголовного дела в суде производится только в отношении обвиняемых и лишь по тому обвинению, по которому они преданы суду.

Проводя параллели с художественной литературой, мы убеждаемся в том, что художник изображает и то, что выпадает из судебного разбирательства (устраняется из него). Вряд ли целью хоть одного литературного произведения является полное, всестороннее и объективное исследование обстоятельств. Напротив, литературный текст всегда направлен на тенденциозное выявление обстоятельств. При выборе фактов писатель исходит отнюдь не из юридических соображений.

Можно отметить, что целью литературных текстов является установление истины. В таком случае цель литературного произведения совпадает с целью уголовного процесса. Но тут уместно спросить: установление какой истины? Понятие литературной истины не совпадает с понятием уголовно-процессуальной истины в силу той же самой логики, на основании которой сейчас можно утверждать несовместимость, несовпадаемость целей литературного и уголовно-процессуального способов познания. На эмоциональном уровне также нельзя утверждать, что уголовно-процессуальные цели и истина являются половиной либо четвертой долей литературных целей и истины, ибо что может быть принято за нейтральную основу сопоставления?

Обобщая вышесказанное, можно вывести негативный критерий и при характеристике целей литературных текстов: эти цели не совпадают с целями уголовного процесса.

Стоит поинтересоваться и тем, в какой связи находятся исходные факты и заключительные выводы процесса. Но даже и этот вопрос оказывается несостоятельным, ибо оба эти понятия характеризуют исключительно уголовный процесс. Исходными фактами здесь являются обстоятельства доказывания, а результатом — приговор суда. Быть может, для обозначения данного отличия подходит пара понятий "открыт — закрыт". В таком случае литературу можно считать открытым способом познания, а уголовный процесс — закрытым.

Итак, оказывается, что познавательные цели уголовного процесса и литературы не совпадают (добавим, что уголовный процесс в отличие от литературы, его описывающей, преследует непосредственно практические цели). Помимо того оказывается,

что многочисленнейшие методологические категории, характеризующие уголовно-процессуальное право, применительно к литературе утрачивают смысл. Возможно, что это обусловлено принципиальным отличием уголовно-процессуального способа познания как теоретического от литературного как нетеоретического. И все же напрашивается мысль о том, что мы имеем дело с двумя различными парадигмами. Представляется, что практическое значение имеет лишь один вывод: нет никаких оснований отдавать предпочтение литературному способу познания перед уголовно-процессуальным или наоборот.

Итак, мы показали, что задачи, решаемые в изображающих уголовный процесс литературных текстах, отличаются от задач, стоящих перед уголовным процессом. В целом можно отметить, что в соответствующих литературных текстах важное место отводится раскрытию психологии действующих лиц. Теперь можно спросить: где и как решается эта задача в уголовном процессе?

В статье 36 Уголовного кодекса Эстонской ССР зафиксировано требование учитывать при назначении наказания личность подсудимого. В части 3 статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса Эстонской ССР установлено, что при производстве предварительного расследования и разбирательства уголовного дела в суде подлежат доказыванию обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого. В статье 47 этого же кодекса установлено, что в ходе дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовного дела орган дознания, следователь, прокурор и суд обязаны выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления. Имея дело с уголовными делами несовершеннолетних, особое внимание следует обращать на условия их жизни и воспитания, особенности психики, поведения до и после совершения преступления, а также на другие обстоятельства, имеющие значение при выборе средств исправления и перевоспитания несовершеннолетнего.

Вопрос о степени эффективности выполнения этих требований в уголовном процессе встает особенно остро именно тогда, когда мы читаем литературные тексты, изображающие уголовный процесс. С некоторой оговоркой можно утверждать, что большинство таких литературных текстов направлено на разъяснение перечисленных выше обстоятельств. Можно также утверждать, что в принципе о судебном разбирательстве любого, даже обладающего весьма незначительной общественной опасностью преступления можно написать объемистый психологический роман. И что сможет противопоставить ему собрание судебных документов как по объему, так и по глубине анализа?! Говоря образно, в уголовном праве фиксируются лишь вершины гор, тогда как в

литературе от внимания писателя (и читателя) не ускользают ни равнины, ни пропасти.

Насколько глубокими должны быть в уголовном процессе анализ личности и выявление способствовавших совершению преступления обстоятельств? Советское законодательство не содержит прямого ответа на данный вопрос, ограничиваясь лишь общими требованиями и положениями. Быть может, стоило бы очертить границы необходимого анализа, исходя из объема тех понятий, которыми характеризуется личность в уголовном процессе. Однако такой подход не дал бы желаемых результатов, поскольку необходимый, формально определенный понятийный аппарат в уголовном процессе почти отсутствует, в то время как целям фиксации других подлежащих доказыванию в уголовном деле обстоятельств служит достаточно детально оазвернутая терминология (это и "событие преступления", и "вина обвиняемого в совершении преступления", и "характер и размер причиненного преступлением ущерба").

В. Ардамацкий в своем романе "Суд", со скрупулезной точностью изображая действительность, для характеристики личности преступника использует, например, такие выражения, как "моральный облик", "возвращение к честной жизни" и т. п. С литературной точки зрения мы имеем здесь дело с использованием тривиальных словосочетаний, содержание которых расплывчато и субъективно оценочно. Что же выражают эти словосочетания в юридическом плане? По мнению автора настоящей статьи, это — так называемые уголовно-политические инварианты, то есть известные позитивные, охраняемые в уголовно-правовом плане бесспорные ценности. Во-вторых, здесь отражается гносеологический характер уголовно-процессуального способа познания: в уголовном процессе факты действительно не подлежат активной оценке, а к самой действительности применяется определенная, заранее выработанная система ценностей. В этом смысле уголовно-процессуальный способ познания и отличается от литературного, поскольку в последнем писатель может произвольно выбирать отправные оценочные моменты, тогда как участники уголовного процесса такой возможности лишены.

Единственное, что выражается в праве, хотя напоминание о нем также не является задачей уголовного процесса, — это отчуждение человека. Впрочем, отражение отчуждения не входит и в писательские планы. Во всяком случае авторам приведенных выше литературных произведений это представляется само собой разумеющимся. Как же так: неужели сама собой разумеющаяся для одного способа познания отправная точка не представляется другому вообще сколько-либо значительной? Трудно найти контраргументы мнению, согласно которому, образно говоря,

уголовный процесс и литература — это два различных светофильтра, сквозь которые один пропускает только одни, а другой — только другие световые лучи. И тем более следует помнить, что видимое в каждом светофильтре изображение ничтожно, незначительно с позиций другого светофильтра, будучи ограниченным с точки зрения познания, осмысления действительности.

“ИДЕАЛЬНАЯ ТЮРЬМА” В СОЦИО-КУЛЬТУРНЫХ УТОПИЯХ XVIII – XIX ВВ.

И. А. Исаев

Разрушение Бастилии восставшим французским народом явилось символическим актом, отрицанием некоего символического значения. В представлении восставших Бастилия (крепость, тюрьма) олицетворяла особый политический режим, тип государственности, особую культурную систему, наконец, особый стиль социально-архитектурного мышления. Уничтожение Бастилии было актом ритуального “снятия” этих реальностей (или мнимостей), стоящих за архитектурно-пространственными символами старой крепости. Совершенный акт обладал значимостью прежде всего определенного типа мышления, сложившегося в Западной Европе на рубеже XVIII – XIX вв. и, как нам представляется, генетически связанного с позднейшими формами утопического сознания.

Архитектурная символика составила важную часть утопических построений, ориентированных на достижение социального идеала путем использования разнородных средств этического, эстетического и иных порядков. В данном случае нас интересует роль и функции архитектурно-пространственных феноменов, которые они выполняли в процессе формирования некоторых идеально-утопических систем.

1. К концу XVIII в. в европейской культуре в основном закончилось образование специфических “дисциплинарных” институтов, таких как школа, армия, лечебница и тюрьма. В них происходили интенсивные эксперименты с одним и тем же повторяющимся объектом — человеческим телом. Формировалась новая политическая технология, в центре которой размещалось человеческое тело, понимаемое в качестве послушной машины. Параллельно с этим происходила всесторонняя разработка философско-социальной концепции “человек-машина”, в которую включились представители различных отраслей социальной науки. Технологизация идей, развитых философией Просвещения, выразилась в практике создания соответствующих “дисциплинарных” пространств и прежде всего — в решительном преобразовании тюремной архитектуры. Одновременно шло конструирование масштабных утопических проектов по созданию идеальных обществ, в ходе которого имели место настойчивые попытки перестроить существующее социальное пространство по законам разума. В этих утопиях конечного аналитиче-

ского пространства значительная роль отводилась архитектурным композициями.

Следует отметить, что в экспериментах с тюремной архитектурой отразились некоторые черты нового типа власти, в своих проявлениях ориентированной не столько на насилие, сколько на нормализаторскую практику. Постепенно на грани XVIII – XIX вв. стала вырабатываться некая унифицированная форма дисциплинарного пространства, выраженная в особой геометрии архитектурных форм, а во временных координатах — в категориях линейного времени, идее прогресса и пр. Институт тюрьмы в качестве обобщенного типа наказания в том виде, как он сложился к началу XIX в., по-своему отразил главные направления процесса социального познания, окрашенного в естественно-научные тона XVIII в. В нем сочеталась: “физика власти”, составленная из совокупности способов принуждения, контроля и подчинения; “оптика власти” — комплекс приемов по учету и надзору; “механика власти” — приемы расчленения, изоляции, перегруппировки индивидов, “локализации тел в социальном пространстве”; “физиология власти” — использование исправительных и нормирующих механизмов [1, с. 134, 193].

2. С середины XVIII в. в Европе существовал ряд социально-архитектурных концепций, имеющих некоторые общие основания — их объединяла идея создания “говорящей” архитектуры. Определенная мировоззренческая позиция, стоявшая за этим экспериментом, проявлялась как через набор символов и аллегорий, несущих эстетическую и социальную нагрузку, так и через посредство определенных способов решения пространственных проблем.

Архитектура барокко, выражавшая в условиях Европы политическую систему и идеалы абсолютной монархии, в значительной степени подчеркивала эстетические функции сооружений в ущерб их функциональному назначению. Главной целью архитектурной композиции эпохи была демонстрация власти авторитарного правителя, светского или духовного. Тем же целям служила и архитектура пенитенциарных учреждений, не получившая еще самостоятельного выражения. Каждая крепость, замок, бург располагали специальным функциональным пространством, предназначенным для проведения допросов, пыток и содержания преступников и пленных врагов и составлявшим только часть общей пространственно-архитектурной системы.

В эпоху барокко значительное влияние на формирование института тюрьмы оказывали религиозные символы и традиции, заимствованные из средневековья. Модели монастырской архитектуры оказались вполне приемлемыми для создания тюремных учреждений. Изоляция, отдаленность от коммуникаций и сре-

ды общения достигались путем формирования закрытых пространств, внутренне дифференцированных в соответствии со шкалой социальной иерархии. Свойственный средневековому мышлению дуализм обусловил совмещение различных социально-культурных функций в пределах единой пространственной среды.

С усилением абсолютистского государства и реализуемых им функций демонстраирования власти и устрашения тюремные учреждения приобретают новые черты. Кроме всего прочего, архитектурные решения должны были учитывать все возрастающее количество заключенных, поэтому специально возводимые тюремные здания приобретают грандиозные размеры, появляются огромные общие камеры, в которых располагается большое число узников. Тюремная архитектура начинает говорить особым языком. П. Валери удалось тонко уловить эту выразительность новой тюремной архитектуры: "Дома правосудия должны говорить взору о строгости и беспристрастности наших законов. Им подобает величие: обнаженные массы, мощные неприступные стены. Безмолвие этих голых фасадов едва нарушается изредка то угрозой некоей таинственной двери, то печальными знаками толстой решетки, которая вдруг замечается в сумраке узкого окна. Здесь все звучит приговором, все свидетельствует о возмездии. Камень торжественно оповещает о том, что скрывается за этой толщей; стены неумолимы; и эта громада, которая вся служит истине, решительно провозглашает свое суровое назначение" [2, с. 223-224].

3. Существование "говорящей архитектуры" не ограничивается, однако, только сферой тюремных построек, ее претензии идут гораздо дальше. Во второй половине XVIII в. появляются знаменитые проекты архитектора Леду (1736 - 1806), в которых элементы "говорящей архитектуры" составляли композиционную основу. Как средневековое зодчество с его иерархической архитектоникой и вертикальной устремленностью отображало соответствующую систему власти, так и предреволюционная архитектура Европы выражала новую идеологию Просвещения, отводившую существенную роль человеческому разуму в системе мира и в деле его преобразования. Собственно утопический характер эта архитектура приобретает тогда, когда она решает принять на себя задачу формирования идеального социума, всего комплекса этических, политических, правовых норм и представлений. В этом плане проекты Леду несли на себе характерные признаки утопических конструкций: "утопия Леду возникла на гребне волны умонастроений, порожденных надвигавшейся буржуазной революцией; она предвосхитила черты утопического мышления, получившего развитие более чем на столетие

позже: ...пафос утопического "творения мира", идею символической формы и связанную с ней идею простоты, рождаемой исключением второстепенного для избранной концепции" [3, с. 20].

Архитектурные конструкции Леду выражали свое назначение самым непосредственным образом: сферические очертания плана города повторяли траекторию Солнца (сфера — символ вечности), кубические формы символизируют постоянство, дом Колесника имеет форму колеса и т. п. Лаконизм и аскетичность композиции подчинены скорее этическому, чем эстетическому началу. Архитектура должна не только "говорить", она должна воспитывать и поучать: тюрьма не просто место заточения, ее архитектура отображает назначение и цели учреждения, своими средствами воздействует на окружающих.

"Идеальный город" Леду явился своего рода проекцией в архитектуру системы общественной морали в духе Руссо. Важно отметить, что на этом этапе своего развития "говорящая архитектура" все более тяготеет к формальным и символическим проявлениям: она уже не стремится выразить содержание и семантику реальных смыслов, идею своего назначения, — форма становится самоцелью, в ней архитектура находит свой язык, средства и цель. Игра о чистой форме*, которой пользуются в своих утопических конструкциях архитекторы XVIII в., выражала стремление превратить эту форму в реальный инструментарий для разрешения социальных, государственных и правовых проблем эпохи. "Говорящая архитектура", стремившаяся выразить свое социальное назначение присущими ей средствами, начинает диктовать свои идеалы обществу. В связи с этим формально-архитектурные признаки приобретают отнюдь не архитектурные смыслы, а сугубо символические функции архитектурных форм уступают место более глубинным значениям.** Внешние формы выражают развитие внутренней идеи или вступают с нею в конфликт. Утопическое мышление начи-

---

* "В работах Леду прослеживается мощное игровое начало. Это игра, подчиняющаяся идее "говорящей архитектуры", идее экспрессивности и уже поэтому несвободная, но все же игра — с чистой формой" [4, с. 358].

** Примером такого глубинного осмысления может служить творчество Ф. М. Достоевского: "Доминирующая особенность готики — стремление к вертикали. Вертикаль характерна и для всего мироведения Достоевского. Верх и низ жизни, бог и дьявол, добро и зло, ... социальный разрез общества с его низам и высшим светом, бездны и небо в душе героев — все это располагается по вертикали и может напоминать готическое построение того мира, который изображал Достоевский. Сам "полифонизм" творчества Достоевского несет в себе много общего с распределением масс собора на множество спор,

нает приписывать архитектурным конструкциям воспитательные, социально-терапевтические, дисциплинарные свойства.

В системах утопического мышления окружающая среда и, в частности (а может быть, в особенности), архитектура играет роль, аналогичную другим семантическим структурам: идеологическому воздействию, социальной институализации и пр. Архитектурная утопия существует рядом с утопией социальной, архитектурное экспериментирование — рядом с социальным. "Идеальная институализация и идеальная урбанизация имеют общий знаменатель — конструирование желательной жизненной ситуации... Идеальная урбанизация позволяет дать синтетическое, целостное выражение совокупности потребностей, движимых утопистом, при этом всеобъемлющее, упорядочивающее желательным образом все пространство воображаемого мира. Архитектурно-пространственный образ делает вымышленный мир доступным движением воображения, делает его своим, создает утописту объективно иллюзорную, но по психологическим результатам действительную, притягательную позицию творца-вседержителя" [8, с. 95].

4. На гравюрах Д. Б. Пиранези (1720 – 1778) изображен целый цикл архитектурных фантазий на темы тюрьмы. Внутри высоких сводчатых помещений пространство рассечено множеством плоскостей и уровней, образованных площадками, ярусами, галереями и балконами. Все эти субпространства связаны между собой разводящими мостами, лестницами, блоками. Над всем пространством темницы господствуют навесные балконы, где располагаются стражи. Внутренняя сложность архитектуры отражает определенную иерархию уровней: в закрытом пространстве заключен целый мир, множество хаотически скомпонованных вещей, иррациональных и диспропорциональных связей и явлений. В отличие от интерпретации Леду тюремный мир Пиранези нарочито нелаконичен, автора не занимают внешние аналогии, он ищет более глубоких соответствий между социальным, душевным и метафизическим мирами архитектуры. Символика внешних форм приобретает особое конструирующее значение, свойственное утопическому миросозерцанию.

В кажущейся путанице внешних деталей проглядывает устойчивое соотношение геометрических форм. Рационализация пространства должна обеспечить выполнение дисциплинирующих, нормирующих функций. Изменение геометрии влечет изменение социальной философии, поэтому столь внимательны все утопические конструкторы к линиям архитектурной геометрии, столько сил уделяют детальной разработке своих неосуществимых композиций.

тят, контрфорсов" [15, с. 240].

В этой связи должна предостерегаться принципиально важной критика, которой Ш. Фурье подверг предложенную другим великим утопистом Р. Оуэном квадратную форму здания коммуны, пугавшую его своей законченностью и однообразием. Догадка Фурье состояла в том, что в органической архитектуре будущего динамическая константа ее формы должна быть и будет обусловлена динамической слитностью всех индивидуальных жизненных пространств [7, с. 163]. "Говорящие" пространства уступают в концепциях утопистов место пространствам "исчисляемым". Распределение человеческих масс, групп и индивидов, "внутренняя иерархизация социального пространства становится главными целями архитектурных утопий. Уже на примере идеального общества К. Штюблина (середина XVI в.) представляется очевидным, что коммунальная идея утопической архитектуры не являлась самоцелью, равенство и простота — уже не главные атрибуты системы, в рамках утопии корпоративность и солидарность существуют в условиях резкого социального расслоения [6, с. 225].

Большая часть утопических проектов начала XIX в. уделяла значительное внимание аспектам социальной тотальности, общины и социума и меньшее — индивидууму. Заботой архитектурных утопий явилось создание закрытых пространств, в которых только-то и становится возможным экспериментирование над миром утопических реальностей. Значительное место в этом эксперименте отводилось воспитательным функциям и манипулированию сознанием. Этому же должна была содействовать и архитектура, демонстративные функции которой постепенно уступали место функциям распределения, "калибровки" индивидов, в связи с чем утопическая архитектура отходит от задач индивидуализации и сосредоточивается на процедурах типизации. "Механизмы страстных серий" в утопии Ш. Фурье — образец такой техники подбора, отбора, селекции индивидов. Однако по сравнению с более жесткими формами нормирования врожденных человеческих качеств (страстей), включавшихся в системы других утопистов, система Ш. Фурье — более гибкий механизм, учитывающий естественные состояния и стремящийся направить их в желаемое русло. "Унитарная архитектура" фаланги в его утопии (еще более детализированная у фурьеристов-эпигонов) наметила одну важную тенденцию пенитенциарной архитектуры — создание крупных кругообразных сооружений с руководящим, контролирующим, наблюдательным центром.

Пространство тюрьмы в проектах Пиранези разбито на множество субпространств, принципы их распределения могут быть различными, однако обязательным является мотив иерархизации или утрированной эгалитарности. Большинство утопистов

(Т. Кампанелла, Ш. Фурье, А. Морелли) предпочитали для своих утопико-архитектурных сооружений круговую (иногда это были концентрические окружности) форму с центром посередине. Круг с центром символизирует стремление к стабилизации пространства и подчинению его единому началу, что вполне соответствовало авторитарным моделям власти, воспринятым почти всеми утопическими системами. В вертикальном срезе этой тенденции соответствует формирование пирамидальной архитектуры, отражающей иерархическую структуру общественной власти.

Б. Современник Леду и Пиранези, создавший много фантастико-утопических архитектурных конфигураций, П. Г. Гонзага (1751 - 1831) изображает тюремные помещения в виде цилиндрических пространств, в центре которых помещается чесущая колонна с кольцевым балконом, на высоте по стенам темницы проходит кольцевая галерея для стражников. Пенитенциарная архитектура приобретает здесь законченный лаконизм, исчезают барочные детали и "излишества", геометрия дисциплинарного пространства материализуется в жестких линиях. Если "релятивизм Возрождения не переносил гармонии чувственного постижения вещей в мир идеальных сущностей, в том числе чисел" [19, с. 187], но, напротив, сопоставлял по их размерам самые вещи, то утопическая архитектура конца XVIII в. предприняла смелую попытку рационализировать мир чувственных вещей.

В начале XIX в. утопический идеал пенитенциарной архитектуры возводится на новые основания: тюрьма превращается в основной, унифицированный вид наказания. Развитие этого института осуществлялось в русле становления новой криминалистической философии, новой дисциплинарной утопии: тело должно быть подчинено дрессуре; формируя тело, формируют душу. Доминантой этого типа мышления является идея всеподнадзорности, характерным примером и олицетворением которой может служить модель идеальной тюрьмы ("паноптикума") И. Бентама (1748 - 1832). В центре тюремного пространства находится башня надзора, с которой просматриваются все камеры, расположенные по окружности. Обитатели камер не могут видеть друг друга и стражей, наблюдающих за ними с башни. Зато стражи контролируют каждое их движение, сами оставаясь незамеченными. По мнению М. Фуко, "паноптикум" является не просто моделью тюремной архитектуры, это — универсальная модель "власти-познания", "единая диаграмма дисциплинарного пространства, пространства закрытого, четко выделенного, просматриваемого со всех возможных пунктов наблюдения, где индивиды располагаются в фиксированных местах, где даже незначительные движения контролируются, а все события регист-

рируются, где непрерывная работа канцелярий связывает центр и периферию, где каждый индивид постоянно повторяем, проверяем и распределяем среди себе подобных" [1, с. 198; 10, с. 517 - 518].

С этой точки зрения именно тюрьма, как особый институт, наиболее полно соответствует тем механизмам дисциплинирования и всеподнадзорности, которые вырабатываются к этому времени в европейских обществах. В создаваемых дисциплинарных пространствах (лечебницах, казармах, школах, тюрьмах) формировались специальные процедуры и приемы, позволявшие индивиду войти в область "измеряемого и исчисляемого". Сама власть, которая в средние века демонстрировала свое могущество в символике и ритуале, геральдике и замковой архитектуре, отходит в тень и, став анонимной, выставляет под лучи контроля и надзора индивидуума. "Власть-познание" распространяет теперь индивидуализацию на подвластных, бывших ранее только анонимной и аморфной массой. В этих условиях преобразуется хтоническая мифология старой тюремной архитектуры: ее основополагающие принципы ("закрывать", "лишать света", "утаивать") заменяются новыми — "контролировать", "распределять", "формировать". Тюремная архитектура нового, буржуазного общества приобретает соответствующие черты и язык, однако сохраняя при этом качества, присущие только утопии.

Л и т е р а т у р а

1. Foucault M. Surveiller et punir. Naissance de la prison. — Paris, 1975.
2. Валери П. Эвпаллинос, или архитектор. Об искусстве. — М.: Искусство, 1976.
3. Иконников А. В. Зарубежная архитектура. От "новой архитектуры" до постмодернизма. — М.: Стройиздат, 1982.
4. Глазычев В. Л. Эволюция творчества в архитектуре. — М.: Стройиздат, 1986.
5. Лихачев Д. С. "Готические окна" Достоевского // Античная культура и современная наука. — М.: Наука, 1985.
6. Панченко Д. В. Утопический город на исходе Ренессанса (Допи и Кампанелла) // Городская культура. Средневековье и начало нового времени. — Л.: Наука, 1986.
7. Тасалов В. Н. Очерк эстетических идей архитектуры капиталистического общества. — М.: Наука, 1979.
8. Штекли А. Э. Платонова "Софросина" и утопия Каспара Штюблина // Античная культура и современная наука. — М.: Наука, 1985.
9. Кузнецов Б. Г. Идеи и образы Возрождения. — М.: Наука, 1979.
10. Folie et déraison. Histoire de la folie à l'âge classique. — Paris, 1961.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ИСТОРИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

А. И. Алексеев

У искусства, как известно, много функций, и одна из них — познавательная — сближает его с наукой. Верно, что служители муз действуют не столько логикой, сколько эмоционально значимыми аргументами, оперируют не столько фактами, сколько образами, апеллируют не столько к разуму, сколько к чувству прекрасного. И все же никто и никогда не возводил китайской стены между научным и художественным познанием. У них множество связей, взаимопереходов, пограничных состояний. И правомерно, в частности, говорить о научно-художественном познании как бытия, так и явлений сознания.

Изобразительному искусству, как одному из важных средств художественного освоения действительности, “подвластны” практически все сферы социальной и духовной жизни. Не обошло оно стороной и право — его идеи и принципы, социальные функции, процесс применения и т.д.

Юридическая тематика в изобразительном искусстве представляет собой разнобразные феномены правовой действительности, “освоенные” средствами этого искусства. Кистью живописцев, резцом ваятелей, штихелем гравировщиков изображались законодатели и правоприменители, живые сцены судебной жизни, различные юридически значимые ситуации, их многочисленные участники, люди, нарушавшие требования законов и подвергавшиеся наказанию, многие другие стороны юридической действительности, которые так или иначе связаны с правотворчеством и функционированием права.

Если рассматривать соответствующие живописные полотна, фрески, скульптуры, гравюры в качестве носителей информации о различных аспектах юридической действительности, то в научно-социологическом контексте их следует отнести к так называемым иконографическим документам. В частности, эти произведения искусства могут быть проанализированы “как документы прошлых эпох, позволяющие делать заключение о тех или иных сторонах и деталях духовной и материальной жизни этих эпох, о тех или иных деталях быта” [1, с. 285].

Надо сказать, что история мирового искусства не так

уж богата произведениями на юридическую тематику. И, по-видимому, не случайно. Дело в том, что изобразительное искусство связано со зрительным восприятием действительности. А многое ли можно лицезреть, увидеть воочию, скажем, в зале судебного заседания или в кабинете следователя, прокурора? Конечно, зрительные образы можно заимствовать и отсюда, но все же с помощью одних этих образов трудно, а порой и невозможно передать всю сложность складывающихся здесь жизненных ситуаций с их внутренним драматизмом, коллизиями, кипением страстей, укрытыми за строгими процессуальными формами, показать всю гамму человеческих переживаний, а главное — развитие действия во времени. Известно, что возможности живописи, скульптуры, графики в решении этих задач весьма ограничены.

Тем больший интерес представляют имеющиеся примеры раскрытия средствами искусства тех или иных аспектов юридической действительности, несмотря, так сказать, на сопротивление материала.

Есть все основания начать обзор с упоминания произведений изобразительного искусства, в которых нашли воплощение такие емкие, многозначные символы юстиции, как Фемиды и Немезиды. Их изображали многие художники и скульпторы. Имен некоторых из них мы, по-видимому, никогда не узнаем — это древние греки и римляне, стоявшие у истоков темы, ее художественной интерпретации. Да и их работы известны лишь по более поздним копиям или описаниям. Другие художники из числа создавших образы мифических особ прекрасного пола, которых можно назвать одновременно и госпожами, и служанками правосудия, особо заметного следа в истории мирового искусства не оставили. Таков, например, французский художник П. Приюдон (1758 — 1823), который в картине "Божественное Правосудие и Возмездие преследуют Преступление" изобразил сразу и Фемиду, и Немезиду. Картина весьма информативна в том смысле, что в ней довольно обстоятельно интерпретированы нравственно-правовые символы, в концентрированной форме выражающие идеи справедливости и законности, восстановления нарушенного права, воздаяния за зло. И хотя с точки зрения художественной в этой работе художника можно обнаружить чрезмерную риторику, есть смысл ее воспроизвести.

Наконец, к художественному выражению "первичных" нравственно-правовых идей в виде соответствующих символов, аллегорий обращались и те художники, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю мирового изобразительного искусства.

Джотто (1266 — 1337) на одной из своих фресок изобразил Справедливость (что соответствует образу Фемиды, который еще

Рис. 1. Рисунок С. Э. Мерзликова по картине П. Прюдона

в древнем Риме трансформировался в образ Юстиции) и противостоящую ей Несправедливость.

Рафаэль (1483 – 1520), расписывая во дворце папы римского “комнату подписи” (в ней скреплялись печатью папские указы), изобразил четыре основных, по представлениям того времени, области духовной жизни: богословие, философию, поэзию и правосудие. Тема правосудия раскрыта словами “Мудрость, Умеренность, Сила” — так называется фреска, на своде которой помещена фигура Фемиды как символа правосудия. В одной руке она держит весы, в другой меч.

На гравюре А. Цюрера (1471 – 1528) изображена Немезида с двумя традиционными атрибутами: крыльями, которые символизировали быстроту и неотвратимость возмездия, и уздечкой, назначение которой в том, чтобы обеспечивать контроль за непокорными и высокомерными. В остальном художник несколько отступил от канонов: он поместил Немезиду на шаре — символе управления жизнью, а в ее правую руку вложил кубок — для поощрения достойных. И это, по-видимому, не только плод творческой фантазии, но и определенная дань времени, в котором жил художник, результат восприятия современных для него

правовых воззрений, осмысления правовых институтов той эпохи.

Следующая страничка нашего обзора посвящена произведениям, в которых получил отражение образ заков дателя. Анализ можно было бы расширить едва ли не беспречно, ибо портретов князей, королей, императоров, прочих царствующих особ, творивших законы, самодержавно либо с некоторыми заигрываниями с демократией, в истории изобразительного искусства создано превеликое множество. Чтобы не уходить далеко от темы, ограничимся прежде всего указанием на картину, где сделан особый акцент на законодательной функции главы государства. Речь пойдет о работе Д. Г. Левицкого (1735 – 1822) “Екатерина-Законодательница в храме богини Правосудия”. Художник изобразил императрицу в стиле парадного портрета. “Матушка-государыня” на картине явно оттеснила на задний план, низвела до роли третьестепенного персонажа хозяйку храма Правосудия — Феиду. За основу трактовки образа Законодательницы Д. Г. Левицким взята идея “просвещенного государя” — не всемогущего самодержца, обладающего никем и ничем не ограниченной властью, от которого шаг до деспота, не первого крепостника (кем в действительности была Екатерина), а “первого гражданина государства”, радателя всеобщего правопорядка. В соответствии с этой идеей Законодательница изображена в тот момент, когда она только что бросила в ярко разгоревшийся жертвенник лепестки цветов мака. По замыслу художника это означало, что императрица “жертвует драгоценным своим покоем для общего покоя”. У ног Законодательницы — плоды ее трудов на благо Отечества: книги, содержащие истину законов, надежно охраняемую победоносным орлом.

Совсем иначе представлена законодательная власть на литографии французского художника О. Домье (1808 – 1879) “Законодательное чрево”. В ней нет и намек на парадность, величие, одна только едкая сатира. Министры и депутаты заседают в парламенте, “творят” законы, по которым суждено жить Франции времен Луи Филиппа, злобной, коварной “июльской монархии”.

Духовное, интеллектуальное ничтожество, полное равнодушие к каким бы то ни было общественным интересам, к судьбе народа, страны и вместе с тем готовность беспрекословно служить денежному мешку да собственному желудку — вот что осталось у министров и депутатов после того, как художник сбросил с них личину респектабельности, лишил их внешнего лоска и показного величия.

Образы судей, адвокатов, прокуроров, других представителей юридических профессий даны в произведениях изобра-

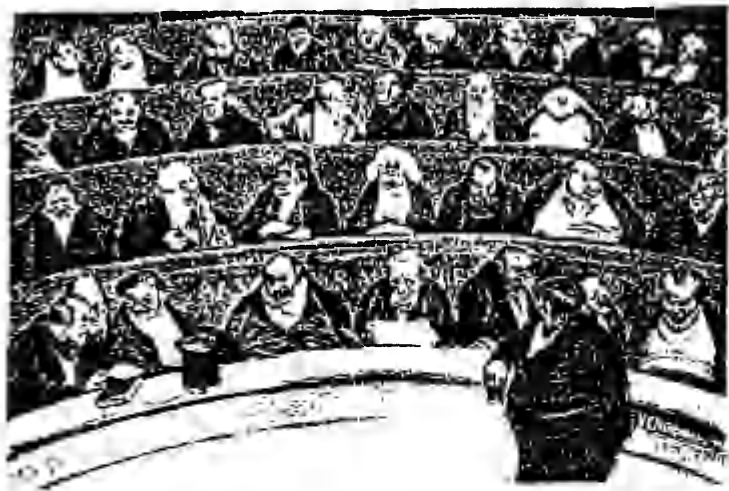

Рис. 2. Законодательное чрево

зительного искусства с разнообразных смысловых и идейно-художественных позиций, под различными углами зрения. Можно однако указать, если иметь в виду досоциалистическое искусство, на преобладание сатирической, обличительной линии в изображении этих персонажей.

Голландский художник Иероним Босх (ок. 1450 – 1516) в картине “Семь смертных грехов” показывает судью за привычным делом — отправлением правосудия. Взор служителя Фемиды обращен к тому, кто пришел к нему за справедливостью: он внимательно, даже сочувственно выслушивает истца. Перед судьей раскрыта книга законов, а в его правой руке символ судебной власти — жезл. Казалось бы, известный юридический принцип — правосудие свершится хотя бы погиб мир — вот-вот должен восторжествовать. Но жезл судьи склоняется в сторону другого участника процесса — ответчика. И все объясняется очень просто: ответчик сует судье в руку золотую монету. Скоро она переключает в объемистый кошелек, высящий на поясе у судьи, а жезл зафиксировывает исход судебного поединка в пользу давшего мзду.

О. Домье был частым гостем парижского Дворца правосудия и создал великолепную серию из 39 больших литографий с изображением судей, адвокатов, прокуроров, сцен из судебной жизни. Он также писал представителей юридического сосло-

вия маслом, акварелью. Все эти работы, взятые в совокупности, дают впечатляющую картину современной художнику правовой действительности (в основном средней трети XIX века). Было бы упрощением считать, что, изображая судей, адвокатов, прокуроров, Домье только обличал, срывал маски, клеймил. Как истинный художник-реалист, он и эту сторону социальной жизни показывает во всей ее сложности и противоречивости, и сатирические образы "судейских" в ряде случаев не лишены у него некоторых привлекательных черт. Большинство этих людей профессионально подготовлены, владеют приемами ораторского искусства, хорошо ориентируются в законодательстве, в практической психологии и вообще хорошо знают свое дело. Им не чужды самоирония, здравый смысл, настойчивость в достижении поставленных целей.

Литографии и картины Оноре Домье широко известны по многочисленным выставкам, воспроизведениям в альбомах, монографиях, каталогах.

А вот о рисунках Виктора Гюго с изображением представителей правосудия мало кто знает, и есть смысл их воспроизвести.

Рис. 3.

Все эти рисунки из альбома "Юстиция" датированы 1869

годом. Они отмечены глубоким психологизмом, проникновением во внутренний мир человека, умением выразительно показать нюансы психических состояний, большой экспрессивностью. В трактовке образов "судейских" профессиональным художником Домье и писателем Гюго, обращавшимся к графическому искусству, много общего. Их роднило многое — не только большой талант, но и совпадающие в значительной мере идейно-художественные позиции, гневное, непримиримое отношение к господствующим порядкам и тем, кто ревностно их охранял.

Из произведений отечественного изобразительного искусства следует прежде всего упомянуть картину В. Г. Перова "Приезд станового на следствие". Становой пристав вершит следствие, за которым последует скорый суд и даже исполнение наказания, ибо розги уже приготовлены. Присутствующий староста держит графин водки и закуску, к которым представитель судебно-следственной власти обратится, судя по всему, сразу же после вынесения приговора.

На эту же тему есть рисунок В. Е. Маковского. Сравнение картины Перова, созданной в дореформенное время (1857 г.), с рисунком Маковского, выполненным после судебной реформы 1864 года, дает возможность проследить за некоторыми элементами либерализации юридической практики в царской России тех лет. Но следует отметить, что, несмотря на "великие" реформы, кое-что идет по-старому. Изменились правовые акты, круг полномочий должностных лиц, но становому у Маковского, как и прежде, преподносится угощение и, конечно, не в виде чая [2, с. 59; 3, с. 65].

"Мирно калякающие" (по выражению В. В. Стасова) адвокат и прокурор (или член суда — по интерпретации некоторых искусствоведов) изображены на заднем плане картины В. Е. Маковского "Осужденный" (1879). На картине этого же художника "Оправданная" (1882) представлен адвокат, только что выигравший процесс.

Интересные образы юристов созданы художниками С. К. Зарянко (картина "Зал Училища правоведения с группами учителей и воспитанников", 1840 г.), Д. А. Щербиновским (картина "Комната присяжных поверенных в перерыве судебного заседания", 1896 г.) и другими русскими живописцами.

Наконец, о таком аспекте юридической темы в изобразительном искусстве, который с некоторой долей условности можно назвать криминологическо-пенитенциарным. Ключевыми понятиями для выражения его сути являются: преступление, преступник, подсудимый, осужденный, наказание, процесс его исполнения. Здесь также множество содержательных подходов, ракурсов, смысловых оттенков, стилей изображения и других нюан-

сов, "разбросанных" по многим векам, разным художественным школам, течениям и жанрам изобразительного искусства. Аллегория "Клеветы" Ваттичелли (1495), уходящая своими истоками в Древнюю Грецию к несохранившейся картине художника Аппеллеса, и "Клевета" Н. А. Касаткина; его же "Перекупщик" (говоря современным юридическим языком, спекулянт), упоминавшийся персонаж картины Восха, принадлежность которого не только к судейскому сословию, но и к преступному миру достаточно очевидна; выполненные с натуры рисунки узников Т. Г. Шевченко, "Прогулка заключенных" В. Ван-Гога, рисунок В. Г. Перова "Ограбление в пасхальную ночь"...

Этот перечень работ, взятых, можно сказать, наугад, с самых разных страниц истории мирового изобразительного искусства, можно было бы дополнить многими картинами и рисунками художников разных времен и народов, изображавших сцены убийств и насилий (нередко в религиозно-мифологической трактовке), казней (часто с выраженным политическим подтекстом) и некоторые другие сюжеты. Но хотелось бы и здесь выделить в качестве некоего стержня или лейтмотива одну проблематику, освоенную средствами изобразительного искусства представителями всего лишь одной художественной школы. Речь пойдет об арестантской теме в творчестве русских художников-передвижников и тех, кто был связан с Товариществом передвижных выставок, если не организационно, то идейно. Эти художники обращались к разным сторонам современной им юридической действительности, но одна тема особенно привлекала их внимание. Ее можно назвать тюремной, арестантской. Повышенный интерес к ней, конечно, не был случайным. Исполненный лишений долгий путь от полицейских каталажек до сахалинской каторги, многострадальная жизнь узников острогов, каторжан, ссыльных, тягостные картины тюремного быта — все это имело глубокий социально-нравственный подтекст, было наполнено подлинным драматизмом и давало хороший повод проявить себя художником-гражданином, поднять голос в защиту обездоленных, униженных и оскорбленных людей, находившихся под двойным, тройным социальным гнетом. Назовем лишь некоторые, наиболее выразительные картины на арестантскую тему, выполненные представителями демократического реализма. Это, например, "Привал арестантов" В. И. Якоби, "Княжна Тараканова" И. Д. Флавицкого, "Ожидание у острога", "Узник" В. Е. Маковского, "Заключенный", "Всюду жизнь", "В пересыльной тюрьме" Н. А. Ярошенко, "Под коновое", "Отказ от исповеди перед казнью", "Не ждали" И. В. Репина, "В коридоре окружного суда", "Арестантки на свидании" Н. А. Касаткина.

Различные сюжеты, разная их трактовка, внимание одного

художника привлекали одни детали, другого — другие. Но вот что характерно. На довольно многочисленных полотнах, графических листах, где изображены осужденные, арестанты, практически нет ни одного, где они были бы представлены как злодеи, как некое средоточие пороков. Чаще всего это измученные, может быть, даже надломленные, но облагороженные страданием люди, вызывающие сочувствие. А нередко это гордые, сильные духом, устоявшие перед превратностями судьбы герои, внушающие явную симпатию.

Тюремная машина царизма стремилась сломить осужденных, всячески унижить их человеческое достоинство, низвести до роли существ, думающих лишь о том, как удовлетворить свои элементарные потребности. Но далеко не всегда ей это удавалось. Вот, например, "Заклученный" Н. А. Ярошенко.

Рис. 4.

Это явно человек, который жив не хлебом единым. И он не

согнулся под тяжестью выпавших на его долю испытаний. Глубоким смыслом наполнено обращение заключенного к свету, пробивающемуся в мрачный каземат сквозь небольшое зарешеченное оконце.

Итак, в истории изобразительного искусства есть страницы, несущие правовую информацию, отражающие разнообразные аспекты правовой действительности разных стран и эпох. Какова их социально-правовая ценность, что дают они нам для познания права, его истории, как они связаны с правовой действительностью сегодняшнего дня?

Прежде всего, по-видимому, надо отметить, что произведения изобразительного искусства, о которых идет речь, имеют определенное историко-познавательное значение. Не исключено, например, что, объясняя, почему Дюрер не вполне традиционно изобразил Немезиду, историк права обнаружит какие-то детали, штрихи, обогащающие сложившиеся представления о правовой системе средневековой Германии, какие-то интересные, с научной точки зрения, особенности правовых воззрений того времени. Конечно, рассчитывать на открытие здесь не приходится, но и крупицы новых знаний будут весьма полезными.

Могут быть использованы рассматриваемые произведения искусства и для иллюстраций тех или иных научных положений истории государства и права. Ведь ей не написано на роду быть скучной! Некоторое "оживление" материала, усиление эмоциональной привлекательности информации по истории государства и права особенно желательно с учетом учебно-методических целей. Просматривая те или иные положения истории государства и права как учебной дисциплины сквозь призму искусства, мы будем обращаться не только к интеллекту, но и к чувствам обучаемых. А это всегда способствует пробуждению и усилению интереса к предмету, повышает познавательную активность студентов.

То же самое можно сказать о правовой пропаганде, правовоспитательной работе с широкими кругами населения. Опыт правовоспитательной работы автора свидетельствует, что обращение к произведениям искусства на лекциях по правовой тематике всегда вызывает повышенный интерес у аудитории. Хотелось бы особо подчеркнуть целесообразность использования рассмотренных источников правовой информации в правовоспитательной работе с молодежью, с несовершеннолетними. Произведениями изобразительного искусства, отражающими различные аспекты правовой действительности, могут иллюстрироваться те или иные положения на уроках истории, обществоведения, основ государства и права в общеобразовательных школах, профтехучилищах.

Литература

1. Осипов Г. В., Гвишиани Д. М., Руткевич М. Н. и др. Рабочая книга социолога. — М., Наука: 1983. — Изд. 2-е.
2. Алексеев А. И. В. Г. Перов о преступлении и наказании // Социалистическая законность. — 1985. — № 9.
3. Алексеев А. И. "Осужденный", "Оправданная" и другие // Социалистическая законность. — 1985. — № 11.

О МЕСТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Л. И. Аувяэрт

В решениях XXVII съезда КПСС вновь подчеркивалось огромное значение человеческого фактора в строительстве коммунизма. На этом фоне важнейшей задачей юридической психологии является формирование инициативного, активного законопослушного гражданина. Мы считаем, что правовая социализация — это центральное звено юридической психологии вообще и что в свете решений XXVII съезда КПСС специалисты по юридической психологии свое основное внимание должны уделять формированию и перестройке правосознания как индивидов, так и групп, и в первую очередь не тех, кто нарушает право, а законопослушных граждан. Для этого же необходимо прежде всего создать научно обоснованную теоретическую концепцию правовой социализации. Следует признать, что такой концепции пока нет. Исследованы лишь отдельные аспекты этого важнейшего процесса.

В качестве рабочего определения мы предлагаем следующее: правовая социализация — это процесс усвоения индивидом определенной системы правовых знаний и отношений, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. Индивиды связаны с обществом через различные компоненты последнего. Эти компоненты мы в дальнейшем будем называть агентами социализации.

Накопление социального опыта происходит всю жизнь, хотя формы и механизмы его изменяются с переходом из одной возрастной группы в другую. Мы не можем согласиться с буржуазными учеными, утверждающими, будто с окончанием трудовой деятельности заканчивается и процесс социализации, а общество утрачивает интерес к человеку [7, с. 58 – 65]. Перестройка правосознания является частью правовой социализации. Следует, однако, признать, что не все работающие в сфере юридической психологии или считающие себя специалистами в этой области, придерживаются этого мнения. И это естественно. Возникновение новой отрасли науки всегда вызывает дискуссии вокруг проблем данной научной дисциплины по вопросу о ее объекте, предмете, методиках и т.д. Отсюда понятны дискуссии и в об-

ласти юридической психологии. В последнее время их ареной стали страницы "Психологического журнала", и хотя уже в 1977 году А. Р. Ратинов в своей статье "О предмете юридической психологии" [9] указывал на основные недостатки и методические ошибки современной советской юридико-психологической науки, необходимые выводы пока не сделаны. До сих пор ведутся дискуссии не только о предмете и месте юридической психологии, но и о ее наименовании и т.д. Нет пока и учебника по юридической психологии. Всесоюзная конференция по юридической психологии, проведенная в Тарту в 1986 году [6], выявила дополнительно к старым и ряд новых проблемных моментов. На основе выступлений и тезисов докладов можно констатировать, что советская юридическая психология приобрела еще более ведомственный характер. Основные ведомства, в которых занимаются юридической психологией, — это министерство внутренних дел, министерство юстиции, министерство высшего и среднего специального образования, министерство здравоохранения и прокуратура. В настоящее время создалось положение, при котором одно ведомство просто не знает, чем занимаются в соседнем. Издаваемые в одном ведомстве публикации в другом почти неизвестны. Все это приводит к дублированию в научных исследованиях, научные достижения же остаются неизвестными. Все заинтересованные ведомства привержены лишь к узкоприкладным интересам, а в глубоководных исследованиях по юридической психологии и в разработке концепции правовой социализации никто не заинтересован.

Количество нерешенных проблем юридической психологии лишний раз подчеркивает, что ставить точку на дискуссиях пока рано.

Одной из причин дискуссии по юридической психологии является обилие неопределенностей в общей психологии. До последнего времени точно не определены понятия "психика" и "психология" и, к сожалению, не только в обиходной речи. В связи с этим мы намерены здесь еще раз изложить то, что многим читателям и так известно.

Психология — наука о психике. Психика — это объект психологии. Но общепринятое определение того, что такое психика, нами обнаружено не было. В качестве рабочего определения мы предлагаем следующее: психика — это процесс и результат отражения окружающей действительности достигшими определенного уровня развития живыми организмами. О том же, что является объектом такого отражения, психологи обычно не задумываются. Они изучают психические воздействия и результаты психического отражения как таковые, тогда как проблема заключается во взаимодействии живого организма (субъекта, носи-

теля психики) со средой. Для марксистов объектом отражения является действительность, и структура действительности определяет структуру психики как результата отражения. В психике отражается лишь то, что в каком-то виде существует в действительности. Если психика конкретного человека дисгармонична, противоречива, это означает, что противоречива и окружающая его действительность.

Определение предмета науки и ее места в системе других наук — не абстрактно-академический, а важный практический вопрос, от решения которого зависят границы компетенции наук, перспективы исследования, пределы пригодности научных рекомендаций, организация учебного процесса и профессиональной подготовки специалистов [4, с. 81]. Предмет юридической психологии не может быть понят без учета ее места среди психологических и юридических наук.

Уточняя постановление Государственного Комитета Совета Министров СССР по науке и технике от 25 мая 1977 года № 231, Министерство высшего и среднего специального образования СССР в приказе № 801 от 27 июля 1977 г. перечисляет следующие относительно самостоятельные отрасли психологической науки: 1) общая психология; 2) психофизиология; 3) психология труда, инженерная психология; 4) медицинская психология; 5) юридическая психология; 6) педагогическая, детская и возрастная психология; 7) социальная психология; 8) зоопсихология; 9) военная психология; 10) специальная психология (психология слепых, глухонемых и умственно отсталых людей); 11) психология труда в особых условиях. Приведенная классификация областей психологической науки — одна из наиболее распространенных. Помимо нее существует и множество других. Мы ссылаемся на нее лишь постольку, поскольку она зафиксирована в нормативном акте, и юридическая психология выделяется в ней в виде отдельной отрасли. При анализе нашей проблемы различные конкретные классификации имеют второстепенное значение.

Повсеместно принято, что общая психология изучает общие закономерности психологической деятельности человека, а отдельные отрасли психологии имеют свои специфические задачи. Они исследуют проявления закономерностей человеческой психики в той или иной области действительности. Мы считаем, что юридическая действительность как часть социальной действительности по своему содержанию если не полностью совпадает, то в всяком случае чрезвычайно близка к явлениям, называемым А. Р. Ратиновым правовой культурой [10, с. 203]. В ее состав входят:

1. Право, т.е. система норм, выражающих государственные

ведения.

2. Правоотношения, т.е. система регулируемых правом общественных отношений.

3. Правовые учреждения (институты), т.е. системы государственных органов и общественных организаций, обеспечивающих правовой контроль, регулирование и использование права.

4. Правосознание, т.е. система духовного отражения правовой действительности.

5. Правовое поведение, т.е. система практической деятельности людей и государственных органов по исполнению и применению права.

Следует признать, что с правом как с системой норм все ясно лишь на первый взгляд. Практика на каждом шагу убеждает нас в том, что в последние десятилетия у нас возникла другая неофициально параллельная система права. О недостатках в развитии нашего общества откровенно говорил на январском Пленуме генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев: "Пагубное влияние на нравственную атмосферу в обществе оказывали факты пренебрежительного отношения к законам, очковитательство и взяточничество, поощрение угодничества и славословия" [1]. В правовом регулировании пренебрежительное отношение к законам выражалось и в том, что под эгидой законного акта либо изменяли, либо и вовсе прекращали действие закона. Имели место случаи, когда в законном акте не было нужды и достаточно было лишь телефонного звонка, чтобы возбудить или, наоборот, прекратить уголовное дело. Такое явление в правоприменительной деятельности называется правом инструкции.

Аналогично положение дел с некорректным изложением событий о правонарушениях средствами агитации и пропаганды, которые уже до суда "подготавливают" обвинительный приговор, защищая таким путем интересы определенных ведомств или должностных лиц. Такие явления в правоприменительной деятельности можно назвать "правом средств массовой коммуникации". Исследований, посвященных вопросу о том, какой вред причинило нам наличие параллельной правовой системы, мы не нашли, но одно ясно — такие явления психологически вредны. Разные правовые нормы, противоречащие друг другу, а также принципам социалистической теории права, словно нейтрализуют друг друга, и человек в своем поведении может исходить из случайных побуждений.

Для конкретного субъекта правосознание других индивидов и групп так же реально, как и правовые нормы, правовые учреждения или правоотношения. Под правовым сознанием мы понимаем знания индивида и группы о действующем праве, а также

их отношение к нему. На основе этапов развития мы можем выделить два вида правового сознания:

1) предправовое правосознание. Правотворчество является волевым; это означает, что вначале существует идеальная модель, которая затем фиксируется в нормативном акте;

2) послеправовое правосознание, в котором отражаются уже существующие правовые нормы.

Таким образом, правосознание является не какой-то целостностью, а лишь общим понятием, соединяющим в значительной мере разные явления. Правосознание — это продукт настоящей рефлексии. В развитом обществе в правосознании как индивида, так и группы существуют одновременно и доправовое, и послеправовое отражение, которые теснейшим образом переплетаются и которые можно выделить лишь в теоретическом анализе [3, с. 15 — 16]. Мы считаем, что по этапам развития в правосознании можно также выделить несознанное правосознание (динамические установки), объективацию и фиксированные установки. Правовая социализация — это, в первую очередь, фиксация правовых установок, а не просто накопление нейтральных знаний о правовой действительности.

В антагонистическом обществе правосознание подразделяется на а) правосознание классов, стоящих у власти, и б) правосознание эксплуатируемых классов. Однако у первых правовых знаний больше, право в руках конкретных, власть имущих кругов становится дополнительным средством эксплуатации.

Поскольку наше государство — государство общенародное, то, соответственно, наше право выражает волю всего народа, а наше правосознание, как правило, совпадает с действующим правом и моральными оценками. В последнем можно выделить а) массовое правосознание, б) профессиональное правосознание, в) правовую доктрину и г) правовую идеологию. Все виды правосознания являются отражением правовой действительности, но они отражают ее разные аспекты.

В результате недооценки в последние десятилетия психических факторов в управлении обществом возникла идеология и психология застоя. В сфере правовой психологии, а также в теории государства и права умалчивалось существующее противоречие между правосознанием отдельных групп, а также между правосознанием и моралью. Однако такие противоречия существовали и существуют. Социологические исследования показывают, что, например, на мясокомбинатах имеют место группы, моральные воззрения членов которых противостоят существующему праву и профессиональному правосознанию. Следует признать, что недоверие к хозяйственным руководителям прямо культивирует такие противоречия. Например, требуется, чтобы

при списывании имущество уничтожалось, портилось с целью предотвращения присвоения социалистического имущества жуликами. В то же время списанное имущество можно было бы в ряде случаев официально использовать в других целях. Уничтожение имущества, продуктов труда с моральной точки зрения противостоит и противостоит моральным нормам.

Следует отметить, что в последнее время хозяйственным руководителям было вообще очень трудно работать. От них требовали выполнения плана, тогда как они не всегда располагали необходимыми для этого средствами. Противоречия между поставленными целями или требованиями, вытекающие из выполняемой социальной роли, с одной стороны, и имеющимися средствами выполнения этих ролей и достижения целей — с другой, являются одной из наиболее значительных причин отклонений в правовой социализации.

Поскольку для конкретного индивида правосознание других является частью правовой реальности, то именно здесь, на наш взгляд, скрываются истоки развития дисгармоничной в правовом отношении личности. Если нет гармонии в окружающей человека правовой реальности, то, естественно, ее не будет и в его правосознании. Следует отметить, что на уровне разных социальных ролей существующая дисгармоничность правовой реальности осознается в разной степени. Например, хозяйственник должен выполнять план, но зачастую он не имеет необходимых для этого средств.

Правовое поведение контролируется сознанием субъекта. Если человек не понимает значения своего действия, не предвидит его последствий и не может управлять своим поведением, то такое действие юридически незначимо. Действие конкретного человека является вторым отражением социальной действительности (первым, как известно, было правосознание). Поскольку сознание конкретного индивида, как мы убедились выше, может и не быть гармоничным, то и его поведение, соответственно, также может быть далеким от гармоничного. При рассмотрении вопроса о применении права как особого вида правового поведения мы остановимся лишь на двух моментах.

Во-первых, право должно быть как можно более стабильным. Люди должны обладать уверенностью в том, что в будущем (хотя бы в ближайшем) право не изменится. Но иногда мы наблюдаем отсутствие такой уверенности. Сошлемся здесь на нормативные акты о нетрудовых доходах. В сельском хозяйстве мы задались целью ликвидировать содержание домашнего скота колхозниками. Затем, наоборот, начали предоставлять всевозможные льготы тем, кто его содержал. После принятия нормативных актов о нетрудовых доходах люди принялись продавать скот. Это на-

несло немалый ущерб сельскому хозяйству.

Стабильность необходима и для правовой политики.

Во-вторых, поведение приобретает правовой характер благодаря сознанию. Если, например, человек не осознает того, что на выборах в органы власти он участвует в управлении государством, то процедура опускания бюллетеня в ящик для него лично социально незначима. Следует отметить, что это касается не только правового поведения, но и правовой реальности вообще. Нет таких специфических явлений, как правовые отношения и т. д. Мы лишь некоторые социальные отношения оцениваем как правовые. Особенно наглядно это выражается в случае правовых норм. Правовые нормы являются одной из разновидностей социальных норм. Мы лишь фиксируем последние в нормативных актах и тем самым превращаем их в правовые. Что же касается социалистического права как системы правовых норм, то оно, как правило, совпадает с нормами социалистической морали. При охране социальных отношений правовые нормы являются дополнительными гарантиями наряду с нормами морали. Но если нормы морали регулируют почти все социальные отношения, то правовые нормы — лишь определенные (крайние) отношения. Например, нормы морали требуют добросовестной профессиональной деятельности, а правовые нормы предусматривают возможность поощрения за доблестный труд и меры взыскания при нарушении трудовой дисциплины. Правовые нормы, как правило, являются производными от норм морали. Что касается правовой социализации, то в связи с этим мы можем сделать 3 вывода:

- 1) предпосылкой правовой социализации является общая социализация, в том числе и усвоение норм морали. Из предположения, будто правовые нормы совпадают с нормами морали, вытекает, что успешная правовая социализация может ограничиться присвоением норм морали. Если человек принял нормы морали, социалистической морали, то он просто не может нарушать нормы социалистического права, даже если они ему и неизвестны;

- 2) в правовом сознании отражается не только правовая действительность, но и социальная действительность вообще;

- 3) для успешной правовой социализации недостаточно социальных мер правового воспитания, необходимо всестороннее влияние агентов социализации.

Правовая наука изучает все названные комплексы правовой действительности. Из правовой науки отпочковываются следующие отрасли: 1) государственное право; 2) административное право; 3) финансовое право; 4) земельное право; 5) трудовое право; 6) колхозное право; 7) семейное право; 8) уголовное право; 9) гражданское процессуальное право; 10) уголовно-

процессуальное право [13, с. 330].

При пересечении любой отрасли правовой и психологической науки возникает круг проблем юридической психологии. В качестве примера рассмотрим здесь пересечения психологии развития с важнейшими отраслями правовой науки. Психологию развития мы избрали потому, что именно она занимается вопросами социализации молодежи.

Психология развития тесно связана с государственным правом. Психологические проблемы рассматриваются здесь скорее на методологическом уровне.

Тесно связана с психологией развития и такая отрасль правовой науки, как гражданское право. Для института гражданского права дети и подростки являются субъектами различных имущественных личных прав. Воздействие этих прав и их реализации на развитие ребенка представляет собой проблему развития в области гражданского права.

При создании и реализации института трудового права также возникает много проблем возрастной психологии, главные из которых — влияние труда на психическое развитие ребенка и защита ребенка от непосильного труда и вредными условиями. Именно правовыми нормами должны обеспечиваться максимально благоприятные условия развития личности несовершеннолетнего [12].

Психологические проблемы сферы действия института семейного права не требуют особых комментариев. Семья является самым важным агентом социализации молодежи.

Однако следует признать, что именно на эту сферу специалисты юридической психологии до сих пор обращали чрезвычайно мало внимания. Так, например, в правовых нормах предусматриваются одинаковые права на детей отца и матери при разводе, суд же, как правило, оставляет детей матери. Ни в теории, ни на практике не разработаны исходные для суда психологические критерии. Отметим лишь, что в Германской Демократической Республике, например, в разбирательстве дел о разводе принимает участие эксперт-психолог.

Уголовное право определяет круг действий, квалифицируемых как преступления. В любом акте поведения, по мнению В. Н. Кудрявцева, можно выделить следующие этапы: 1) формирование личности с определенной ориентацией; 2) формирование у субъекта конкретного решения; 3) реализацию этого решения [5, с. 88 – 92]. Формирование личности с определенной ориентацией является одновременно предметом возрастной психологии и уголовного права.

Совместная проблематика уголовного процесса, гражданского процесса и психологии развития делится на три части:

а) влияние правосудия на правовую социализацию индивида; б) психические особенности участников процесса и их влияние на результаты правосудия; в) психологические основания индивидуализации наказания.

Аналогичное положение наблюдается и в других отраслях психологии. Определенным исключением из этого общего правила является социальная психология. Дело в том, что любая отрасль психологии имеет свой социально-психологический аспект.

Правовые отношения определяют ту сферу человеческой деятельности, где действуют юридико-психологические закономерности. Сами правовые отношения являются социальными. Мы склонны утверждать, что в строгом смысле психологические проблемы могут быть рассмотрены в качестве юридико-психологических лишь постольку, поскольку они являются социально-психологическими. Вне социальной психологии юриспруденция может иметь дело с психологическими проблемами лишь узко прикладного характера.

Проблема переплетения психологии и юриспруденции до сих пор рассматривалась в основном с точки зрения либо психологии, либо права, либо даже их отдельных отраслей. Однако применение достижений психологической науки должно быть не механическим переносом или формальным приложением к новому содержанию, а слиянием их в новом контексте. До недавнего времени ученые не имели необходимой подготовки одновременно по обеим наукам. Это приводило к тому, что юристы, хорошо зная свою сферу деятельности, не располагали теми психологическими знаниями, которые должны в ней применяться. Психологи же, располагая такими знаниями, не имели достаточного представления о той сфере деятельности, где эти знания должны быть применены [8, с. 105]. Большинство имеющих до сих пор место противоречий в юридической психологии обусловлено неполнотой тех моделей, которыми пытаются описать юридическую психологию. Между тем интеграция наук всегда оказывает существенное влияние на структуру скрещивающихся наук. Это приводит к необходимости а) рассмотрения конкретных форм, в которых происходит интеграция наук, и б) установления влияния на структуру отдельных наук. В процессе интеграции разных наук можно выделить а) нулевую интеграцию — внедрение результатов понятий, законов и методов одной науки в систему другой без каких бы то ни было изменений структуры в обеих контактирующих науках и б) эффективную интеграцию, вследствие которой возникают структурально новые образования. В свою очередь, в эффективной интеграции можно выделить одну основную интеграцию — возникновение новой самостоятель-

ной структурной части в одной из контактирующих наук, двустороннюю интеграцию — возникновение новой самостоятельной структуры в обеих науках и синтез-интеграцию, где новое структурное подразделение науки относится равным образом к обеим контактирующим наукам и в зависимости от фона может быть рассмотрено как составная часть той или иной.

Для решения интересующей нас проблемы необходимо определить, с каким видом интеграции мы имеем дело в случае взаимодействия психологии и юриспруденции. Большинство специалистов по юридической психологии явно придерживаются нулевой интеграции — использования достижений психологии и правоведения без какого бы то ни было воздействия при этом на структуру юриспруденции или психологии. Однако развитие обеих наук свидетельствует о необоснованности подобной попытки. В настоящее время у нас существует самостоятельная отрасль науки, или, по крайней мере, самостоятельная отрасль знаний под названием “юридическая психология”. Широкие плоскости соприкосновения психологии с правовой наукой принципиально отличают юридическую психологию от таких, например, дисциплин, как судебная медицина и судебная психиатрия, которые решают лишь отдельные узкоспециальные вопросы следственной и судебной практики.

Взаимодействие психологии и права не односторонне — оно обуславливает изменения не только в структуре психологии. Правовые нормы определяют те границы, в которых должны себя вести все. Мы считаем ошибочной бытующую практику, при которой в вузах юридическая психология как учебная дисциплина отнесена к кафедре уголовного права и процесса. Теория государства и права дает общие методические, а также методические предпосылки правотворчества, правоприменительной и правоохранительной деятельности, в том числе и психологические предпосылки. Исходя из вышесказанного, можно отметить, что юридическая психология в целом относится к науке теории государства и права, а не к науке уголовного права. Как мы убедились, соприкосновение психологии с уголовным правом наблюдается лишь в частных случаях и не столь существенно.

Л и т е р а т у р а

1. О перестройке и кадровой политике партии: Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 года // Советская Эстония. — № 23 — 24, 28 января 1987.
2. Ауэяэрт Л., Вахинг В. Норма и отклонение в развитии подростков и уголовная ответственность // Психология аномальных

- различий: Тезисы докладов I-й республиканской научной конференции "Психологические особенности людей с аномалиями развития и социального поведения и путь их трудовой и социальной реабилитации", 16 - 17 октября 1986 г. — Вильнюс, 1986. — Т. II.
3. Грязин И. Текст права (опыт методологического анализа конкурирующих теорий). — Таллин, 1983.
  4. Кузьмин Е. С. Основы социальной психологии. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. — С. 81.
  5. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. — М., 1976.
  6. Межвузовская научно-практическая конференция "Преподавание юридической психологии и ее практическое применение в свете решений XXVII съезда КПСС". — Тарту, 1986 (в двух томах).
  7. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии. — М., 1965.
  8. Ратников А. Р. Некоторые итоги и перспективы психолого-правовых исследований // Вопросы борьбы с преступностью. — М., 1974. — Вып. 20.
  9. Ратников А. Р. О предмете юридической психологии // Вопросы борьбы с преступностью. — М., 1977. — Вып. 20.
  10. Ратников А. Р. Структура правосознания и некоторые методы ее исследования // Методология и методы социальной психологии. — М., 1977.
  11. Ратников А. Р. Судебная психология для следователя. — М., 1967.
  12. Сийгур Х. А. О некоторых отрицательных моментах правовой социализации в сфере трудового права // Преподавание юридической психологии и ее практическое применение в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов и сообщений межвузовской научно-практической конференции 17 - 19 сентября 1986 г. — Тарту, 1986. — С. 104 - 105.
  13. Теория государства и права. — М., 1977.

НУЖНО ЛИ МАТЕМАТИКАМ И ФИЗИКАМ ИЗУЧАТЬ ПРАВО, ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ ОТКРЫТИЯ? — ОТВЕТ: ДА

**Об одном удивительном свойстве
юридического мышления**

Ю. М. Батурин

Сформулировать вопрос, вынесенный в заглавие, побудили меня два утверждения, случайно (или неслучайно) всплывшие в памяти почти одновременно. Академик Н. Н. Моисеев не без оснований полагает, что “именно гуманитарные знания помогают ученым-естественникам продуктивно работать” [1]. А по выражению профессора В. С. Нерсисянца, право — это “своеобразный аналог математики в социальной области” [2, с. 53]. Не возникает ли здесь своего рода “исследовательский резонанс”, приводящий к открытиям? Хотя возникший вопрос звучит диковато даже и не в заголовке, ответ на него неочевиден. Но как только мы углубимся в историю науки, выявляется поразительная картина.

Великолепная когорта неизвестных юристов

Гениальный мыслитель XVI века Николай Коперник, выдающийся астроном, изменивший картину мира, был юристом. До нашего времени дошли некоторые его рецепты и рекомендации по вопросам врачевания, свидетельствующие о немалых его достижениях в области медицины. Известен Коперник и как теоретик-экономист, автор “Трактата о чеканке монет”, первого научного введения в политическую экономию раннекапиталистической эпохи, не превзойденное западноевропейскими буржуазными экономистами до XIX века [3]. На одном из научных симпозиумов, посвященных Копернику, был в этой связи поставлен вопрос: что имеется в виду, когда говорят о “карьере Коперника”? Ответ был таков: “Его карьерой была карьера каноника-юриста... Он отправился изучать каноническое право... Затем возвратился и продолжил карьеру каноника, охватив широкое разнообразие областей деятельности, но придавая особое значение каноническому праву” [4, с. 469–470]. Действительно,

Коперник изучал юриспруденцию в двух университетах: сначала в Болонье, на отделении канонического права юридического факультета, а затем в Падуде. В 1503 г. он стал доктором права [5, с. 98, 118–121].

Другой известнейший астроном Тихо Браге — тоже правовед по образованию. Он учился в Лейпцигском университете, славившемся своим юридическим факультетом [6, с. 19–25].

Всемирно известный математик Пьер Ферма окончил юридический факультет Тулузского университета. Успешно занимался адвокатурой, затем перешел на должность советника тулузского парламента. Там он прослужил всю жизнь, занимаясь законоданием и юридической практикой, причем умер всего два дня спустя после судебного процесса, в котором участвовал по делам службы [7, с. 213–214].

Блестящий физик-экспериментатор Отто фон Герике и по образованию, и по роду первоначальной деятельности тоже юрист. Ко времени наиболее значительных своих открытий он стал бургомистром своего родного города Магдебурга [7, с. 216–217].

Как П. Ферма под влиянием матери, в семье которой было много юристов, так и выдающийся физик и астроном Христиан Гюйгенс по воле отца и в силу семейных традиций поступил на юридический факультет Лейденского университета, где в течение четырех лет слушал курс права. Вернувшись к себе в Гаагу, некоторое время посещал палату адвокатов. Через шесть лет стал доктором права и после этого — в отличие от П. Ферма — никогда юриспруденцией не занимался, если не считать одного практического случая, касающегося собственного имения [8, с. 67–68].

Знакомый с Гюйгенсом Пьер Каркави, секретарь Парижской академии наук, тоже юрист и бывший советник парламента в Тулузе, продуктивно занимался там математикой вместе с П. Ферма [8, с. 58].

Уже в наше время стал модным системный подход, который проник и в гуманитарные науки, в том числе и в правоведение. Но мало кто знает, что еще в XVII веке именно юрист Эдуард Вейгель, занимавшийся также математикой, предложил свою концепцию пантологии — трактовки мира как системы, где все имеет свою меру и логику [9, с. 40–41].

У великого Готфрида Вильгельма Лейбница с юриспруденцией связана вся сознательная жизнь. Вспоминая о своем поступлении на юридический факультет Лейпцигского университета, Лейбниц писал, что он тогда бросился в объятия юриспруденции. А в своих автобиографических заметках он рассказывает, что когда осознал в себе призвание к юриспруденции, то забросил все остальное и устремился к этой цели, где его

“ждали более обильные плоды” [9, с. 43].

Степень магистра Лейбниц получает за работу “Примеры философских вопросов из юриспруденции”, а затем, защитив “Юридическую диспутацию об условиях”, стал бакалавром юриспруденции. В “Диспутации об условиях” Лейбниц рассмотрел проблему обратной силы, дав свою трактовку в математическом стиле, *more geometrico*, как тогда выражались, т.е. выделяя исходные предпосылки (аксиомы) и расчлняя изложение в теоремы с доказательствами. Сам он характеризовал эту свою работу как часть юридической диссертации.

Однако в защите докторской диссертации Лейбницу было отказано. Факультет предпочел людей старше по годам и академическому стажу. “Когда я заметил происки моих соперников, — писал Лейбниц в автобиографии, — я переменял решение; меня потянуло путешествовать и изучать математику” [9, с. 52]. Но, чтобы доказать все же свои возможности, он попутно блестяще защищает в Альтдорфском университете (Нюрнберг) докторскую диссертацию “Пример юридической трудности, или диссертация о запутанных случаях”. Университет официально присудил ему степень доктора обоих прав.

К юридическим исследованиям Лейбниц возвращался систематически до последних лет жизни. Он разработал план усовершенствования всей науки права с целью построения “рациональной юриспруденции”. Перечисляя свои научные юридические занятия, Лейбниц упомянул в 1697 г. “продолжение Права светского (*Chartes juris gentium diplomatici*)... Добавьте к этому мои идеи о новом построении основ естественного права, что меня теперь занимает и что я давно обещал сделать: я его изучаю, сравнивая с римскими законами и с обычным правом...” [9, с. 266]. Сохранился экземпляр его “Нового метода обучения и изложения юриспруденции” с авторскими добавлениями и замечаниями, сделанными в течение полувека. Широко известен его “Трактат о посольском праве”.

Не чурался Лейбниц и практической деятельности юриста. В этом ему помогал друг — советник Лейпцигского суда, который часто брал его с собой в суд, давал читать дела и на примерах показывал, как надо составлять решения. В бытность свою в Майнце Лейбниц работал советником по пересмотру свода законов. Сдно время работал он и государственным советником при юридической канцелярии — учреждении, выполнявшем функции министерства финансов, где приходилось заниматься повседневной, рутинной работой.

Петр I принял услуги Лейбница как юриста для упорядочения российских законов. Став на русской службе тайным советником юстиции, Лейбниц за четыре года подготовил докладные

записки и планы, составившие целый том.

В похвальном слове Лейбницу, зачитанном после его смерти в Парижской академии наук, он был назван великим юристом [9, с. 43-44, 47, 52, 56-57, 61, 66, 85, 121, 131, 200-201].

Знаменитый физик Амедео Авогадро не избежал судьбы П. Ферма и Х. Гюйгенса: ему тоже пришлось пойти по стопам отца и дедов — став бакалавром юриспруденции, а через несколько лет и доктором церковного законоведения, он переходит на практическую работу в бюро адвоката по делам бедных, а потом в бюро генерального адвоката. Уже после того, как Авогадро присвоили звание заслуженного профессора высшей физики, его назначили старшим аудитором в палату по контролю за государственными расходами, где на него возложили обязанности финансово-юридического характера [10, с. 9, 19].

Можно привести примеры и из XX столетия. Выдающийся математик Ш. Раманужан начинал в роли клерка с некоторыми правовыми познаниями [11, с. 88-95; 7, с. 193, 217]. Имя американского астронома Э. Хаббла, сотрудника известной обсерватории Маунт Вильсон (США), вошло в учебники. А начинал он как юрист. Окончил вначале Чикагский, а затем Оксфордский университеты, где изучал право [7, с. 188-189].

В этом ярком созвездии великолепных имен начинается проглядывать некая система.

Куда бросать юридические семена

Если и существуют некие чудодейственные семена, связанные с юридическим способом мышления, в любом случае они должны упасть на какую-то почву. Этой общей почвой оказывается предварительный “доюридический” интерес к физико-математическим наукам.

Он может возникать и развиваться самостоятельно, как у Раманужана, под влиянием случайно попадавшихся ему книг по отдельным разделам математики. Или как у Гюйгенса во время своеобразных математических игр с отцом, когда мальчик не только мгновенно решал предложенные ему арифметические задачи, но и давал своеобразные обоснования своих решений. Ему нравилось и выступать репетитором своего старшего брата по математике. Или — как у Авогадро, у которого любовь к физико-математическим наукам зародилась в юношеские годы при посещении в течение некоторого времени школы геометрии и экспериментальной физики под влиянием преподававшего там А. Вассали-Эанди, известного своими работами по электричеству и научной перепиской со своим другом Вольтой [11, с. 88-89; 8, с. 29; 10, с. 9-10, 13].

А Коперник, Тихо Браге и Лейбниц познакомились с мате-

матикой и астрономией на философских факультетах, игравших тогда роль подготовительных для юридического.

Коперник заинтересовался астрономией еще в юности. Подробнее стал изучать эти науки на философском факультете Краковского университета, но учебу не закончил. Тихо Браге прошел тот же путь в Копенгагенском, а Лейбниц — в Лейпцигском университете. Они, правда, подготовительный факультет окончили полностью [5, с. 44-89; 6, с. 12-17; 9, с. 28, 33-34].

Лейбниц увлекался логикой еще в школе. Он был поражен тем, что великое разнообразие различных суждений можно охватить определенным количеством общих форм. Со школьной же скамьи, помимо сведений по элементарной геометрии, был знаком с основами буквенного исчисления.

Уже в зрелом возрасте Лейбниц дал характеристику этим своим первичным, “доюридическим” знаниям — характеристику, которая с некоторыми оговорками может быть распространена на всю нашу “великолепную когорту”: “Я был математиком-самоучкой... Ребенком я изучал элементарную алгебру некоего Ланга, затем алгебру Клавия... Я дерзал приняться за более глубокие труды, как “Геометрия” Кавальери и “Основы учения о кривых” Леоно... Я хотел плавать самостоятельно, без учителя. В этом высокомерном математическом невежестве (подчеркнуто мною. — Ю. Б.) я уделял внимание только истории и праву, видел в их изучении свою цель. Однако математика была для меня более приятным развлечением”.*

Условие *sine qua non*

К тому, как юридическое образование “оплодотворяет” эту почву, мы вернемся позднее. А пока обратим внимание на непеременимое условие, которое выполняется для всех без исключения юристов, сделавших открытия в математике, физике, астрономии. Речь идет о систематическом, тщательном изучении этих наук после приобретения познаний и практического опыта в области права.

Тихо Браге отправляется для этого в Виттенберг, в университете которого были даже две кафедры математики. Там работали последователи Коперника, и Тихо оказался близко к первоисточникам нового астрономического учения. После этого он прошел подготовку в Базельском университете.

Наставником Гюйгенса стал Марен Мерсен, игравший своеобразную роль в научной жизни первой половины XVII века. Соученику Декарта, одному из верных последователей Галилея — ему принадлежит первое более или менее точное определение

* Цит. по: Погребыский И.Б., [9, с. 213].

скорости звука. Благодаря своей обширной переписке, он стал центром, к которому стекались все данные о новых работах по точным наукам. Мерсен и организовал научный кружок, из которого позже выросла Парижская Академия наук. Без сомнения Гюйгенсу повезло, что именно такой человек ориентировал его среди наиболее актуальных проблем.

Раманужана "открыл" известный английский математик Г Харди, которому он выслал на суд свои работы, до того уже отклоненные двумя крупными английскими же математиками. Раманужан первоначально постигал математику сам. Фактически он не имел никакого представления о точности современного научного вывода, более того, по-видимому, вообще не понимал, что такое математическое доказательство. По-настоящему математике его обучил Харди, пригласивший его в Кембридж, в знаменитый Тринити-колледж.

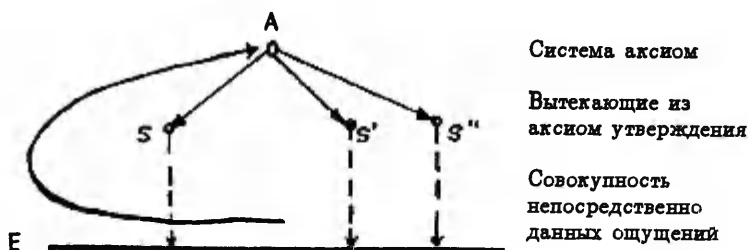
Авогадро настойчиво изучал математику и физику самостоятельно. Уже ближе к тридцати годам он отдал физике все свое время.

Лейбниц, следуя советам Гюйгенса, с исключительной энергией берется за изучение математики. "Гюйгенс, — писал он, — который, как я предполагаю, считал меня более способным, чем я был на самом деле, дал мне экземпляр только что изданного "Маятника". Для меня это было началом или поводом для более глубоких математических занятий" [19, с. 217, 92–98]. Теперь он уже не листает математические произведения, как романы (его собственное выражение), чтобы поскорее узнать результат. Нет, он теперь штудировать все подряд, стремясь разобраться в методах, продумывая доказательства. Примерно за три года, начав с "высокомерного математического невежества", он дошел до овладения всей современной ему математической наукой.

От "юрисдикции мысли" к двойному экстралогическому прыжку

Каковы же всходы от юридического образования, посеянного на почву поверхностного увлечения точными науками и удобренного систематическим их изучением? Иначе говоря, каковы особенности научного мышления, полученные в результате такого синтеза?

К модели научного мышления во многих своих работах обращается Альберт Эйнштейн. Наиболее сжатое и четкое изложение его модели можно найти в письме, которое Эйнштейн написал своему другу Морису Соловину в 1952 г. [12, с. 570]. Своё объяснение Эйнштейн начинает так: "Суть дела схематически мне представляется таким образом", и затем следует рисунок, отличающийся большой наглядностью, ценностью и простотой.

На схеме представлен циклический процесс, и Эйнштейн начинает обсуждение с определения этапа, на котором процесс должен как начинаться, так и заканчиваться:

“1. Нам даны *E* — непосредственные данные нашего чувственного опыта”.

Это относится к проходящей внизу рисунка горизонтальной линии, обозначенной буквой *E* (*Erlebnisse*). Для юристов *E* суть социальные отношения, а для физиков — набор эмпирических данных об изучаемых явлениях и процессах, а также существующие теоретические представления в данной области [13, с. 6]. Линия, обозначенная буквой *E*, содержит некоторую неопределенность. Ее лучше всего представить в виде бесконечной плоскости, на которой располагаются различные данные чувственного опыта или наблюдения, к которым необходимо привлечь наше внимание, нечто вроде множества отдельных точек. Эти точки, по выражению Дж. Холтона, “составляют некую обескураживающую вселенную элементов” [14, с. 124].

Далее на схеме мы видим дугу со стрелкой на конце, которая, поднимаясь над областью хаотических данных наблюдения, упирается в самый верх чертежа. Она символизирует тот факт, что при определенных обстоятельствах можно решиться на смелый скачок к кружку, который “рождается из стреловидной дуги, как вспышки света в конце траектории снаряда” [14, с. 125].

В объяснении Эйнштейн пишет:

“2) *A* — это аксиомы, из которых мы выводим заключения. Психологически *A* основаны на *E*. Но никакого логического пути, ведущего от *E* к *A*, не существует. Существует лишь интуитивная (психологическая) связь, от которой всегда нужно быть готовым отказаться”.

Для физиков *A* — это модель или теория изучаемого класса процессов и явлений. Аналогично и “аксиоматические правовые положения возникают не из априорных абстрактных представлений, а отражают социальные отношения, существующие как пра-

вовые" [15, с. 29].

Великие математики заранее, еще до того, как им удалось найти логическое доказательство, знали, что какая-то теорема верна, и иногда ограничивались всего лишь беглым наброском доказательства. Более того, Ферма в своей обширной классической работе по теории чисел не привел даже набросков доказательств.

Вернемся к письму Эйнштейна Соловину. Он продолжает свое объяснение схемы:

"3) Из аксиом А логически выводятся частные утверждения, которые могут претендовать на то, чтобы быть правильными".

Это высказывание направляет наше внимание к той части схемы, где присутствует точное аналитическое мышление и где научное воображение действительно нуждается в логическом пути. Каковы здесь особенности юридического мышления? "Специфика суда (судоговорения, судебной оценки, квалификации, решения) состоит, в частности, в формализации фактического, в придании фактам формального значения под углом зрения подразумеваемого или осознаваемого образца или правила, нормы, искомого правильного и императивного решения, — пишет В. С. Нерсисянц. — По необходимости формализованная процедура судебного рассмотрения и решения дела есть по сути своей формальный, нормативный взгляд на фактические отношения, подход к ним и их оценка с точки зрения их соответствия или отклонения от надлежащей единообразной и образцовой формы (нормы, правила)" [2, с. 14]. Здесь предельно четко охарактеризован путь юридического мышления от Е к А и от А к S. Таким образом, как бы возникает "резонанс": юридичность мышления усиливает математичность мышления.

По-видимому, этим можно объяснить панлогизм Лейбница (логика наших рассуждений охватывает все в мире) и его панматематизм (в силу организованности и соразмерности мира он поддается описанию с помощью математики). Конечно, большую роль сыграл и рационализм — одна из существенных черт XVII века. Рационалисты образцом всякой науки считали геометрию. Отсюда — стремление к геометрическому способу изложения не только в точных науках, но и в этике, философии, праве. Так, Гуго Гроций часто употреблял механические аналогии. Чисто геометрические методы больше соответствовали и мышлению Гюйгенса, что ясно выражено во всех его работах зрелого периода.

Возвращаясь к особенностям "логического пути", вспомним, что именно Лейбниц предложил метод, который назвал анализом: в каждом понятии надо искать составляющие его части, эти частичные понятия снова подвергнуть дроблению и т. д., пока

не дойдем до понятий настолько простых, что постигнем их не с помощью определения, а по аналогии. Создание анализа бесконечно малых, который сделал полноправной дифференциальную геометрию, позволило механике обрести язык, которого ей не хватало.

К этому же методу шел и Гюйгенс. Чтобы выявить механизм распространения света, необходимо было рассмотреть действие, производимое кратковременным сигналом, излученным изолированной точкой O и дошедшим до произвольной точки A за время распространения сигнала от O до A . Гениальная идея Гюйгенса состояла в замене начального возмущения совокупностью промежуточных возмущений. Исходным пунктом его рассуждений можно считать положение о том, что явления, вызванные в среде в момент $t = 0$, действуют на ее состояние в момент t_1 через эффекты, вызванные ими в каждый из промежуточных моментов t ; чтобы получить состояние в момент t_1 , нужно сначала по начальному возмущению вычислить состояние при t , а из последнего уже рассчитать искомое. Здесь мы встречаемся с одним из проявлений идеи близкодействия, столь характерной для гюйгенсовской картины мира. Интересной особенностью первых его работ является применение формул в физике. Обозначения физических величин буквами встречаются еще у Аристотеля, но формулы первым применил, очевидно, Гюйгенс [8, с. 271, 55].

Чисто формальным был и огромный талант Раманужана. Он жил "в мире формул", — пишет Дж. Литлвуд [11, с. 89].

Для логического пути очень важен язык. Авогадро в одной из своих статей писал: "Я имел многократную возможность убедиться в недостаточности современного языка химии... Я пришел к некоторым идеям относительно пути, по которому можно было бы следовать, чтобы прийти к единой и рациональной номенклатуре объектов этой науки" [10, с. 135–136]. Лейбниц вспоминал: "Меня приводили в восторг так называемые предикаты*: они давали мне в руки как бы именной список всех вещей в мире, и я рылся во всевозможных логиках, ища, где лучше всего и полнее всего изложен такой всеобщий реестр" [9, с. 29].

Может быть, всем им помогало в этом юридическое мышление? Во всяком случае, в "Диспутации об условиях" Лейбниц восхищался тем, сколько ума и проницательности показали римские юристы, давая правовые определения, и указывал, что их объяснения можно изложить в форме вполне незыблемых, почти математических доказательств.

Продолжая свои рассуждения в письме Соловину, Эйнштейн приходит к четвертому и последнему этапу, возвращающему нас

---

* Лат. термин, соответствующий греч. "категории" (прим. Ю.Б.).

“4) S сопоставляются с E (проверка опытом). Эта процедура, строго говоря, также относится к внелогической (интуитивной) сфере, ибо отношение понятий, содержащихся в S, к непосредственным данным чувственного опыта E по своей природе не является логическим”.

Возможно, именно поэтому Эйнштейн и нарисовал пунктиром стрелки, исходящие от S, S' ... Если до сих пор юридическое мышление помогало математическому, то при переходе через S, S' и т. д. возникает трудность — психологический барьер профессионально-юридического настроя мышления. “Профессиональная установка и опыт вырабатывают ... навыки принятия однозначных решений, применения юридических формул, допускающих лишь буквальное толкование, — говорит А. М. Васильев. — Диалектика же требует оперирования живыми, подвижными, текучими понятиями, определение которых устойчиво только в пределах установленной связи и только на данный момент, учета их противоположностей, переходов и совпадений, отражающих реальный аналог во всем многообразии многосторонних связей, движения и развития” [16, с. 264]. (По Холтону — “обескураживающая вселенная элементов”).

Юристу совершить переход через этот психологический барьер помогает физико-математическое мышление. В 1689 году Лейбниц писал, что, когда он признавал по отношению к материальным предметам только *jurisdictio imaginationis* [9, с. 277] (буквально — “законодательство воображения”), он не видел в движении ничего, кроме изменения места. Критикуя свое собственное следование “юрисдикции мысли”, Лейбниц отказался от узкорационалистического подхода. Результатом такого изменения в мышлении было уже введение Лейбницем понятия “живая сила” (*vis viva*) — меры кинетической энергии в ее механической форме. Гюйгенс тоже, пройдя определенный этап развития, от оптики чисто геометрической решительно перешел к оптике физической, пытаясь разгадать тайну природы света и цвета.

Обратимся к научному методу Коперника. Исследователи выделяют такие его ступени:

- (1) рассмотрение явлений окружающего мира в их взаимосвязи и взаимообусловленности, а не изолированно друг от друга;
- (2) выделение основного и наиболее существенного в явлении с тем, чтобы, отстраиваясь от этого существенного, объяснить и несущественные особенности данного явления;
- (3) практическая проверка полученных теоретических выводов [5, с. 270].

Видно полное совпадение со схемой Эйнштейна. Не удиви-

тельно и то, что теория Коперника поначалу получила поддержку лишь у математиков. Действительно, только математики были убеждены в том, что Вселенная построена на простых математических принципах, только у математиков хватало интеллектуальной смелости, чтобы преступить через широко распространенные философские, религиозные и научные контраргументы, смело взглянуть с S на E и по достоинству оценить математические преимущества новой революционной астрономии. "Нужно было обладать непоколебимой уверенностью в значимости математических принципов, чтобы отстаивать новую теорию перед лицом 'самой сильнейшей оппозиции'" [17, с. 52].

Итак, чтобы замкнуть цикл $E \rightarrow A \rightarrow S \rightarrow E$, необходимо совершить два экстралогических скачка: от E к A и от S к E . Но, пишет Эйнштейн, "отношение между S и E (с прагматической точки зрения) гораздо менее ненадежно, чем отношение A к E ".

Более простой прыжок от S к E состоит в том, что утверждения S сопоставляются с E . Но даже внешняя простота этой идеи не может скрыть сложностей, заключенных в ее содержании. Мы стоим теперь на последнем, центральном этапе схемы и смотрим вниз. С позиций имеющихся предсказаний и выводов ($S, S' \dots$) данной схемы, которая частично является гипотетической конструкцией, а частично выведена по дедукции, мы пытаемся выяснить, существуют ли соответствующие наблюдения в действительности на плоскости восприятий E [14, с. 134-137]. Если таковые имеются, мы можем аргументировать свои предсказания. "Определение весомости аргументов в теоретических вещах остается все же делом интуиции" [12, с. 561]. Юристу, привыкшему действовать в соответствии с законом и по внутреннему убеждению, аргументация перехода от S к E дается легче, чем представителям других специальностей.

Теперь обратимся к более сложному экстралогическому прыжку от E к A . Подобно тому, как в принципе имеется бесконечное множество точек на уровне E внизу схемы, так и наверху ее в принципе существует бесконечное множество возможных аксиом или систем аксиом. И выбор, который тот или иной ученый делает из всех имеющихся возможностей, не может быть всецело произвольным, так как это привело бы его к необходимости вести бесконечно долгий поиск. Как же в действительности он делает свой выбор?

Это действительно основной вопрос. Выдающийся математик А. Пуанкаре подтверждает: "Творить — это уметь распознавать, уметь выбирать... Изобретение — это выбор; впрочем, это слово, может быть, подобрано не совсем точно, — здесь приходится в голову сравнение с покупателем, которому предлагают большое количество образцов товаров, и он исследует их один за

другим, чтобы сделать свой выбор. В математике образцы столь многочисленны, что всей жизни не хватит, чтобы их исследовать. Выбор происходит не таким образом. Бесплодные комбинации тоже не придут в голову изобретателю. В поле зрения его сознания попадают лишь действительно полезные комбинации и некоторые другие, имеющие признаки полезных, которые он затем отбросит" [18, с. 138].

Итак, чтобы изобретать, чтобы делать открытия — надо выбирать. Этот замечательный вывод покажется нам тем более удивительным, если мы сравним его с тем, что пишет Поль Валери: "Для того, чтобы изобретать, надо быть в двух лицах. Один образует сочетания, другой выбирает то, что соответствует его желанию и что он считает важным из того, что произвел первый. То, что называют "гением", является не столько заслугой того, кто комбинирует, сколько характеризует способность второго оценивать только что произведенную продукцию и использовать ее" [18, с. 32]. Видно, что мнения математика и поэта не только совпадают между собой, но и согласуются со схемой Эйнштейна.

Известно, что число потенциальных вариантов перебора сокращают правила, обозначаемые термином "эвристики" [19, с. 156–157, 529]. Эвристики являются интуитивно оправданными процедурами. Математик Д. Пойа, признанный авторитет в области изучения математического творчества, полагает что именно эвристики заключают приемы, с помощью которых делаются открытия [20, с. 132]. Он называет их правдоподобными рассуждениями. Правдоподобные рассуждения, сокращающие число потенциальных вариантов перебора, являются не "строгими" рассуждениями [21, с. 48].

Размышляя о возможности программирования процесса применения норм права, что для ЭВМ требует перебора всех вариантов решения, В. Н. Кудрявцев замечает: "Логическое рассуждение опытного юриста даже в трудных случаях содержит обычно два — три, максимум — четыре предложения... и никаких десятков или сотен возможных решений он не проверяет" [22, с. 71]. Почему? В. Н. Кудрявцев выдвинул предположение о существовании у юристов некоторых эвристических приемов и подтвердил это экспериментально [22, с. 69–84].

Но коль скоро существуют такие юридические эвристики, они, очевидно, были свойственны и юристам прошлого. В самом деле, Лейбниц думал о применении своеобразной вероятностной логики в юриспруденции. Соображения вероятностного характера он применял уже в "Диспутации об условиях". Разбирая исследование Гюйгенса "О расчетах при азартной игре", Лейбниц утвердился в своем мнении, что нужен новый вид логики,

которую и использовал в "Рассуждениях о метафизике". Это была своеобразная эвристика, стимулированная не столько Гюйгенсом сколько юридической подготовкой (впрочем, у Гюйгенса, видимо, тоже). Характерно замечание Лейбница о том, что чрезмерная скрупулезность не должна отвращать нас от плодов нового открытия [17, с. 162].

Интересна оценка Д. И. Менделеевым работ Авогадро: "Во всем этом есть еще много не вполне точного...", но это "отнюдь не говорит о неверности его суждений" [10, с. 131].

То же можно сказать и о Раманужане. В своей рецензии на его работы Дж. Литлвуд пишет: "Он не располагал строгими доказательствами своих операций. Он не интересовался строгостью... Если существенное, хотя бы и небольшое, рассуждение в сочетании с эмпирическими данными и интуитивными догадками давало ему субъективную уверенность в правильности результата, то больше он ничем не интересовался" [11, с. 92].

Конечно, юридические эвристики отнюдь не гарантируют одинаковость пути. В качестве иллюстрации рассмотрим прыжок $E \rightarrow A$, который совершили поочередно двое из наших известных юристов — П. Ферма и Х. Гюйгенс.

Ферма, опираясь на весьма скудные экспериментальные данные, сформулировал ($E \rightarrow A$) принцип наименьшего времени: свет, идущий из одной точки в другую, распространяется по такому пути, на преодоление которого уходит наименьшее время. Очевидно, что таким образом сотворил свет господь бог, — рассуждал Ферма, — наделив его способностью не только неуоснительно следовать математическим законам, но и распространяться по пути, требующему минимальных затрат времени. Ферма окончательно уверовал в правильность своего принципа (A), когда ему удалось вывести из него ($A \rightarrow S$) минимальных затрат времени. Ферма окончательно уверовал в правильность своего принципа (A), когда ему удалось вывести из него ($A \rightarrow S$) закон преломления света (S), открытый (E) ранее Снеллиусом и Декартом.

Гюйгенсу доказательство Ферма не понравилось, во всяком случае он не считал его надежным из-за необоснованности исходного принципа (A). Ведь в подтверждение ($E \rightarrow A$) Ферма приводил только установленную богом целесообразность. Это побудило Гюйгенса искать другие исходные положения (E), физический смысл которых был бы виден отчетливее ($E \rightarrow A$). Его размышления привели в результате к знаменитому принципу Гюйгенса и вообще к волновой теории света (A).

В подтверждение того, что именно юридические эвристики облегчают творческий процесс по схеме Эйнштейна, сошлемся

на "Диспутацию о запутанных случаях" Лейбница. Запутанным случаем (S) Лейбниц считает не тот, в применении к которому не "срабатывают" или оказываются противоречивыми юридические нормы. Запутан тот случай, который по сути несет в себе противоречие — и тогда мы оказываемся перед такой же проблемой, как и в случае неразрешимости алгебраического уравнения. Но решение надо искать, оно существует, ибо, — утверждает Лейбниц, — всякое право целиком вытекает из событий, из фактов ($E \rightarrow A$), каждый юридический казус представляет собой не просто случай, а упорядоченное сочетание события и права, и надо найти в самом казусе соответствующее право, т.е. не подчинять его известным юридическим нормам ($A \rightarrow S$), а вывести из него самого соответствующую юридическую норму ($S \rightarrow E \rightarrow A \rightarrow S$). Интересно, что эта работа напечатана в изданном в наше время сборнике "Тексты к истории юридической мысли" [23].

Итак, мы можем, наконец, выделить "триаду оплодотворения":

- 1) "юрисдикция мысли" ($A \rightarrow S$);
- 2) опыт юридической аргументации ($S \rightarrow E$);
- 3) эффективные юридические эвристики ($E \rightarrow A$).

Возникает вопрос: разве монополия на элементы этой триады принадлежит юристам? Конечно, нет.

Точность языка свойственна, например, лингвистам (разумеется, у них несколько иное "законодательство воображения"). И пожалуйста — лингвист Ч. Таунс за разработку лазеров получил одновременно с советскими физиками Н. Басовым и А. Прохоровым Нобелевскую премию.

Своя система аргументации имеется у литераторов, филологов. И они тоже не остались в стороне от математики и физики. Среди них: Д. Пристли — один из первооткрывателей кислорода; знаменитый математик Л. Эйлер; еще один математик Г. Грасман, проводивший первое систематическое исследование о многомерном евклидовом пространстве, что способствовало развитию векторного и тензорного исчисления; один из лидеров в разработке квантовой теории Л. де Бройль. Наконец, знаменитый русский ученый первой половины XIX века В. Струве. Окончив Дерптский (ныне Тартуский) университет по специальности филология, он начал заниматься астрономией и математикой, защитил диссертацию, стал профессором университета, а затем — директором Дерптской обсерватории. Здесь он прославился обширными исследованиями двойных звезд.

Эффективные эвристики есть у медиков. Сравним их с юристами. При изучении обстоятельств дела особое внимание уделяется вопросу о юридическом значении фактов, ставших пред-

жетом рассмотрения, ибо только к отношениям, регулируемым правом, применяются юридические нормы. Поэтому важно не только выявить все обстоятельства, но и признать их юридически значимыми. "Решение такой правовой задачи напоминает постановку медицинского диагноза", — проводит аналогию В. Н. Кудрявцев [24, с. 21]. Если эта аналогия достаточно тесная, мы вправе ожидать значительное количество медиков среди выдающихся математиков и физиков. Действительно, двое из пяти ученых, открывших порознь закон сохранения и превращения вещества и энергии — Г. Гельмгольц и Р. Майер, вошедшие в историю науки как физики, внесшие большой вклад в развитие этой науки, были профессиональными врачами. Другой медик В. Ольберс разработал метод вычисления орбит комет, то есть провел сугубо теоретическое исследование и, опираясь на него, сделал выдающееся открытие: обнаружил астероиды. Один из создателей кибернетики У. Эшби, тоже врач по профессии, полжизни проработавший в психиатрической больнице, овладел математикой, теорией информации и получил выдающиеся результаты в кибернетике [7, с. 177–196].

Однако только у юристов имеются все три элемента "триады" в совокупности. Но значит ли это, что "триада оплодотворения" помогает всегда и везде? Нет, такой вывод был бы несомнительным. Ее элементы могут мешать даже в юридических делах. "Путь рассуждений, основанный на эвристике, — пишет В. Н. Кудрявцев, — зависит в большой степени от случайностей, связанных с эмоциями, неверными подсказками, отдельными деталями фабулы дела и другими привходящими обстоятельствами, которые при строгом подходе не должны влиять на решение юридических вопросов" [22, с. 83].

Поучительна с этой точки зрения ошибка Лейбница. Она не случайна и связана именно с нестрогими "правдоподобными" рассуждениями. Когда в своем арифметическом устройстве ему удалось реализовать дополнительно к сложению и умножению еще и вычитание с делением, нарезка валиков оказалась неудачной. Возможными стали, например, такие результаты, как $99\,999\,999 + 1 = 99\,999\,900$. Если бы Лейбниц геометрически точно проанализировал кинематику своего арифметического устройства и выполнил бы чертежи с соблюдением масштаба, он должен был бы убедиться в необходимости изменить нарезку валиков, сделав ее примерно вдвое меньше. Но однозначный язык техники — точный чертеж, с помощью четких геометрических построений которого практически воплощаются физикоматематические расчеты, был Лейбницу чужд [9, с. 308–309]. Пробыться с помощью "триады оплодотворения" в инженерную область невозможно.

Впрочем, для науки вполне достаточно того, что это удивительное свойство юридического мышления помогло большому числу первостепенных и даже выдающихся открытий в математике, физике, астрономии.

Всходы

Попробуем лишь беглыми штрихами обрисовать те всходы, что вззошли на оплодотворенной “юридической триадой” почве.

Коперник для развития своей астрономической теории по необходимости должен был овладеть всеми известными к тому времени методами математического исследования. Но уровень развития математических знаний в Европе того времени был относительно низким. Ощущая это, он вынужден был самостоятельно заняться совершенствованием математических методов, имеющих важное применение в астрономических исследованиях. Учение Коперника вообще оказалось мощным стимулятором для создания принципиально новых математических методов. Но самую главную заслугу Коперника очень точно сформулировал Ф. Энгельс: “Революционным актом, которым исследование природы заявило о своей независимости... было издание бессмертного творения, в котором Коперник бросил... вызов церковному авторитету в вопросах природы. Отсюда начинается свое летоисчисление освобождение естествознания от теологии...” [25, с. 347].

Тихо Браге выполнил огромную по объему и важную по содержанию подготовительную работу по накоплению в течение длительного времени точных и систематических данных астрономических наблюдений, глубокий анализ и обобщение которых позволили его помощнику и ученику Кеплеру открыть закономерности, подтверждавшие и развивавшие коперниканское гелиоцентрическое учение. Тихо фактически создал и новую науку — кометологию, доказав, что кометы совершают свой путь далеко за пределами Земли, за Луной. Это его открытие было чрезвычайно важно не только с чисто астрономической, но и с философской точки зрения, ибо представляло собой ощутимый удар по космологическому учению Аристотеля, согласно которому кометы суть огненные феномены в подлунных областях (т.е. в верхних слоях атмосферы, говоря современным языком). Большой вклад был сделан Тихо в столь сложную и трудную область астрономической науки, как теория движения Луны. Даже после изобретения телескопа и использования его в астрономических наблюдениях Тихо в лунной теории “не оставил работы” астрономам последующих поколений, вплоть до открытия Ньютоном закона всемирного тяготения. Тихо Браге исследовал также явление рефракции в атмосфере и ее влияние на видимое положение светил на небе, а затем составил таблицы рефракции света

в земной атмосфере.

Гюйгенс, опираясь на систему Коперника, вывел самое точное в XVII веке значение величины солнечного параллакса. Он не пытался непосредственно измерить его, а вывел, исходя из вероятных размеров Земли, как одной из планет. Многочисленны достижения Гюйгенса в физике. Существен его вклад и в математику. Так, изучая вероятностные процессы, он первым ввел в явном виде понятие математического ожидания.

Герике, блестящий физик-экспериментатор, прославился тем, что показал существование атмосферного давления. Исследование воздуха вообще было его любимым занятием. Он выявил многие, дотоле неизвестные его свойства: упругость, способность поддерживать горение, постоянное наличие в нем воды, то, что воздух имеет вес, является проводником звука и т.д. Изобрел воздушный насос, идея которого впоследствии нашла свое развитие в воздушных тормозах, используемых на железных дорогах. Он же сделал первый в истории науки водяной барометр, с помощью которого ему удалось предсказать бурю за два часа до ее начала.

Авогадро, наверное, был одним из первых физиков-теоретиков своего века. Экспериментальные его работы все же уступают теоретическим исследованиям. Обессмертила его имя гипотеза о "конституции" газов, которую сегодня знает каждый школьник: "В равных объемах различных газов при одинаковых условиях содержится одинаковое число молекул". Сейчас гипотеза Авогадро уже не гипотеза, она давно получила экспериментальное подтверждение, вошла как фундаментальная часть в современную молекулярную теорию.

Великого Лейбница, основателя и первого президента Берлинской академии наук считают, и не без оснований, основоположником математической логики, хотя, конечно, он имел предшественников. Но заслуга Лейбница не только в том, что он математизировал логику, но и в том, что он логизировал математику. Ему принадлежит заслуга введения двоичного кода записи чисел и разработки понятия алгоритма, что наряду с изобретением первой счетной машины позволяет считать его "дедушкой" современных ЭВМ. Лейбниц пришел также к уточнению такого важного научного понятия, как функция (функциональная зависимость). Общее представление о зависимости одних величин от других — одно из самых давних в науке, но долгое время оно оставалось в достаточной мере неопределенным. Сам термин "функция" принадлежит Лейбницу и выражает более высокую общность и абстрактность математических представлений. Но, конечно, его главный результат — создание дифференциального и интегрального исчисления.

Ферма, кроме участия в первом этапе построения исчисления бесконечно малых и даже в создании теории вероятностей, активно занимался вопросами теории чисел. Многим, даже и не математикам, известно о существовании “великой теоремы Ферма”. Впрочем, есть и “малая теорема Ферма”, которая, несмотря на такое название, является одной из основных в теории чисел.

Раманужан открыл новые перспективные возможности в теории чисел — теории, которой в течение тысячелетий занимались многие великие математики. “Вряд ли существует область формул, за исключением формул классической теории чисел, которую бы он не обогатил и в которой он не открыл бы новые, совершенно не подозревавшиеся ранее возможности. Красота его результатов, единственных в своем роде, совершенно поразительна. Не являются ли они даже более необычными, чем специально подобранная коллекция уникалов? — спрашивает Дж. Литлвуд. — Мораль, по-видимому, такова, что наша фантазия недостаточна” [11, с. 91].

О роли П. Каркави в Парижской академии наук, о пантологии Э. Вейгеля, о “красном смещении” Э. Хаббла уже говорилось выше.

И все это сделали в науке “неизвестные юристы”!

* * *

Теперь, если от лаконичного ответа в заголовке этой статьи на “дикий” вопрос перейти к ответу более развернутому, можно сказать так. Не столько юристов надо обучать правовой кибернетике, которую они в большинстве своем считают ахинеей, никогда им не понадобится, сколько на физико-математических и других естественных факультетах ввести факультативное преподавание истории, теории и философии права, а также некоторых юридических спецкурсов. Те, кто заинтересуется правом серьезно, могут стать хорошими специалистами по правовой кибернетике и правовой информатике. Но это лишь побочный результат. Если хотя бы единицы по-настоящему впитают в себя “триаду оплодотворения” и будут продолжать свою работу в математике и физике, результаты окупят все!

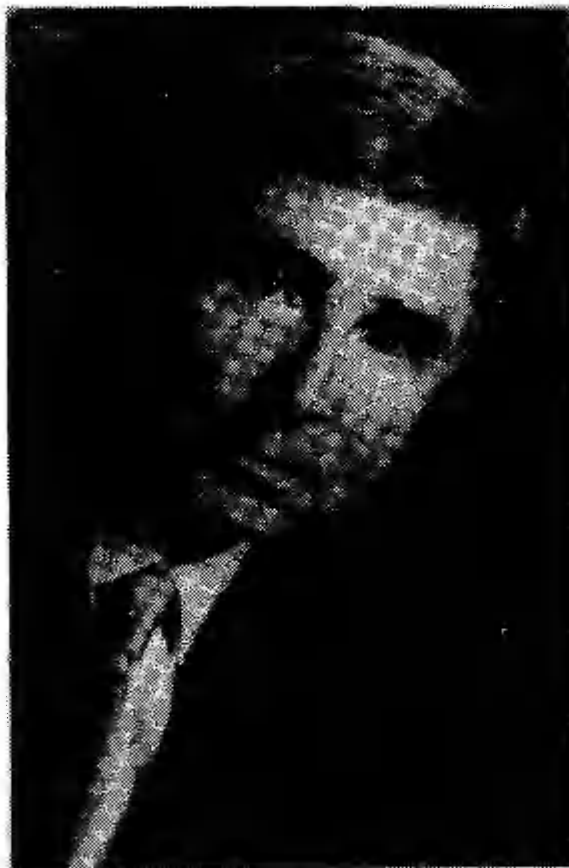
Л и т е р а т у р а

1. Моисеев Н. К высотам раскованной мысли // Советская культура. — 1987. — 1 сентября.
2. Нерсесянц В. С. Право в системе социальной регуляции. — М., 1986.

3. Герасименко М. П. Николай Коперник — выдающийся экономист эпохи раннего капитализма. — Киев, 1953.
4. The Nature of Scientific Discovery: A Symposium Commemorating the 500th Anniversary of the Birth of Nicolaus Copernicus. — Washington, 1975.
5. Веселовский И. Н., Белый Ю. А. Николай Коперник. — М., 1974.
6. Белый Ю. А. Тихо Браге. — М., 1982.
7. Сухотин А. Парадоксы науки. — М., 1978.
8. Франкфурт У. И., Френк А. М. Христиан Гюйгенс. — М., 1962.
9. Погребынский И. Б. Готфрид Вильгельм Лейбниц. — М., 1971.
10. Быков Г. В. Амедео Авогадро. — М., 1970.
11. Рецензия на Собрание сочинений Раманужана // Литлвуд Дж. Математическая смесь. — М., 1973.
12. Эйнштейн А. Собр. науч. трудов: В 4-х т. — М., 1967. — Т. 4.
13. Петров Б. Н. и др. Информационные аспекты качественной теории динамических систем // Итоги науки и техники. — М., 1976.
14. Холтон Дж. Тематический анализ науки. — М., 1981.
15. Манов Г. Н. Аксиомы в советской теории права // Советское государство и право. — 1986. — № 9.
16. Васильев А. М. Правовые категории. — М., 1976.
17. Клайн М. Математика. Утрата определенности. — М., 1984.
18. Пуанкаре А. Математическое творчество // Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. — М., 1970.
19. Ньюэлл А., Шоу Дж., Сайман Г. Процессы творческого мышления // Психология мышления. — М., 1965.
20. Polya S. How to solve It. — Princeton, 1954.
21. Шапиро С. И. От алгоритмов — к суждениям. — М., 1973.
22. Кудрявцев В. Н. Эвристические приемы при квалификации преступлений // Правовая кибернетика. — М., 1970.
23. Ascarelli Giannotta. Testi per la storia del pensiero giuridico. — Milano, 1960.
24. Кудрявцев В. Н. Кибернетика и решение правовых задач // Кибернетика и право. — М., 1970.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 20.

ИЛЬМАР ТАММЕЛО (1917--1982)

П. М. Ярвеляйд

Ильмар Таммело (1917--1982)

Вместо предисловия

Воспитанник юридического факультета Тартуского университета, почетный доктор Болонского университета, иностранный член Академии наук Финляндии Ильмар Таммело, несомненно, относится к тем сыновьям нашего народа, которые несмотря на тяготы внешних условий — а впрочем, как знать, быть может, именно вопреки им, лавируя против ветра, — стали всемирно известными учеными. Рецепция творчества Ильмара Таммело (вернее, ее отсутствие) в Эстонии и все, что с этим связано, столь характерно для нашего недавнего прошлого, что, может случиться, и этот конкретный пример поможет будущим поколениям воссоздать нашу нынешнюю эпоху лучше, чем какой-либо более поздний обзорный труд. История обнаруживает одну общую черту с изобразительным искусством: время смягчает краски. Уже сегодня пишущему эти строки не хочется даже самому себе признаться в том, что еще в середине 1980-х годов можно было завершить изучение юриспруденции в университете, так ни слова и не услышав о таком философе права, как Ильмар Таммело. Первой книгой, ставшей попыткой нарушить заговор молчания вокруг этого ученого и открывшая нашему поколению его имя, был составленный Артуром Кауфманом (Arthur Kaufmann) и Винфридом Хассемером (Winfried Hassemer) труд "Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart" ("Введение в современную философию права и теорию права" (Heidelberg-Karlsruhe, 1977), который в начале 1980-х годов наша университетская библиотека получила из Хельсинки в порядке обмена. Знакомство с этой книгой явилось для нас на редкость радостным открытием, но в то же время оно повергло в шок, который, образно говоря, напоминал отчаяние маленького колокольного мастера в фильме Андрея Тарковского "Андрей Рублев". Вспомним: отец юноши унес с собой в могилу тайну литья колоколов. Нас же старшее поколение лишило той памяти и той мудрости, которые испокон веков передавались из поколения в поколение. В фильме юноша пройдя через боль, отчаяние и страх, постиг вожделенную тайну; мы же, страдая, поняли, что наши поиски еще впереди...

Ильмар Таммело никогда не входил в число тех, кого по той или иной причине поминали в Эстонии недобрым словом. Поначалу над его именем тяготел рок умолчания. Теперь же мы можем без преувеличения сказать, что Ильмару Таммело в эстонской правовой культуре принадлежит исключительное место, ибо именно ему оказалось по силам создать свою научную школу в области, являющейся самой интернациональной среди всех правовых дисциплин, — в философии права, в которой со-

знание подобных школ особенно сложно. Коллега Ильмара Таммело профессор Зальцбургского университета Хельмут Шрейнер (Helmuth Schreiner), стремясь наиболее точно охарактеризовать его, остановил свой выбор на образе вечного странника. Это очень метко характеризует И. Таммело, ибо он не только посещал и изучал все континенты, но и всюду занимался научной работой. Эти постоянные странствия как в прямом, так и в переносном смысле подрывали доверие И. Таммело к любым системам — как философским, так и правовым [5, с. 5]. Он находился в постоянном поиске своего пути.

Детство и школьные годы, или от Нарвы до Тарту

23 февраля 1917 года было важным днем в жизни Нарвского школьного учителя Рихарда-Фридриха Эйхельмана (Richard-Friedrich Eichehnann)* и его жены Йоханны Эйхельман (Johanna Eichehnann) (урожд. Треуфельдт). На свет появился второй сын, которого нарекли Ильмаром. По воспоминаниям близких, это произошло дома. Школа — в настоящее время она разрушена — находилась вблизи Александровской церкви, ее окна выходили на мост, ведущий из Нарвы в Ивангород.

Друг и коллега Ильмара Таммело, профессор Зальцбургского университета Хейнрих Стракош (Heinrich Strakosch), знавший его характер и постигшую его судьбу, назвал И. Таммело “детischem нашего века” [6, с. 3]. И хотя Стракош никак не обосновывал данной им характеристики, мы не можем с ним не согласиться. Более того, мы можем добавить, что если это так, то символическим был не только год его рождения, но и место. Крупные потрясения XX века оказали непосредственное и весьма болезненное влияние не только на судьбу Ильмара Таммело, но и на будущее его родного города.

Отец Ильмара имел все основания надеяться на то, что жизнь его сыновей будет легче его собственной. Бывший рабочий фабрики “Кренгольмская мануфактура”, он экстерном сдал экзамены и стал школьным учителем; благодаря своей предприимчивости сумел ко времени рождения младшего сына обеспечить семье весьма приличный достаток торговлей фотоматериалами.

Интеллектуальному развитию своих сыновей успешно содействовала мать. Дочь школьного учителя из Ваймаствере Адо Треуфельдта, она и сама преподавала в школе, будучи школь-

---

* 21 февраля 1935 года — в период эстонификации фамилий — Йоханна Эйхельманн вместе с сыновьями сменила прежнюю фамилию на новую — Таммело.

ным учителем уже второго поколения. Трагическая смерть отца в 1919 году выбила семью из колеи. После смерти главы семейства Йоханна Эйхельман покинула Нарву и вместе с двумя маленькими сыновьями переехала в Тартумаа, где работала педагогом-воспитательницей в детском доме и учительницей в школе. Под руководством матери Ильмар начал свой школьный путь в Каагвереской начальной школе Мякской волости (1923–1927). Обучение продолжалось в Пухьяской 6-летней начальной школе (1928–1930) и затем в Тартуской мужской гимназии (1930–1934). Мальчик отлично успевал в школе, однако туберкулез легких на два года прервал занятия.

Благодаря тому, что школьный путь мальчика начался рано, за годы болезни И. Таммело не отстал от своих сверстников. Более того, даже будучи больным, он самостоятельно продолжал учиться, причем основное внимание уделял языкам. В 1936–1937 учебном году он завершил учебу в Тартуской вечерней смешанной гимназии. По воспоминаниям старшего брата, желание продолжать обучение в университете сформировалось у Ильмара еще до болезни. Юный гимназист обладал отчетливо выраженной склонностью к гуманитарным наукам и, несомненно, незаурядными способностями к языкам.

По словам близких и на основании того, что Таммело сам писал в своем рукописном философском автопортрете, в детстве он мечтал стать поэтом. Некоторые из его стихов были напечатаны. Однако юноша так увлекался формой стиха, что это оказало разрушительное действие на его поэтическое воображение. Кризис был столь мощным, что он решил совершенно отказаться от сочинения стихов. Однако первым опубликованным научным трудом все же стало исследование неточной рифмы (1937).

В том, что выбор юноши пал именно на юридический факультет, вероятно, сказалось влияние его дяди Яана Треуфельда (1888–1979). Я. Треуфельд окончил юридический факультет Тартуского университета и благодаря широте своих интересов был несомненным авторитетом для племянника. Весомым аргументом в пользу юридического факультета послужило и то обстоятельство, что уже издавна юноши рассчитывали на удовлетворение своих духовных запросов, опираясь на довольно значительный заработок юриста.

11 сентября 1937 года Ильмар Таммело был принят в университет [Исторический архив Эстонии*, ф. 21006 оп. 1, ед. хр. 15 951, л. 48]. И, видимо, по рекомендации дяди вступил в студенческую корпорацию "Роталия" (28.03.1939).

---

* В дальнейшем Исторический архив Эстонии сокращенно ИАЭ.

В Тартуском университете

В студенческие годы Ильмара Таммело, накануне Второй мировой войны, юридический факультет Тартуского университета достиг своего расцвета. На факультете еще работали ученые, проложившие дорогу национальному (эстонскоязычному) юридическому факультету (Н. Майм, А. Пийп, Ю. Улуотс). Защитив докторские диссертации, в полную силу заработали и их ученики, которые трудились над своими исследованиями во многих ведущих научных юридических центрах Европы того времени (Н. Каазик, А.-Т. Клийман, Л. Лесмент, Э. Эйн, Йох. Ваабель, Э. Илус и др.). При этом наиболее важным обстоятельством послужило то, что впервые в истории оказалось возможным сосредоточить национальную научно-юридическую интеллигенцию в одном центре, создать прекрасные условия для использования данного потенциала и, воспитывая учеников, добиться создания научных школ.

Опираясь на архивные данные, можно утверждать, что Ильмар Таммело стремился как можно быстрее приобрести диплом юриста, и, как свидетельствуют экзаменационные оценки и серьезность его самостоятельной научной работы в студенческие годы, достижение этой цели он ставил в зависимость от качества знаний.

Сдав в январе 1938 года экзамен по латыни, он сразу приступил к сдаче экзаменов по правовым дисциплинам. Первыми юридическими дисциплинами для большинства будущих юристов-практиков были пропедевтические курсы по философии права (экзаменовал профессор Николай Майм — ученик Л.А. Шалланда), всеобщей теории права, истории римского права, которую преподавал и по которой принимал экзамены воспитанник Петербургского университета профессор Юрий Улуотс (1890–1945). В этом же году И. Таммело успел сдать экзамен по логике профессору Константину Рамулю (1879–1975). Ясно, что уже в первый год учебы И. Таммело нашел свое истинное призвание. Позже он вспоминал, что уже специализировавшись по философии права и время от времени записывая свои мысли, он испытывал поэтическое вдохновение: по всей вероятности, именно его прежнее увлечение формальной стороной стиха послужило причиной, пробудившей в нем особый интерес к логике. Его соученик, ныне проживающий в Швеции доктор юридических наук Ильмар Аренс (Ilmar Arens) вспоминал, что весной 1938 года И. Таммело порастил своих бывших на несколько лет старших, чем он, однокурсников словно бы за ночь родившимся из-под его пера авторизованным учебником-конспектом о всеобщей теории права и методологии юриспруденции, который оказался

изложенным яснее и логичнее, чем лекции самого профессора Ю. Улуотса [1, с. 2]. Конспект по методологии права явился первым получившим широкое распространение письменным сочинением Ильмара Таммело. С точки зрения эстонской правовой культуры это имеет определенное значение: методология правовой науки как учебная дисциплина еще не была обычным явлением даже во многих западноевропейских университетах. В эстонскоязычную письменную правовую культуру ввел ее именно И. Таммело путем переработки и размножения лекций Ю. Улуотса. Позже И. Таммело признавал, что учеба на юридическом факультете ему быстро наскучила и что именно изучение философских учений приносило разнообразие в рутину повседневной студенческой жизни.

К 1940 году занятия И. Таммело на юридическом факультете близились к завершению, однако изменения в учебном плане, вызванные июньскими событиями, внесли свои коррективы: пришлось сдавать дополнительные экзамены. Известно, что в 1940 году он представил на суд комиссии конкурсную работу по римскому праву ("Стимулированные действия и действия in fraudem creditorum"), однако, к сожалению, эта работа затерялась..

5 февраля 1941 года конец учебы был не за горами и по новым планам [ИАЭ, ф. 2100, оп. 1, ед.хр. 15 951, л. 3]. О подготовке И. Таммело мы узнаем из текста его ходатайства о получении места лаборанта на кафедре уголовного права: "Чтобы многообразием знаний скопить к окончанию университета необходимый для научной работы и специализации в более узкой области багаж, я использовал остававшееся от студенческих занятий время на изучение языков и чтение соответствующей литературы, чтобы углубить свои знания в различных сферах правовой науки. Это подтверждается тем, что свои семинарские работы я писал по публичному праву, а конкурсную работу — по частному праву. Особый интерес я испытывал к логике и научному методу. В настоящем учебном году я использовал свободное время для усвоения теории марксизма-ленинизма и изучения русского языка" [ИАЭ, ф. 2100, оп. 1, ед. хр. 15 951, л. 3 об.]. Последний абзац можно интерпретировать по-разному, но таковы реалии.

Вызывает восхищение то количество иностранных языков, которыми Ильмар Таммело владел к окончанию университета. По его же словам, он умел говорить, писать и читать на эстонском, немецком, эсперанто и на английском, писать и читать — по-французски и читать по-русски, по-итальянски и по-латыни [ИАЭ, ф. 2100, оп. 1, ед. хр. 15 951, л. 3 об.]. Знание Ильмаром Таммело языков подчеркивали многие из тех, с кем ему дово-

дилось соприкасаться: к приведенному перечню профессор Х. Шрейнер добавляет также испанский, португальский, финский и японский языки [5, с. 1].

На факультете были хорошо известны научные устремления юноши. Но отчего профессор Хельмут Кадари (1903–1976) пригласил его, еще студента последнего курса, на место лаборанта кафедры уголовного права и действительно ли И. Таммело намеревался в дальнейшем посвятить себя уголовному праву — на эти вопросы мы сегодня ответа дать не можем.

26 июня 1941 г. Тартуский государственный университет вручил И. Таммело диплом с отличием. Профессиональная карьера молодого юриста могла бы стать весьма непродолжительной, ибо уже на следующий день он был мобилизован в армию. Из-за туберкулеза его военная служба оказалась краткой, и с 1 июля 1941 года он уже работал старшим лаборантом кабинета уголовного права (института уголовного права) университета [ИАЭ, ф. 2100, он. 1, ед. хр. 15 951, л. 10–13].

Материалы о самостоятельной научной работе И. Таммело в студенческие годы позволяют утверждать, что философско-правовая направленность его интересов получила начало уже в Тарту. Осенью 1940 года он затеял научный диспут с одним из своих преподавателей — профессором Артуром-Тызелем Клийманом (Artur Tõeleid Kliimann, 1899–1941), ярым пропагандистом феноменологической юриспруденции. По своим взглядам он стоял близко к Феликсу Кауфману (Felix Kaufmann) и Фрицу Шрейеру (Fritz Schreier) [11, с. 346]. И. Таммело представил профессору А.-Т. Клийману семинарскую работу “Критика нормативистского различения частного и публичного права” (1940), которая хотя и была удостоена самой высокой оценки (*maxime sufficit*) — молодой автор удостоился похвалы за постановку проблемы и методологическую сторону своего труда, — однако в целом профессор обвинил своего ученика в искаженном истолковании нормативистского различения частного и публичного права [8, с. 3–4]. Проблема настолько увлекла И. Таммело, что он написал небольшой исследовательский труд “Критика нормативистского различения частного и публичного права проф. Клиймана” (Тарту, 1942?). Еще раз пересмотрев свои взгляды, И. Таммело пришел к заключению, что А.-Т. Клийман в своем труде “Правопорядок” (Тарту, 1939), посвященном нормативистскому различению частного и публичного права, стоит на теоретически ложных позициях, которые, однако, на практике реализуются весьма успешно [8, с. 50]. И. Таммело сравнивал этот случай с евклидовой геометрией, которая действовала 2200 лет и до последнего времени весьма успешно применяется при рассмотрении небольших скоростей. Подобная деликатность со

стороны Таммело была связана не только с тем, что оппонент к этому времени трагически ушел из жизни, но и с тем, что эта черта — деликатность, тактичность — вообще были присущи ему как человеку и как ученому. Если вспомнить былую дискуссию А.-Т. Клиймана со своим преподавателем, профессором Стефаном фон Чекей (Stephan v. Csekey, 1889–1963), то тогда именно младшему не хватило той толерантности и того такта в ходе научного диспута, которые были столь органично свойственны Таммело. Возможно, что толерантность и явилась тем необходимым свойством, которое возвело Ильмара Таммело в ранг гражданина мира, тогда как удел других — местечковая известность. Философско-правовой диспут Таммело — Клиймана в нашей правовой культуре значителен и носит исторический характер вне зависимости от этих нюансов. Ведь то, что два юриста эстонской национальности дискутируют на уровне фундаментальных философско-правовых понятий, случилось впервые в истории нашего народа. И до, и после происходили достаточно острые споры, однако их можно считать скорее теоретико-правовыми, чем философско-правовыми.

К философии права А.-Т. Клиймана И. Таммело вернулся вновь в 1950 году в своей статье "Теория права Артура-Тызлейда Клиймана", в которой впервые подробно ознакомил ученых юристов Европы с философией права А.-Т. Клиймана. Благодаря доценту Тартуского университета Яану Соотаку в прошлом году эта статья была опубликована в "Nõukogude Õigus" ("Советское право"*) и на эстонском языке [11, с. 346–348], и до сих пор она является лучшей написанной на родном языке статьей, знакомящей с философско-правовыми взглядами А.-Т. Клиймана.

Видимо, нет необходимости доказывать, что судьба юриста в переломный период была более чем непростой. Ощущил это на себе и И. Таммело. 27 марта 1942 года он снова приступил к сдаче экзаменов, чтобы диплом, ставший к тому времени советским документом, вновь вступил в силу. Сдав необходимые экзамены, он начал подготовку к магистерским экзаменам. 22 мая 1943 года состоялся экзамен по всеобщей теории и методологии юриспруденции. Экзаменовали профессора Ю. Улуотс, Н. Майм и Э. Илус. Все трое были удовлетворены знаниями И. Таммело [ИАЭ, ф. 2100, оп. 1, ед.хр. 15 951, л. 40].

11 июня 1943 года последовало ходатайство И. Таммело на имя ректора университета с просьбой зачислить его аспирантом при университете с 1 июля 1943 года по 1 июля 1944 года. В прошении любезно сообщено И. Таммело о том, что его дис-

---

* В параллельном русскоязычном издании — "Советское право" — она вышла на русском языке.

сертация уже на четверть готова [ИАЭ, ф. 2100, оп. 1, ед.хр. 15 951, л. 17]. Это еще раз подтверждает предположение о том, что работа над диссертацией была им начата еще в студенческие годы (вполне возможно, что уже в 1940 году).

5 ноября 1943 года И. Таммело защитил магистерскую диссертацию "Õigusnorm ja ta struktuur" ("Правовая норма и ее структура") [Puhja, 1943], которую рецензировали Ю. Улуотс, Н. Майм и Э. Илус. Все рецензенты дали положительный отзыв, особенно образной была оценка Ю. Улуотса. "Во всей работе, — писал он, — отражается, что автор полностью владеет предметом и властно заявляет о себе как об ученом, которому свойственно стремление к поиску истины" [ИАЭ, ф. 2100, оп. 1, ед.хр. 15 951, л. 42]. Любопытно и отношение самого Таммело к данной работе, изложенное им во введении к диссертации:

"Развитие темы настоящей работы неизбежно заставляет столкнуться с основополагающими, сложнейшими и до сих пор не нашедшими удовлетворительного решения проблемами правовой науки. То, что я за это взялся, объясняется, с одной стороны, моими философскими интересами, а с другой — моей убежденностью в том, что ученый только в том случае может успешно и обоснованно решать специальные юридические вопросы, если он практически пытался добиться для себя некоторой ясности в отношении основополагающих юридических проблем. Но я верю, что даже в том случае, если мои суждения окажутся ошибочными, а ход рассуждений будет чреват изъянами, для меня настоящая работа будет иметь по меньшей мере базовую ценность: на нее я смогу опираться в будущем, меняя свои оценки и ориентации, корректируя и совершенствуя ход моих мыслей.

Поэтому нижеследующее решение юридических проблем основано на самостоятельном философском исходном положении, при формировании которого я находился под влиянием разнообразных современных философских течений, а также общегосударственно-философского мировоззрения, господствовавшего на юридическом факультете Тартуского университета и нашедшего свое выражение как в печатных трудах отдельных преподавателей, так и в их лекциях. Несмотря на имеющиеся серьезные разногласия в принципиальных взглядах и точках зрения, они все же, на мой взгляд, выражают и нечто общее. Это дает основание предполагать, что интеллектуальное творчество ученых юристов Тартуского университета произрастает на той же почве" [9, с. 122].

Эти размышления И. Таммело в августе 1943 года рекомендуются принять за основу как при создании его собственного философско-правового портрета, так и в качестве одного из фундаментальнейших тезисов последующих исследований в области

истории философско-правовой мысли в Тартуском университете.

Защитой магистерской диссертации завершается один из этапов жизни И. Таммело. 4 сентября 1943 года он представил ректору университета ходатайство о назначении ему стипендии для продолжения образования в Германии, которое было быстро удовлетворено [ИАЭ, ф.2100, оп. 1, ед. хр. 51, л. 17-18]. Пребывание вдали от родины первоначально планировалось лишь на один – два семестра. Но судьба распорядилась таким образом, что именно тогда И. Таммело навсегда распрощался с родиной.

В Германии: Фрейбург, Марбург, Гейдельберг

Претворить в жизнь первоначальное намерение стажироваться в Тюбингене оказалось невозможным, но уже 22 ноября 1943 года И. Таммело описывал свои первые впечатления от Фрейбурга. Сравнивая Фрейбург с Гейдельбергом, молодой магистр нашел, что вследствие близости Шварцвальда мягкий климат первого значительно больше подходит его легким. Он успел поверхностно ознакомиться с университетской библиотекой, которая оказалась не намного богаче хорошо знакомой ему библиотеки Тартуского университета.

Согласно первоначальному плану он намеревался собрать в Германии материал для докторской диссертации и подготовиться к первому докторскому экзамену, который он планировал сдавать в Тарту в марте 1944 года [ИАЭ, ф. 2100, оп. 1, ед. хр. 15 591, л. 20]. При этом интересно отметить, что если еще 11 июля 1943 года И. Таммело писал ректору, что хочет стать аспирантом с тем, чтобы в дальнейшем специализироваться по гражданскому процессу (!), то из письма от 17 января 1944 года уже можно заключить, что свои первоначальные планы он в Германии изменил. Он намеревался защищать докторский труд по теме, аналогичной его тартуской магистерской диссертации, — “Die Seinsformen der Rechtsnorm” (“Формы существования правовой нормы”). Свою работу он защитил в том же году при Марбургском университете. Получение докторской степени в Германии было необходимо И. Таммело скорее всего для самоутверждения, а также для определения своего будущего. Ведь это являлось средством определения статуса немецкого ученого и способствовало успешному налаживанию новых научных контактов. Еще до защиты докторской диссертации он наладил отношения с профессорами Адольфом Шёнке (Adolf Schönke) и Эриком Вольфом (Erik Wolf). Последний представлял онтологическое направление современных естественно-правовых учений (Baratta, Erich Fechner, Maihofer), которое опиралось на философию экзистенциализма (Heidegger, Jaspers, Max Muller). Осенью

1944 года, в конце мировой войны, когда Гейдельбергский университет, укомплектованный многими новыми выдающимися преподавателями, вновь открыл свои двери, И. Таммело, уже будучи доктором юридических наук, получил возможность готовиться к защите научной работы для права занятия профессуры под руководством известного философа права Густава Радбруха (Gustav Radbruch). Выбор Г. Радбруха руководителем работы, конечно же, не был случайным. Во-первых, уже в Тарту, при подготовке к магистерскому экзамену, И. Таммело пользовался его "Rechtsphilosophie" ("Философией права") (Leipzig, 1932) [ИАЭ, ф. 2100, оп. 1, ед. хр. 15 951, л. 35], а во-вторых, у Радбруха уже до И. Таммело в Тарту имелись непосредственные ученики (например, профессор Х. Кадари).

Если в свое время А.-Т. Клийман учился в Вене у одного из известнейших теоретиков права нашего столетия Ханса Кельсена (Hans Kelsen, 1884–1973), то ко времени пребывания И. Таммело в Германии последний, еврей по национальности, эмигрировал в США, где преподавал в Калифорнийском университете государственное право и философию права. Наряду с Х. Кельсеном одним из величайших философов права можно считать именно Г. Радбруха [12, с. 2]. Он относился к тому же философско-правовому направлению, что и Кельсен; в общефилософском плане это направление было связано с неокантианской группировкой (Rickert, Max Weber, Windelband). Третьим ученым, который во многом предопределил академическое будущее И. Таммело в Германии, был связанный с так называемой марбургской неокантианской группировкой (Cohen, Natorp и др.) Карл Энгисх (Karl Engisch) [4, с. 282–283].

С 28 июля 1947 года в жизни И. Таммело начался новый период. Перед ним открывалась преподавательская карьера не вообще в Германии, но даже в Гейдельбергском университете. К сожалению, эта работа длилась недолго, ибо уже год спустя эмиграция — так называемая "Immigration of displaced persons" — заставила его высадиться в Австралии. Возможно, что формально он продолжал оставаться в Гейдельберге на правах приват-доцента (возможно, что даже вплоть до 1950 года), однако реальная деятельность на протяжении ряда лет была весьма далека от привычной.

В Австралии: Мельбурн, Сидней

Тяжкими были для И. Таммело его первые годы в Австралии. Внач ле прибывшим из Европы разрешалось заниматься только физическим трудом. Положение И. Таммело осложнялось еще и тем, что он не был беженцем войны. Тяжкий физиче-

ский труд и смена климата обострили туберкулезный процесс, и лишь операция спасла тогда его жизнь. Все казалось совершенно безнадежным. К сожалению, правда об этом периоде известна лишь очень узкому кругу людей. Даже спустя годы, когда его научная карьера складывалась уже достаточно успешно, он остерегался освещать события тех лет в своей автобиографии. Мы можем предложить этому свое объяснение. В ситуации, при которой имеет место постоянная конкуренция и борьба за высшие академические посты, а конкурс на вакантные места открыт всему научному миру, одно лишь упоминание о том, что претендент хотя бы непродолжительный период был лишен возможности заниматься научной работой, могло оказаться роковым. Ведь предпочтение отдавалось преуспевающим и удачливым. И. Таммело было хорошо известно, что никакие ссылки на объективный характер причин не принимались в таких случаях во внимание. Видимо, именно такие рассуждения могли побудить И. Таммело добровольно внести "хаос" в свою автобиографию на ее отрезке с 1947 по 1950 годы. Документально подтверждено лишь то, что в 1950 году ему удалось продолжить свою академическую карьеру в Австралии. В свое время он сообщил брату, что получение возможности заниматься научной работой в Австралии сравнимо с участием в лотерее, в которой выигрывает один-единственный билет. Последнее означало, что в 1950-1951 годы он в третий раз (!) смог приступить к аспирантским занятиям по юриспруденции и философии в Мельбурнском университете. Успешное завершение аспирантуры позволило ему получить место ассистента на юридическом факультете Сиднейского университета.

Работая в институте философии права и международного права Юлиуса Стоуна (Julius Stone), И. Таммело своими трудами в области правовой логики добился всемирной известности. Его считали приверженцем того направления, которое представляли Клуг (Klug), Филиппс (Philips), Р. Шрейбер (R. Schreiber), Х. Вагнер (H. Wagner) и Вейнбергер (Weinberger). Их философско-правовые воззрения опирались на философские идеи Рассела, Бошенского, Лоренца и др. [4, с. 238]. С Сиднейским университетом в жизни Таммело связано более двух десятилетий. Это были годы напряженного труда, но его академическое положение в Австралии уже давно не соответствовало тому месту, которое он занимал в мировой науке. Он действовал очень активно и плодотворно как в качестве приглашенного ученого, так и в качестве приглашенного профессора во многих университетах США, Италии, Индии, Японии, Швеции, Финляндии, Бразилии и других стран. Очень тесные научные контакты сложились у И. Таммело с профессором философии права Брюссель-

ского Свободного университета Хаймом Перельманом* (Chaim Perelman). Для И. Таммело Ханс Перельман был добрым коллегой. С ним он обсуждал научные проблемы, и в то же время Х. Перельман поддерживал его ходатайства о получении пособий и стипендий, а также способствовал публикации научных трудов. Благодаря Перельману Сиднейский университет учредил для И. Таммело отдельную профессиру.

В 1973 году И. Таммело принял решение возвратиться в Европу, ибо появилась возможность занять должность экстраординарного профессора в Мюнхене и Зальцбурге. В научной жизни И. Таммело начался наиболее продуктивный период.

В Австрии: Зальцбург

С Австрией И. Таммело был связан через Рене Марчича (Rene Marcic) уже раньше. После того как в 1971 году Р. Марчич погиб в авиакатастрофе, ординарная профессура и место директора института философии права, правовой методологии и общего государственного права в Зальцбургском университете оставались вакантными. В 1973 году именно Ильмар Таммело был избран на оба эти места. Впервые за всю свою научную карьеру у него как ординарного профессора и директора института появилась возможность сформировать коллектив единомышленников для реализации своих идей. Естественно, не все шло так гладко, как хотелось, ибо институт, которым руководил Марчич, занимался проблематикой, не вполне совпадавшей с планами И. Таммело.

Р. Марчич относится к тому поколению философов права, выдающимся представителем которого был Альфред Фердросс (Alfred Verdross) и философские основы которого вели свое начало от школы неотомистов, неосхоластиков (Dempf, Manser, Mausbach, Steinbuchel) [4, с. 282]. Но вскоре в Зальцбурге вокруг И. Таммело образовался кружок единомышленников, который называется также "Зальцбургским кружком". К наиболее близким ему ученым относились M. Fischer, R. Jakobi, D. Mayer-Maly, E. Mock, H. Schreiner, I. Tebaldeschi, E. Morscher, C. Schefold, R. Stranzinger, Fr. Lachmayer, G. Moens и L. Reisinger.

И. Таммело принадлежит большая заслуга в том, что этот институт приобрел международную известность. За короткое время руководимый им институт принял участие в организации трех междисциплинарных международных конференций (1976,

---

* Благодаря Н. Синайскому в распоряжении автора имеются копии писем И. Таммело к Х. Перельману за 1965–1973 годы, которые до сих пор являются наилучшим источником изучения австрийского периода жизни ученого.

1980, 1981). Доктор юридических наук И. Аренс предрекал рост значения тех трудов И.Таммело, которые были им созданы именно в данный период, ибо изложенные в них идеи могут быть положены в основу создания новых научных школ [2, с. 2].

В конце 1970-х и в начале 1980-х годов международное признание И.Таммело значительно возросло. В 1979 году Академия Наук Финляндии избрала его своим иностранным членом (что сам Таммело оценивал очень высоко). В том же году Зигенский университет наградил его золотой медалью Франца Бёма (Franz Böhm). Болонский университет с его старейшим в Европе юридическим факультетом избрал И. Таммело почетным доктором, а затем он был признан и австрийскими властями. Австрийский федеральный президент наградил его высшей наградой страны, которой официально награждались ученые ("Österreichische Ehrenzeichen für Wissenschaft und Kunst erster Klasse"). Несомненно, что своеобразным признанием послужило и включение биографии И. Таммело в издающийся в США биографический лексикон "Who's Who in the World" (1980-1981).

В 64 года И. Таммело строил множество планов, его ждали незаконченные работы и программы. Однако, когда в сентябре 1981 года он возвратился с всемирного конгресса в Мексике, врачи диагностировали у него раковое заболевание.

В своей так называемой философско-правовой исповеди И. Таммело повторяет немало положений, к которым он пришел еще в тартуский период и которым хранил верность на протяжении всей своей жизни. Уже познавшим жизнь человеком он признается в том, что никогда ни одно произведение и ни один автор не были в состоянии увлечь его настолько, чтобы у него не хватило сил стряхнуть с себя чары их идей. По его мнению, возможно, именно поэтому он старался не примыкать ни к одной из научных школ. Ему всегда была чужда борьба между школами, ибо в пылу борьбы всегда утрачивалось то, что, по его мнению, представляется наиболее ценным в философии вообще. Он никогда не стремился вместить свои философские убеждения в рамки какой-либо отдельной философской системы. Его делом был вечный поиск (вспомним высказывания Ю. Улуотса и Х. Шрейнера). Благодаря этой своей склонности к поиску он был открыт для восприятия любых воздействий и постановки в этом процессе неожиданных целей.

Он всегда стремился писать по возможности более кратко, ибо считал, что объемные философские тексты утомляют как писателя, так и читателя. При выборе тематики исследовательской работы он прислушивался к своему внутреннему голосу, когда же тяга к определенной тематике покидало его, он прекращал "самоистязание".

В последние годы жизни И. Таммело занимался проблемами сохранения человечества и достойного человека существования [2, с. 2; 3, с. 9; 12, с. 968–977]. В философии права он видел помощника в углубленном изучении нормативных аспектов проблемных решений с тем, чтобы найти основание для завтрашних правовых принципов. С его точки зрения, человечество подошло к такому моменту, с которого оно должно нести космическую ответственность.

И. Таммело получал приглашения от многих университетов. В 1981 году он был избран профессором Страсбургского университета, однако обострение рака пищевода постепенно подтачивало здоровье ученого, лишая его жизненных сил и энергии. Его смерть оказалась неожиданной даже для многих близких ему людей. В последние годы он в такой степени научился выдвигать на передний план работу, так сильна была его самодисциплина, что даже самые близкие к нему товарищи по работе слишком поздно заметили, как тяжело он болен. Его научная продуктивность не только не снизилась, но даже возросла. Он не разрешал себе расслабляться до тех пор, пока окончательно не уверился в том, что будущее института и его супруги будут обеспечены [5, с. 18].

И снова Австралия

Старый друг и коллега И. Таммело Х. Старкош характеризовал его как на редкость верного друга. Но наибольшую жертву, писал он, Таммело принес на алтарь супружеской верности и добропорядочности. Супруга И. Таммело, австралийка, захотела вернуться на родину, и уже отмеченный печатью смерти И. Таммело последовал за нею. К несчастью, воздушный перелет из-за неблагоприятных погодных условий длился 27 часов, что окончательно подорвало здоровье ученого. На восьмой день пребывания в Австралии, 7 февраля 1982 года, в Сиднее И. Таммело скончался [6, с. 4].

По-видимому, зальцбургские соратники и друзья Ильмара Таммело хотели бы проводить своего друга и коллегу в последний путь из стен родного института. В Зальцбурге уже продолжительное время готовились к 65-летию Таммело и в некоторой мере они свыклись с мыслью о неотвратимости конца.

Таммело не дожил до дня своего рождения немногим более двух недель. Организованная его зальцбургскими коллегами юбилейная монография "Objektivierung des Rechtsdenkens" ("Объективация правового мышления") (Berlin, 1984) превратилась в мемориальную книгу. Этот массивный фолиант — наиболее солидное издание, которое когда-либо посвящалось юристу

— представителю эстонского народа. Данный труд, несомненно, является памятником научной деятельности И. Таммело. В его первой части содержатся статьи биографического характера, принадлежащие перу различных ученых (H. Strakosch, H. Schreiner, J. Bjarup, A. Schramm, Michael W. Fischer).

В следующих разделах опубликованы статьи ученых всего мира, занимавшихся проблемами, близкими к интересам ученого.

Заключение

Автор не принадлежит к числу тех, кто полагает, что сегодня достаточно в очередной раз констатировать: видите, мы вновь опоздали с представлением широкому кругу юристов одного из выдающихся эстонских юристов, и это в то время, когда мы ощущаем острую нехватку в новых оригинальных философско-правовых и теоретико-правовых идеях. Работы И. Таммело, несомненно, заслуживают того, чтобы их срочно приобрести для наших библиотек. По-видимому, необходимо издание избранных трудов И. Таммело. В 1992 году исполнится 75 лет со дня его рождения. Приближаясь к этой годовщине, мы должны увековечить имя нашего великого соотечественника. Несомненно прав доктор юридических наук Ильмар Аренс, когда он пишет: "Ильмар Таммело — один из немногих среди нас, который силой и масштабностью своей идеи неоднократно преодолевал звуковой барьер, достигая тем самым величия вечных истин" [1, с. 2].

Литература

1. Arens, I. I. Tammele in memoriam // Eesti Päevaleht. — 6.III 1982. — Lk. 7.
2. Arens, I. Tammele postuumselt: terrorismi kui õigusfilosoofia probleeme // Eesti Päevaleht. — 11.XII 1982. — Lk. 6.
3. Arens, I. Prof. I. Tammele postum käsitlemas rahuprobleeme // Vaba Eesti Sõna. — 20.I 1983. — Lk. 9.
4. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Hrsg. A. Kaufmann und Winfried Hassemer. — Heidelberg/Karlsruhe: C.F. Müller Juristischer Verlag, 1977.
5. Schreiner, H. In memoriam Ilmar Tammele // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. — 1984. — Bd. 1. — S. 1-5.
6. Strakosch, H. Ilmar Tammele // Objektivierung des Rechtsdenkens / Hrsg. W. Krawietz, Th. Mayer-Maly, O. Weinberger. — Berlin: Duncker & Humblot, 1984.
7. Tammele, I. Õigusteaduse metodoloogia: Konspekt (koost. prof. I. Uluotsa loengute põhjal). — Tartu, mimeograaf. 1939.
8. Tammele, I. Prof. Kliimann'i era- ja avaliku õiguse normativistlikku

- vahetee kritika. — Tartu, 1942? (Рукопись)
9. Tammelo, I. Õigusnorm ja ta struktuur. Magistritöö. — Puhja, 1943. Рукопись в научн. библ. Тартуского ун-та).
  10. Tammelo, I. Artur-Tõeieid Kliimanns Rechtstheorie // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. — 1950. — Bd. 39. — S. 90-101.
  11. Tammelo, I. Artur-Tõeieid Kliimanni õigusteooria // Nõukogude Õigus. — 1989. — Nr. 5. — Lk. 346-348.
  12. Uibopuu, H.-J. Ilmar Tammelo: *In memoriam* // Teataja. — 6.III 1982. — Lk. 11.
  13. Vaska, V. Õiglus, loogika ja mõistuse ekstaas: Mõtteid ja märkmeid Ilmar Tammelo mälestuseks // Akadeemia. — 1989. — Nr. 5. — Lk. 968-977 (= Mana. — 1984. — Nr. 54. — Lk. 30-34)

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ И. ТАММЕЛО*

1. Irdriimist (artikkel). Lahkumisõhtu; Põud; Sentimentaalselt (luuletused) // Rada. Tartu Õhtuse Ühisgümnaasiumi õpilaskond. Tartu, 1937.
2. Oigusteaduse metodoloogia: Konspekt / Koostanud prof. J. Uluotsa loengute põhjal Ilmar Tammelo (мимеорграф). Tartu, 1939.
3. Oigusnorm ja ta struktuur: Magistritöö (masinkiri). Puhja, 1943.
4. Prof. Kliimann'i era- ja avaliku õiguse normativistliku vaheteo kriitika (masinkiri), ita s.a.
5. Oigusdogmaatika ja ita Mathesis Universalis // Estonia. Göttingen, 1946. I. Lk. 38–41.
6. Loogika ja nn. puhtimmanentsed predikatsioonid // Estonia. Göttingen, 1947. III Lk. 36–38.
7. Untersuchungen zum Wesen der Rechtsnorm. Heidelberg: Scherer Verlag, 1948.
8. Drei rechtsphilosophische Aufsätze. Heidelberg: Scherer Verlag, 1948.
9. Legal Dogmatics and the *Mathesis Universalis*. Heidelberg: Scherer Verlag, 1948.
10. Artur-Tõeleid Kliimanns Rechtstheorie // Archiv f. Rechts- und Sozialphilosophie. 1950. Bd. 39. S. 90-101; tõlge eesti keelde // Nõukogude Oigus. 1989. Nr. 5. Lk. 346–348; перевод на русск. яз. // Советское право. 1989. № 5. С. 336–339.

---

* Основные источники настоящего, не претендующего на полноту перечня: 1) составленный самим автором в Зальцбурге в 1981 году и дополненный Доротеей Майер-Мали "Verzeichnis der Veröffentlichungen von Ilmar Tammelo" в собрании сочинений "Objektivierung des Rechtsdenkens: Gedachtnisschrift für Ilmar Tammelo (Berlin: Dunker & Humblot, 1984, lk. 747–753), изданном Вернером Кравицем, Тео Майер-Мали и Ота Цейнбергером, и 2) "Folia bibliographica. A bibliography of Works Published by Estonian Scholars in Exile: Jurisprudence, Political Science, Sociology, Economy 1942–1976" (Stokholm, Institut Litterarum Estonicum, 1977, lk. 25–30, 71). Дополнительные описания предоставили Пэтер Ярвеляйд и Хандо Руннель.

11. Õigluse probleem ja filosoofia // Tulimuld. 1952. Nr. 1. Lk. 41-43.
12. Enesetundmisest ja isiksuse analüüsist // Vaba Eesti. 1952. Nr. 3.
13. **Rational Man and Radical Doubt.** Published under the auspices of Estonian Academical Society of Sydney. Sidney, 1952.
14. Arutlus müstikast // Tulimuld. 1953. Nr. 6. Lk. 365-367.
15. Arutlusi kunstist // Vaba Eesti. 1953. Nr. 6. Lk. 7.
16. "Cartesian Turn" in the Theory of Law // Sydney Law Review. 1954. Vol. 1. P. 214-221.
17. Sketch for a Symbolic Juristic Logic // Journal of Legal Education. 1955. Vol. 8. P. 277-307.
18. Autentne mina // Lugejalt kirjanikule: Koguteos eesti raamatusõpradelt üle viie mandri / Koost. B. Kangro ja V. Uibopuu. Lund: Eesti Kirjanike Kooperatiiv, 1955. Lk. 136-140.
19. Vaimse loomingu põhimõtteid // Vaba Eesti. 1955. Nr. 3. Lk. 2-3.
20. Tests of Inconsistency between Commonwealth and State Laws // Australian Law Journal. 1957. Vol. 30. P. 469-501.
21. Law, Justice and Social Reality // Österr. Zeitschrift f. öffentl. Recht. 1957. Vol. 8. P. 373-384.
22. Kehtivus õiguseetilise probleemina // Õigusteaduslik Ajakiri. 1957. Nr. 2. Lk. 6-11; Akadeemia. 1989. Nr. 5. Lk. 956-967.
23. Rahvusvahelise õiguse loogilisest sülgematusesest // Õigusteaduslik Ajakiri. 1957. Nr. 3. Lk. 4-6.
24. On the Space and Limits of Legal Experience // Journal of Legal Education. 1958. Vol. 11. P. 171-195.
25. The Antinomy of Parliamentary Sovereignty // Archiv f. Rechts- und Sozialphilosophie. 1958. Bd. 44. S. 495-513.
26. La relatività di giustizia ed il principio della "sollecitudine" // Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto. 1958. Vol. 35. P. 350-369.
27. On the Logical Openness of Legal Orders // American Journal of Comparative Law. 1959. Vol. 8. P. 187-203.
28. On the Logical Structure of the Law Field // Archiv f. Rechts- und Sozialphilosophie. 1959. Bd. 45. S. 95-101.
29. Justice and Doubt: An Essay on the Fundamentals of Justice // Österr. Zeitschrift f. öffentl. Recht. 1959. Bd. 9. S. 308-417.
30. Axiomatics of Law and the Logical Bounds of Juristic Thinking // Õigusteaduslik Ajakiri. 1960. Nr. 6. Lk. 4-7.
31. On the Lawyer's Search for Contact with the Philosopher // Journal of Legal Education. 1961. Vol. 13. P. 187-203.
32. La ricerca del giurista per un incontro col filosofo // Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto. 1961. Vol. 38. P. 573-599.
33. Ideas of Justice and itav Caritas Sapientis // Jaipur Law Journal. 1962. Vol. 2. P. 51-77.
34. Syntactic Ambiguity, Conceptual Vagueness and the Lawyer's Hard Thinking // Journal of Legal Education. 1962. Vol. 15. P. 56-59.
35. The Nature of Facts as a Juristic Topos // Archiv f. Rechts- und

- Sozialphilosophie. 1963. Beiheft 39. S. 235-261; tõlge jaapani keelde // *Hogaku Kenkyu*. 1970. Vol. 43. P. 103-125.
36. Contemporary Developments of the Imperative Theory of Law // *Archiv f. Rechts- und Sozialphilosophie*. 1963. Bd. 49. S. 255-261.
  37. The Rule of Law and the Rule of Reason in International Legal Relations // *Logique et Analyse*. 1963. Vol. 6. P. 335-368.
  38. La natura dei fatti come ita topos giuridico // *Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto*. 1963. Vol. 40. P. 655-683.
  39. The Meaning of Meaninglessness (together with Anthony R. Blackshield) // *Malaya Law Review*. 1963. Vol. 5. P. 1-39.
  40. Tensions and Tenebrae in Treaty Interpretation // *Dialectica*. 1964. Vol. 18. P. 337-350.
  41. Legal Formalism and Formalistic Devices of Juristic Thinking // *Law and Philosophy* / Ed. by S. Hook. 1964. P. 316-328.
  42. The Law of Nations and the Rhetorical Tradition of Legal Reasoning // *Indian Year Book of International Affairs: Grotian Society Papers*. 1964. Supplement. P. 227-258.
  43. Law, Logic and Human Communication // *Archiv f. Rechts- und Sozialphilosophie*. 1964. Bd. 50. S. 331-366.
  44. Coexistence and Communication // *Sydney Law Review*. 1965. Vol. 5. P. 29-58.
  45. Legal and Extra-legal Justification (together with Lyndel V. Prott) // *Journal of Legal Education*. 1965. Vol. 17. S. 412-422.
  46. Giustificazione giuridica ed extragiuridica (insieme con Lyndel V. Prott) // *Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto*. 1965. Vol. 42. P. 221-235.
  47. La interpretación de los tratados y la razón practica // *Diánoia*. 1965. Vol. 11. P. 225-257.
  48. Teoretische Aspekte der Definition der Aggression // *Moderne Welt*. 1965. Bd. 5. S. 315-330.
  49. Some Aspects of Recent Contributions to Logic in the Service of Law // *Sydney Law Review*. 1966. Vol. 5. P. 261-266.
  50. Analysis of Human Communication // *Archiv f. Rechts- und Sozialphilosophie*. 1966. Bd. 52. S. 503-543.
  51. World Order and the "Enclaves of Justice" // *Ottawa Law Review*. 1966. Vol. 1. P. 1-35.
  52. Maailmakorra kujundamise põhialustest // *Eesti Korporatsioonide Liit MCMXV-MCMLXV* / Toim. K. Arro. Toronto: EKL, 1966. Lk. 293-297.
  53. Treaty Interpretation and Practical Reason. The Law Book Company. Sydney, 1967.
  54. Aspetti trans-nazionali della comunicazione umana // *Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto*. 1968. Vol. 45. P. 27-77.
  55. Treaty Interpretation and Considerations of Justice // *Revue Belge de Droit International*. 1968. Vol. 5. P. 80-86.
  56. Interpretazione dei trattati e considerazioni intorno alla giustizia // *Jus*. 1968. Vol. 19. P. 38-45.
  57. The Perennial Role of Legal Philosophy // *Gedächtnisschrift für Gustav Radbruch* / Hrsg. A. Kaufmann. 1968. S. 121-128.

58. The Postulate of Methodological Purity in Hans Kelsens Pure Theory of Law // *Duquesne University Law Review*. 1968. Vol. 7. P. 177-185.
59. *Outlines of Modern Legal Logic*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1969.
60. Logical Structure of the Legal Norm and Legal States of Affairs // *Festschrift für Karl Englisch* / Hrsg. A. Kaufman. 1969. S. 143-149.
61. Material Justice and Negative Being // *Liber Amicorum in Honour of Professor Alf Ross* / Eds. M. Blegvad ita et al. 1969. P. 473-501.
62. Teadus ja poliitiline võim // *Austraalia eestlased sõnas ja teos: E.V. Tartu Ülikooli juubeli (1919-1969) tähisteos* / Toim. E. Laisk, M. Meiusi, A.G. Parts, H. Salasoo, I. Tammelo. Sydney: Eesti Akadeemiline Koondis, 1969. Lk. 29-32.
63. Relations between the International Legal Order and the Municipal Legal Orders — a "Perspectivist" View // *The Australian Year Book of International Law*. 1970. P. 211-218.
64. Zum Aufbau einer Theorie der Gerechtigkeit // *Osterr. Zeitschrift f. öffentl. Recht*. 1970. Bd. 20. S. 149-156.
65. "The Is" and "the Ought" in Logic and Law // *Archiv f. Rechts- und Socialphilosophie*. 1970. N.F. Beiheft 6. S. 73-92.
66. Logic as an Instrument of Legal Reasoning // *Jurimetrics Journal*. 1970. Vol. 10. P. 89-94; перевод на чешский // *Právník*. 1970. Vol. 8. P. 683-687; перевод на японский яз. *Aspects of Legal Thought*. 1970. P. 195-205.
67. Argumentation and Intransigence // *Hogaku Kenkyu*. 1970. No 11-12. P. 1-53, 1-49.
68. Computers and Legal Logic (together with Ron Klinger) // *Proceedings of the Institute of Criminology for 1968*, IL Sydney, 1970. P. 231-240.
69. On the Construction of a Legal Logic in Retrospect and in Prospect. University of Sydney. Faculty of Law. Materials for postgraduate studies. ASLP/IVR, 1970. Special No 1.
70. *Survival and Surpassing*. Melbourne: The Hawthorn Press, 1971. Перевод на эст. яз. // *Akadeemia*. 1990. No 6-10.
71. *Õigustoogika printsiibid ja meetodid на японск. яз.* Tokyo: Hogaku-Kenkyu-Kai Publication, Keio University, 1971.
72. *Rechtslogik und materiale Gerechtigkeit*. Frankfurt a. M.: Athenäum Verlag, 1971.
73. Non solum sub lege — enimvero sub homine // *Rechtstheorie* / Hrsg. A. Kaufmann. 1971. S. 49-52.
74. Ratio decidendi et la règle de droit // *La règle de Droit* / Ed. by Ch. Perelman. 1971. P. 123-130.
75. On the Possibility of Government Being Entrusted to Scientists // *Anais do Simpósio sobre Ciência e Humanismo*. 1971. P. 231-239.
76. Justice and Serenity: Reflections on Meister Eckhart's Doctrine of Justice // *Lawasia*. 1971. Vol. 2. P. 107-111.
77. Retsensioon: Ilmar Arens. Die estnische Russlandkolonisation

- etc. // *Bulletin of Baltic Studies*. 1971. Bd. 8. S. 26 ff.
78. Is the Rule of Law Doomed? // *Österr. Zeitschrift f. öffentl. Recht*. 1972. Bd. 23. S. 81–88.
  79. The Entitlement to Life // *Anales de la Cátedra Francisco Suárez*. 1972. Vol. 12. P. 97–113.
  80. Natural Law in Crisis // *Österr. Zeitschrift f. öffentl. Recht*. 1973. Bd. 24. S. 3–12.
  81. Riflessioni sulla dottrina della giustizia di Meister Eckhart // *Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto*. 1973. Vol. 50. P. 798–803.
  82. Um ein futurologische Naturrecht // *Der Staatsbürger*. 1973. 19.VI.S. 1–2.
  83. *Grundzüge und Grundverfahren der Rechtslogik* (gem. mit Helmut Schreiner). München: Verlag Dokumentation, 1974. Bd. I.
  84. A lógica das pretensões no pensamento jurídico // *Revista Brasileira de Filosofia*. 1974. Vol. 96. P. 379–385.
  85. Mit René Marcic — unterwegs zur Rechtslogik // *Dimensionen des Rechts: Gedächtnisschrift für René Marcic* / Hrsg. M. Fischer u.a. 1974. S. 341–348.
  86. The Counter-Formula Method and its Applications in Legal Logic // *Dimensionen des Rechts: Gedächtnisschrift für René Marcic* / Hrsg. M. Fischer u.a. 1974. S. 349–360.
  87. On the Construction of a Legal Logic in Retrospect and in Prospect // *Archiv f. Rechts- und Sozialphilosophie*. 1974. Bd. 60. S. 377–392.
  88. Natural Law in the Light of the History of Legal Philosophy // *Österr. Zeitschrift f. öffentl. Recht*. 1974. Bd. 25. S. 39–44.
  89. Naturrecht als begründetes Recht // *Wissenschaft und Weltbild*. 1974. Bd. 27. S. 219–222.
  90. Logical Aspects of the Non-Liquet Controversy in International Law // *Rechtstheorie*. 1974. Bd. 5. S. 1–10.
  91. La "fase adulta" della sociologia giuridica // *Sociologia del diritto*. 1974. Vol. 2. P. 274–280.
  92. Vernunft, Gerechtigkeit und Liebe // *Plädoyer für die Vernunft* / Hrsg. G.-K. Kaltenbrunner. 1974. S. 11–20.
  93. *Zur Philosophie des Überlebens*. Freiburg/München: Verlag Karl Alber, 1975.
  94. Conscience, Alienation, and Violence // *Österr. Zeitschrift f. öffentl. Recht*. 1975. Bd. 26. S. 199–203.
  95. On the Objective Foundation of Natural Law Norms // *Syracuse Journal of International Law and Commerce*. 1975. Vol. 2. P. 159–164.
  96. *Logische Verfahren der juristischen Begründung* (gem. mit Gabriel Moens) // *Forschungen aus Staat und Recht*. Wien/New York: Springer Verlag, 1976. Bd. 35.
  97. *Studi di logica giuridica* (insieme con Ivanhoe Tebaldeschi). Milano: Dott. A. Giuffrè Editore, 1976.
  98. Vom Glück der inneren Stille // *Die Suche nach dem anderen Zustand* / Hrsg. G.-K. Kaltenbrunner. 1976. S. 68–76.

99. Gerechtigkeit und Revolution // Rechtswissenschaft und Arbeiterbewegung: Festschrift für Eduard Rabofsky / Hrsg. J.J. Hagen u.a. 1976. S. 60–68.
100. Giustizia e rivoluzione // Atti e Memorie della Accademia Nazionale di Scienze, Lettere e Arti di Modena. 1976. Vol. 18. P. 1–8.
101. Il diritto internazionale come ordinamento di transizione // Il diritto come ordinamento / Ed. by R. Orecchia. 1976. P. 83–89.
102. Was ist und was soll die Rechtsphilosophie heute? // Rechtsphilosophie und Gesetzgebung / Hrsg. J. Mokre u.a. 1976. S. 166–172.
103. Grundzüge und Grundverfahren der Rechtslogik (gem. mit Helmut Schreiner). München: Verlag Dokumentation, 1977. Bd. II.
104. Theorie der Gerechtigkeit. Freiburg/München: Verlag Karl Alber, 1977.
105. Rechtslogik // Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Hrsg. A. Kaufmann u.a. 1977. S. 120–138.
106. Possibilità e modi di fondazione del diritto naturale // Memorie della Accademia Nazionale di Scienze, Lettere e Arti di Modena. 1977. Série VI. Vol. 19. P. 173–179.
107. Potentialities and Perspectives of Formal Legal Reasoning // Equality and Freedom / Ed. by G. Dorsey. 1977. Vol. 2. P. 531–540; tõlge jaapani keelde // Hogaku Kenkyu. 1980. Vol. 24. P. 199–212.
108. Pri la tempa dimensio de la justestado // Internacia Jura Revuo. 1977. Vol. 16. P. 3–10.
109. Zetetic Procedures for Legal Reasoning: A Synopsis // Jaipur Law Journal. 1977/78. Vol. 18. P. 9–15.
110. Modern Logic in the Service of Law. Wien/New York: Springer Verlag, 1978.
111. Zetetische Verfahren für juristisches Aufweisen // Rechtstheorie. 1978. Bd. 4. S. 421–428.
112. Democratia, quo vadis? // Teataja. 1978. No 11. Lk. 4.
113. Die Verkehrssprache Europas // Europa — Weltmacht oder Kolonie? / Hrsg. G.-K. Kaltenbrunner. 1978. S. 142–152.
114. Erneuerungsvorschläge für die logische Terminologie und Notation // Strukturierungen und Entscheidungen im Rechtsdenken / Hrsg. I. Tammelo u.a. 1978. S. 53–63.
115. Zensur durch Tote: Über Tabus auf dem Gebiet der Gerechtigkeit // Der innere Zensor / Hrsg. G.-K. Kaltenbrunner. 1978. S. 76–85.
116. Möglichkeiten und Perspektiven des formalen Rechtsdenkens // Juristische Logik, Zivil- und Prozessrecht: Gedächtnisschrift für Jürgen Rüdiger / Hrsg. U. Klug. u.a. 1978. S. 191–198.
117. Justice as a Lawyer's Concern // Indian Philosophical Quarterly. 1978. Vol. 5. P. 213–221.
118. Europa integriĝo kaj lingva justeco // Esperanto. 1978. No 875. P. 195–197.

119. Philosophische Überlegungen zu einer juristischen Theorie der Gerechtigkeit // Salzburger Jahrbuch für Philosophie. 1978/79. S. 229–235.
120. Theorie der gerechtigheid. Standaard Wetenschappelijke Uitgeverij. Antwerpen/Asterdam, 1979.
121. A Jurisprudential Panorama of Deontic Logic // Indian Philosophical Quarterly. 1979. Vol. 6. P. 197–201.
122. Semiotische Gediegenheit als rechtstheoretisches Anliegen: Ein "translinguistischer" Versuch // Rechtstheorie. 1979. Beiheft 1. S. 283–294.
123. Was darf und soll man von der Rechtstheorie heute erwarten? // Reasoning on Legal Reasoning / Eds. A. Peczenik et al. 1979. S. 95–104.
124. Praktisen päättelyn looginen pätevyys // Lakimies. 1979. Vol. 3. S. 262–268.
125. On the Time-dimension of Justice // Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto. 1979. Vol. 4. P. 97–106.
126. Über die Zeitdimension der Gerechtigkeit // Ius Humanitatis: Festschrift zum 90. Geburtstag von Alfred Verdross / Hrsg. H. Miehsler u.a. 1980. S. 263–272.
127. Was ist von der Rechtstheorie heute zu erwarten? // Rechtstheorie. 1980. Bd. 11. S. 9–15.
128. Ungerechtigkeit als Grenzsituation // Schopenhauer-Jahrbuch. 1980. Bd. 61. S. 30–36.
129. Zur Strategie und Taktik der Weiterplanung von Plansprachen // Paderborner Arbeitspapiere / FEoLL, Institut für Kybernetische Pädagogik. 1980. Bd. 57. S. 44–53.
130. Der Kampf um die Rechtsphilosophie // Tesaurus Acroasium: Modern Problems of International Law and Philosophy of Law: Miscellanea in Honour of Professor D. S. Constantopoulos, 1980. Vol. 4. P. 1953–1958.
131. Deontische Logik // Handbuch wissenschaftlicher Begriffe / Hrsg. J. Speck. 1980. Bd. I. S. 129–131.
132. De tegenformulemethode en haar rechtslogische toepassingen (met Gabriel Moens en Popke Brouwer samen) // Nederlands Tijdschrift voor Rechtsfilosofie en Rechtstheorie. 1981. Vol. 1. blz. 55–65.
133. Normativ Zwingendes in Gerechtigkeitskriterien // Philosophie als Wissenschaft: Paul Weingartner gewidmet / Hrsg. S. Morscher u.a. 1981. S. 413–421.
134. Die Freiheitsforderung als Kriterium der Gerechtigkeit // Aus Österreichs Rechtsleben in Geschichte und Gegenwart: Festschrift für Ernst C. Hellbling zum 80. Geburtstag / Hrsg. Rechtswissenschaftliche Fakultät der Universität Salzburg. 1981. S. 95–103.
135. Zur Philosophie der Gerechtigkeit. Frankfurt a. M./Bern: Verlag Peter Lang, 1982.
136. Friede als Rechtswert // Europäisches Rechtsdenken in Geschichte und Gegenwart: Festschrift für Helmut Coing zum 70. Geburtstag / Hrsg. Norbert Horn. 1982. S. 681–689.

137. International Peace as a Dream and as a Reality // Archiv f. Rechts- und Sozialphilosophie. 1982. Bd. 1. S. 6-12.
138. Per una filosofia della pace internazionale // Rivista Internazionale di Filosofia del Diritto. 1982. Vol. 1. P. 95-101.
139. Zum Naturrecht des naturgerechten Weges // Das Naturrechtsdenken heute und morgen: Gedächtnisschrift für René Marcic / Hrsg. Dorothea Mayer-Maly und Peter M. Simons. 1983. S. 931-940.
140. Meine Begegnung mit René Marcic über das Naturrecht // Das Naturrechtsdenken heute und morgen: Gedächtnisschrift für René Marcic / Hrsg. Dorothea Mayer-Maly und Peter M. Simons. 1983. S. 11-13.
141. Gerechtigkeit als Wegweiser der juristischen Auslegung // Auslegung — Einsicht — Entscheidung / Hrsg. Reimund Jakob und Erhard Mock. 1983. S. 3-12.
142. Die Weiterplanung von Plansprachen im Dienst des Rechts // Auslegung — Einsicht — Entscheidung / Hrsg. Raimund Jakob und Erhard Mock. S. 13-24.
143. Rechtserneuerung und Friede aus rechtstheoretischer Sicht // Rechtstheorie und Gesetzgebung: Festschrift für Robert Weimar zum 50. Geburtstag / Hrsg. Ilmar Tammelo und Erhard Mock.

Составил И. А. Исотамм

СЛОВО О ВОСПИТАННИКЕ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВАСИЛИИ ИВАНОВИЧЕ СИНАЙСКОМ

Ц. М. Ярвелаид

Принятию решения о публикации в нашем сборнике материалов о воспитаннике юридического факультета Тартуского (Юрьевского) университета *Василии Ивановиче Синайском* (1876–1949) послужили, как это бывает, множество частных причин и, можно сказать, целый ряд счастливых совпадений.

С именем В.И. Синайского я встретился впервые, когда был еще студентом юридического факультета Тартуского университета и собирал материал для дипломной работы о философско-правовых взглядах классика эстонской литературы А.-Х. Таммсааре*. Среди преподавателей факультета я обратил внимание на имя молодого тогда приват-доцента В.И. Синайского, который запомнился мне с тех пор в первую очередь как один из преподавателей будущего великого эстонского писателя.

Прошло некоторое время, и я снова встретился с именем В.И. Синайского в совершенно новом для меня контексте. Собирая материал для статьи о научных контактах юристов Тартуского и Латвийского университетов, мы с коллегой, доцентом Р.В. Апситисом, должны были осознать истинную роль В.И. Синайского в истории юридического факультета Латвийского университета. В самом начале 80-х гг. в Риге, конечно, знали имя В.И. Синайского как бывшего профессора Латвийского университета. Живы были и многие его бывшие ученики, в том числе и его ассистент, впоследствии профессор ЛГУ В.Е. Калнынь (1907–1981). Но в той политической обстановке о людях, эмигрировавших на Запад, говорить и писать было намного сложнее, чем сегодня. Правда, в узком кругу говорить уже было можно, но давать обширный анализ их деятельности (не “критический”, а положительный) и более того, публиковать о них материал многим казалось тогда не очень желательным. Мы с Р.В. Апситисом опубликовали свой материал с в 1985 г. [1, с. 86]. Как выяснилось потом, именно этот первый скромный текст, где

---

* А.-Х. Таммсааре учился на юридическом факультете Тартуского (Юрьевского) университета в 1907–1911 гг.

в нескольких строчках упоминалось имя В.И. Синайского, стал той нитью, которая сегодня приближает к воссозданию научной биографии В.И. Синайского.

А тогда человеком, который, прочитав наш материал, сообщил об этом проживающей в Бельгии дочери В.И. Синайского Наталии Васильевне Синайской и как бы связал тем самым порванные историей нити, стал проф. Д.А. Лёбер. Наталия Васильевна Синайская (магистр права и ученый славист) была для нас настоящей счастливой находкой. Она поняла нас не только как близкая родственница проф. В.И. Синайского, а и как ученый. Началась переписка, которая оказалась источником очень интенсивного обмена информацией. Но с самого начала переписки мне стало ясно и другое. Я осознал, насколько связаны между собой ученые не только одной страны, но и Европы. Новые данные о судьбе В.И. Синайского для меня были и новыми сведениями об истории Тартуского университета, об истории юридического факультета Латвийского университета, истории романистики и цивилистики России начала XX века, об истории института римского права при Берлинском университете, который готовил будущих профессоров римского права для университетов России в конце XIX столетия, и т.д.

Последним толчком в ряду счастливых совпадений стала встреча в Москве с молодым романистом Д.В. Дождевым, который, хорошо зная не только основные работы В.И. Синайского и — что не менее важно — имея представление о данном вопросе на общем фоне романистов не только России, но и Европы конца XIX и начала XX столетия, дал высокую оценку уже его самым ранним трудам (т.е. Юрьевского периода). Д.В. Дождев считает несправедливым, что работы В.И. Синайского в период их написания не попали в международный научный оборот — во многом этому помешало сложное время (1905–1907 гг.) — и то, что работы были написаны только на русском языке, а последнее не позволило несомненно интересным его идеям обрести истинное место в романистике своего времени (уже в европейском контексте).

Ознакомление с уже имеющимися материалами о жизни и деятельности В.И. Синайского привело меня к мысли, что описать сделанное одним этим человеком сегодня под силу только коллективу исследователей. Проблема в том, что многие моменты биографии В.И. Синайского затрагивают очень интересные, но пока не разработанные проблемы как истории юридической науки собственно России, так и Латвии, Украины и Эстонии. Поэтому было бы более эффективно работать коллективно. Исходя из последнего, хотелось бы наметить первоначальный план исследования жизни и деятельности В.И. Синайского.

В.И. Синайский
студент Юрьевского университета

В.И. Синайский
профессор Ленинградского университета (1940 г.)

План научной биографии В.И. Синайского (1876 – 1949)

- 1 гл. Детство и юность (От Тамбова до Монпелье).
- 2 гл. Студенческие годы на факультете Тартуского (Юрьевского) университета (1899–1903).
  - §2.1. Традиции романистики и цивилистики в Тартуском университете.
  - §2.2. “Берлинцы” и преподавание римского права в Тартуском университете (1889–1918).
- 3 гл. Начало научной и педагогической деятельности (1904–1910).
  - §3.1. Подготовка магистерской диссертации.
  - §3.2. Стажировка в Брюсселе (1906).
- 4 гл. В.И. Синайский — экстраординарный профессор римского права Варшавского университета (1910–1911).
- 5 гл. Научная и педагогическая деятельность на Украине (1911–1922).
  - §5.1. Профессор гражданского права и процесса Киевского университета Св. Владимира (1911–1917).
  - §5.2. В коммерческом институте.
  - §5.3. В Киевском юридическом институте (1917–1920).
  - §5.4. В социологическом институте.
- 6 гл. Научная и педагогическая деятельность в Латвии (1922–1944).
- 7 гл. Последний период жизни (1944–1949).

Самым важным для исследователей являются источники. Поэтому одним из ценнейших источников была бы малоизвестная до сих пор библиография работ В.И. Синайского, составленная его ассистентом в Латвийском университете, будущим доцентом Латвийского государственного университета, заслуженным юристом Латвийской ССР А.Я. Паварсом (1893–1971), которую приводим ниже.

Professoris atque iuris doctoris
Basilii SINAISKII
OPERA
1907 – 1938 [2].

Н.В. Синайская любезно предоставила нам следующий список работ, которые дополняют библиографию, составленную А.Я. Паварсом.

А. ПУБЛИКАЦИИ после 1938 года

Серия "Epistolae et logistorici"

- № 19 — Культура и право (Введение), Рига, 1939 (на русск. яз.).
№ 20-22 — Culture et droit au point de vue de la Science ancienne (abrégé), Riga, 1939 (en français).
№ 23-24 — Культура и язык, Рига, 1939 (на русск. яз.).
№ 25-27 — Культура и число, Рига, 1940 (на русск. яз.).

Б. ПОСМЕРТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

- Биография Проф. Др. прав В.И. СИНАЙСКОГО (1876-1949) и Библиография его основных научных трудов и статей. "Записки" Русской Академической Группы (ЗРАГ) в США, т. XIII, Нью Йорк, 1980. С. 196-204.
- Проф. В.И. Синайский, К проблеме терминологического языка, его образов и понятий (концепций) о древнем знании, мудрости и премудрости. (Исследование на основании Псалтири и Апостольских посланий, преимущественно Апостола Павла). ЗРАГ в США, т. XVIII, Нью-Йорк, 1985, с. 259-301.
- Проф. В.И. Синайский, Пушкин о праве, ЗРАГ в США, т. XX, Нью-Йорк, 1987, с. 197-206.
- SINAISKY, Vasily Ivanovitch (1876-1949) Temira Pachmuss, Russian Literature in the Baltic between the world wars, Slavic publishers, Inc., Columbus, 1987, p. 362-376.

В 1989 г. в Риге вышла маленькая брошюра "Профессор Синайский Василий Иванович: научная и педагогическая деятельность" из серии "История юридической мысли в Латвии (20-е — 30-е гг. XX в.)", автором которой является профессор Латвийского университета Л.К. Бирзиня [3].

Л и т е р а т у р а

1. Алсйтис Р., Ярведайд П. Влияние Тартуского университета на создание отделения правовых наук в Латвийском университете // Вопросы истории Тартуского университета. — Тарту, 1985. — Вып. 16: Научные связи Тартуского университета. — С. 84-89.
2. Pavars A. Professoris atque iuris doctoris Basilii Sinaiskii opera 1907-1938. — Riga, 1939.
3. Birzina L. Profesora Vasilija Sinaiska zinātniskā un pedagogiska darbība. — Rīgā, 1989.

ПУШКИН О ПРАВЕ*

В.И. Синайский

(1876 — 1949)

І. Брак и любовь

Нет более высокого уважения к памяти человека, чем постоянно носить в своем сердце его слова, понимая весь глубокий их смысл. Все внешнее выражение уважения к его памяти — лишь только тень, бросаема его личностью. Много путеводных слов сказано Пушкиным, явившихся в результате его глубокого размышления. Некоторые из них особенно близки нам, как то:

“Пройдет любовь, настанет скука”

(из письма к И. Гончаровой от 4 ноября 1830 г.

Цитата из “Кавказского пленника”, ч. 2)

Или:

“Но я другому отдана; я буду век ему верна”.

В этих своего рода формулах выражено решение глубокой проблемы: любовь и брак — той проблемы, которую люди решают, почти без исключения, каждый в своей личной жизни.

Сердцеед Пушкин, вступая в брак, в одном из писем к Вяземской в мае 1830 г. писал, что его любовь к Наталии Гончаровой есть 103-ья любовь. Мы можем, поэтому, поверить Пушкину не только как гениальному человеку, но и как человеку большого опыта в делах любви.

В том же письме Пушкин различает два вида любви, отме-

---

* Настоящая работа из личного архива автора, любезно предоставленная редакции Записок его дочерью Н.В. Синайской, представляет собой доклад, прочитанный в 1937 г. в Риге по случаю “Дня русской культуры”, посвященного столетию со дня смерти А.С. Пушкина. Текст доклада печатается с исправлением некоторых мелких неточностей в цитатах. Записки русской академической группы в США. — Нью-Йорк, 1987. — Т. XX. — С. 197-206.

чая, что первая всегда есть дело чувства, а вторая — страсти. Первая, иногда смешная и даже, б.м., глупая, остается в памяти человека все же очаровательной, последняя же принадлежит, очевидно, к числу горестных замет сердца. Вообще же любовь есть наша свобода, не сдерживаемая даже честным словом.*

Напротив, брак есть долг, обязанность, которую человек принимает на себя и, следовательно, в этом смысле ограничение нашей свободы. Другими словами, любовь и брак — две стороны человеческой жизни: свободной и несвободной. Брак есть правовой институт и, следовательно, здесь мы сталкиваемся непосредственно с правовым воззрением Пушкина.

Как известно, брак есть договор; так ныне он и нами понимается, как совершаемый в виде регистрации нашего торжественного обещания быть супругом другого лица. Но для Пушкина этот договор выделяется из всех других договоров тем, что это обещание не просто торжественное, публичное, но клятвенное, т.е. мистическое таинство. Поэтому брак без церковного освящения есть только обыкновенный договор, т.е., строго говоря, и не брак. Как таинство, он есть предопределенность людей к браку: "суженого конем не объедешь". В браке действует сама судьба. В целом ряде рассказов, Пушкин проводит эту основную для него мысль (в особенности в "Метели"). Все то, что мы объясняем случайными обстоятельствами в деле вступления в брак, есть на самом деле действие неведомой нам судьбы, соединяющей людей в браке.

Вследствие этой таинственной предопределенности брак есть соединение людей на всю жизнь, как дополнение одного другим. Если, тем не менее, человек разрывает все же брачный союз, то он лишает себя величайшего дара судьбы, идет неправильным путем в жизни, коверкает свою жизнь.

"Но я другому отдана; я буду век ему верна". Это и значит принятие дара судьбы, использование коего и есть для человека наивысшее удовлетворение в жизни, как бы брачная жизнь ни сложилась: радостно или горестно. В *Дубровском* Мария Кирилловна выражает ту же мысль:

"Я дала клятву, князь — мой муж... Пустите нас".

---

* См., например:

...Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.

(*"Египетские ночи"*)

Последние слова "пустите нас" показывают, что человек через брак, как таинство, перестал уже быть "я", которое, как свободное до брака, слилось теперь с другим "я" — человеком, превратилось в "мы" (пестите нас), утратило часть своей свободы в дополнении себя другим. Серьезные брачные драмы в том и состоят, что супруг сохраняет свое "я", т.е. свою свободу в браке, подобно свободе в добрачной любви. В этом-то и состоит неправильное понимание брака, как простого договора контрагентов: "я" и "я", но не "мы".

Из правильного же понятия о браке ("мы") вытекает и содержание брака — долга, в смысле принятой ответственности (взаимной). Пушкин, в Капитанской дочке, дает пример выполнения этого долга: "вместе жить, вместе и умирать", говорит Василиса Егоровна в ответ коменданту Ивану Кузьмичу, своему мужу. И она на деле это показала, не покинув его и приняв вместе с ним мученическую смерть.

Ныне все это звучит несколько старомодно. Но и старое золото остается все же золотом, тогда как новая медь не больше как медь. И если мы откинем понимание Пушкиным существа брака, как клятвенного долга: "быть мы", то от брака ничего не остается, как только договор двух зарегистрированных "я", т.е. жить вместе, пока хочет каждое из этих двух "я". Выполнение долга, в частности, означает у Пушкина основание семьи, т.е. новой организации, при которой рождение детей расширяет это брачное "мы". Дети часто не понимают существа семьи и стремятся утвердить в ней свое "я", они лишены в этом случае сознания и чувства долга. Отсюда бесконечные родительско-детские драмы.

Из изложенного здесь вкратце ясно правовое воззрение Пушкина на семейное право. Если сами родители выполняют свой долг как супруги в отношении друг друга, то и дети на этом примере учатся тому же самому семейному долгу, в силу той же судьбы, давшей им жизнь от данных родителей.

В связи с изложенным, Пушкин определяет и ценность истинной любви вне брака. Она выражается также в возможности уничтожения своего "я". Истинная любовь в браке или вне его есть самопожертвование, т.е. отдача своей жизни другому или ради другого. И Пушкин в "Египтских ночах" показывает истинную сущность этой любви: за одну ночь отдается на утро жизнь. Женщина только тогда удовлетворена в любви, когда она чувствует, что ее любовник может не пожалеть ради нее своей жизни или хотя бы своей короны. В браке этой жертвы не нужно, ибо там жертвенного отдельного "я" уже нет, там есть "мы". И жертва приносится уже не ради другого "я", а ради этого "мы" (семьи).

Короче говоря: любовь в браке обыкновенно существует и развивается ("стерпится — слюбится"), но сила брака в том и заключается, что брак может и должен оставаться в силе и тогда, когда любовь отсутствует или утрачена, ибо брак есть долг в своем существе, таинственная связанность судьбой, предопределенность. Не в любви только счастье, но и в исполнении своего долга, в честности, в сохранении своего достоинства и уважения к самому себе, как человеку.

"Пройдет любовь, настанет скука", но в браке, если бы и прошла любовь, остается дело долга совместной жизни, воспитание детей, и в ней нет места скуке. Любовь не вечна; брак вечен, навсегда, и — не только, б.м., здесь на земле.

О разводе, в частности, Пушкин говорит прямо:

*"Но не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода:
Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа..."*

(*"К Г. Родзянко"* 1825 г.)

Понимание Пушкиным брака выражено давно уже юристом Модестином как общение на всю жизнь, как общий жребий судьбы (*consortium*) по человеческим и божеским законам.

II. Договор и его санкции

Договор есть главный вид юридической сделки, санкцией которого являются те невыгодные материальные последствия в случае неисполнения или даже ненадлежащего его исполнения. В связи с договорным правом Пушкин выражает более глубокое понимание и самого права. Его санкцией является добрая совесть (*Bona Fides*) как внутренний мотив. В "Гробовщике" он дает тому интересный пример, своего рода казус.

Гробовщику был заказан дубовый гроб. Однако он ухитрился послать сосновый гроб вместо дубового. Казалось бы, данный обман самый надежный. Родственники в горе, где им там обследовать качество гроба. На третий день гроб в земле и все концы в воду.

Но в подсознании обманщика-гробовщика осталась его недобросовестность. И вот, на его несколько смелый зов, к нему пожаловали покойники, похороненные в проданных им гробах. Среди неожиданно явившихся гостей пожаловал и один скелет, как раз того человека, который был похоронен в сосновом гробу.

Он не в обиде; был, повидимому, добрый человек, хотя и видел себя в таком печальном виде по вине гробовщика, сравнивая себя с другими покойниками в сохранившихся мундирах, похороненных в более крепких, дубовых гробах. Он хочет обнять

гробовщика, поблагодарить его сердечно все же за сделанный ему гроб. Гробовщик резко отталкивает его (совесть не чиста). Скелет рассыпается и сам гробовщик падает на него и в ужасе просыпается. Оказывается все это был только сон. Пережитый ужас есть наказание, санкция договора — заказа, основа которого недобросовестность, оставшаяся в подсознательной области.

Этим Пушкин хочет показать, что лица, недобросовестно относящиеся к выполнению договоров, вообще действующие недобросовестно и внешне, казалось бы, не реагирующие на совесть, тем не менее, там, где-то глубоко, в своем подсознании, несут внутреннюю санкцию договора.

Проблема совести вообще проходит у Пушкина через целый ряд его произведений ("Утопленник", Борис Годунов и др.) Мы видим и увидим еще, что она занимает одно из главных мест в правовом воззрении Пушкина. Теоретически здесь дело не идет о каком-то "минимуме этики в праве", а об этическом обосновании самого права, его оправданности и его необыкновенной силе вне и внутри (и в сознании и подсознании человека). Как бы ни были многочисленны суды, без этой внутренней этической санкции ни одно право не могло бы быть более или менее полно реализовано. Отсюда естественно, что и правовое воспитание должно занимать большое место в семье, школе и вообще в обществе.

III. Удовлетворение

Но зоркий глаз Пушкина остановился и на внешней стороне правовых институтов. В "Выстреле" он дает нам пример того, что сам по себе внешний институт не достигает еще цели без учета его внутренней цели. В данном произведении он рассматривает институт дуэли, как право восстановления попранной чести другим человеком, т.е. как акт восстановления достоинства человека. Убить на дуэли оскорбившего — это еще не значит восстановить вполне свою честь по существу. Сильвио, после того как его противник выстрелил в него вторично, отвечает не выстрелом, а словами: "Я доволен, я видел твое смятение, твою робость, я заставил тебя выстрелить по мне [т.е. вторично, на что он не имел права — В. С.], с меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совести". Тут он было вышел, повествует далее Пушкин, но остановился в дверях и выстрелил, не целясь, в ту же картину, простреленную перед тем его противником, стрелявшим в него, но промахнувшимся.

Характерно, что при первой дуэли, оскорбивший противник явился с черешнями, выстрелил в Сильвио, дал промах и после того спокойно стал есть черешни. Убить его ничего не

стоило первоклассному стрелку Сильвио. Но он, разумеется, с согласия своего равнодушного к жизни противника, оставил за собой выстрел, чтобы дожидаться того момента, когда последний ухватится за жизнь и проявит трусость, унижение своего достоинства. И после того, как его противник, граф, женился на любимой женщине, он явился к нему осуществить свое право выстрела. Он добился своего. Противник унизил себя, даже стрелял вторично. С таким человеком больше нечего считаться. Пусть теперь мучает его совесть, этот высший судья.

IV. Наказание и Немезида

В рассмотренном случае с дуэлью ясна идея наказания. Наказание состоит не в уничтожении противника, а в том, чтобы вызвать в нем через сознание его неправоты раскаяние. Это, пожалуй, та же идея, что выражена у Достоевского в его *Преступлении и Наказании*. Уголовное право и должно иметь свою целью вызвать раскаяние и этим исправить человека. Но Пушкин признает и прямо Немезиду в тех случаях, когда человек потерял окончательно образ человеческий, т.е. лишился благодати наказания. Преступник получает тогда кару в виде своего уничтожения. В том же *Дубровском*, продажные и лживые судебные деятели, не уважающие закона, гибнут в пожаре. И в то время, как тот же самый человек [Архип], жертвуя своей жизнью, спасает из пожара кошку: ("Божья тварь"), он отказывается то же самое сделать, когда Егоровна просит его спасти судейских: "Архипушка, спаси их, окаянных..." Он отвечает ей: "Как не так". Для окаянного человека нет уже наказания, которое могло бы на него воздействовать. Он просто вычеркивается из жизни самой судьбой, перестав даже быть Божьей тварью. Мысль Пушкина, таким образом, ясна: и наказание, как благо не для всех, в особенности же не для тех, кто, постоянно применяя законы, пользуется ими для достижения своих выгод. Следовательно, судебская и адвокатская совесть в особенности требует быть на страже закона. Их правовая этика в этом случае, так сказать, Пушкиным квалифицируется.*

---

* В связи с романом *Дубровский*, небезынтересно заметить, что материалом для судебного дела между старым Дубровским и его богатым соседом Троекуровым послужил некий процесс, рассматривавшийся "в Козловском уездном суде в октябре 1832 г." и подлинный судебный документ о постановлении суда, копию которого "Пушкин без переделок, заменив только имена, включил во вторую главу романа, вложив ее в рукопись, даже не переписывая" (см. А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в десяти томах*, т. 6 [Л.: "Наука", 1978], "Примечания к тексту", стр. 527). Ред.

Признавая совесть, как основу правосознания, Пушкин влагает в уста своего героя слова:

“... Ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить.
Ничто, ничто... едина разве совесть”.

И далее:

“Да жалок тот, в ком совесть нечиста!”

Борис Годунов

V. Публичный порядок: власть и народ

Вообще публичное право, как порядок жизни, раскрывается у Пушкина в “Истории села Горюхина” и “Истории Пугачевского бунта”. Мысль Пушкина о повиновении публичным законам (порядку) и вообще законам выражена следующим образом: “Человек, не повинующийся законам рассудка и привыкший следовать внушениям страстей, часто заблуждается и подвергает себя позднему раскаянию”. Здесь идет речь, правда, о законах рассудка, но они-то и лежат в основе человеческих законов.

Самые же правила общественного порядка понимаются Пушкиным как такие, на коих основано общественное счастье или достоинство человеческое (см. Пушкин — критик, изд. Академии, 1934, стр. 216). И еще: Закон не вмешивается в привычки частного человека. Закон карает одни преступления, оставляя слабости и пороки на совести каждого (там же, стр. 376).

В частности, о цензуре он писал: “Цензура есть установление благодетельное, а не притеснительное; она есть первый страж благоденствия частного и государственного, а не докучливая нянька, следующая по пятам шаловливых ребят” (там же, стр. 380).

Принципы публичного порядка выражены Пушкиным следующим образом:

- (1) Достоинство есть всегда достоинство, и государственная власть требует его возвышения.
- (2) Неуважение к предкам [следовательно и к учреждениям предков. — В.С.] есть первый признак безнравственности.
- (3) Начальство не обязано смотреть на разбойников с их романтической стороны.
- (4) Женщина имеет право на важные предметы общественной жизни [т.е. участия в ней. — В.С.].
- (5) Так как общественный порядок есть порядок охранения достоинства человека и его счастья, то обязанность правительства (власти) возвышать через просвещение человеческое достоинство.

Таковы задачи власти и самого народа, поддерживающего порядок. Как только народ действует без здравого смысла, он становится чернью и начинается бунт. Бессмысленный народ и есть чернь. "Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный". Но тот же народ, следующий рассудку здравому, есть уже народ, а не чернь, бунтующая в поисках материальных благ.

Указанное различие в понимании Пушкиным народа очень важно. Ему иногда бросают упрек в пренебрежении к народу (см. его стихи "Поэт и толпа"). Но отсутствие здравого смысла Пушкин как раз видит в исключительной материальности, узком эгоизме. В том же стихотворении "Поэт и толпа" он говорит о народе бессмысленном, для которого печной горшок всего дороже. Но сам же Пушкин в другом своем стихотворении говорит: "И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в наш жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал". Без народа нет власти, нет публичного права, но народ должен следовать здравому смыслу, иметь законы, основанные на этом смысле... Короче, правовой порядок, публичный в особенности, должен быть законом рассудка, мудростью законодателя. Такова основная мысль Пушкина в понимании им правового человеческого порядка.

VI. Высший Закон-Судьба (*Jus Divinum*)

Но человеческий порядок, основанный на рассудке (*Jus humanum*), подчинен высшему таинственному порядку — судьбе (*Jus divinum*). Пушкин неоднократно возвращается в своих произведениях к судьбе, как своего рода божественному праву, различая в нем, однако, две силы: добрую и злую.

Так как человек наделен правом выбора (свобода), то он может защитить себя от злой силы, например, молитвой ("Домик в Коломне"). Идея судьбы, как высшего порядка, есть обоснование порядка человеческого. Вследствие этого наш относительный человеческий порядок получает свое обоснование в абсолютном порядке — судьбе. Мы видели выше, что человеческий брак есть отражение, так сказать, небесного брака в том смысле, что в человеческом браке есть предопределенность (суженость). Бунт против божественного порядка, осуществлением коего является человеческий порядок, влечет за собою в лучшем случае наказание, в худшем — потерю разума ("Медный всадник", сумасшествие Евгения) и даже уничтожение (казнь Пугачева). Гринев чувствует злую силу судьбы Пугачева, с коим он таинственно связан (Капитанская дочка) он пытается предохранить его от злой силы, но напрасно, ибо Пугачев принял злую силу судьбы в своем выборе из двух сил: доброй и злой.

Все это показывает, что понятие судьбы у Пушкина не исключает человеческой свободы и что судьба есть в сущности высшая норма жизни в ее двух проявлениях (динамике): положительном (добрая сила) и отрицательном (злая сила). Первое проявление судьбы — благостное (действующее, например, в браке), второе — вредящее человеку и даже его уничтожающее в потоке времени.

Воля судьбы, как высшего правопорядка, направлена ко благу человека. Но она не абсолютна, ибо тогда человек был бы рабом добра, лишенным свободы. Злая сила преодолима, как мы видели; высшая добрая предопределенность есть только благодатная, но она дана лишь в отдельных случаях (например, в браке).

Вообще же возмущение судьбой, как выбором одной из двух сил ее, не должно, поэтому, иметь места ("Моцарт и Сальери"). Тем не менее судьба таинственна (таинственный порядок). Не всем природа (судьба в проявлении) доступна для ума и для сердца; не всякий поэтому может

В ее таинственную грудь,
Как в сердце друга, заглянуть.*

Для этого необходимо "созвучие ума и сердца" (там же). Эти слова вполне применимы и к человеческому праву — порядку. В правильном выполнении известного закона культура требует того же созвучия. На пути этого созвучия стоит гордость, к нему верною рукою ведет смирение перед законом божеским и человеческим ("Цыганы"; ср. статью "Джон Теннер", где Пушкин-критик говорит об уложении (порядке) американского народа).

Таковы, в самых общих чертах, мысли Пушкина о праве. Они представляют собой целую правовую систему, как одно целое, с ее обоснованием в высшем божественном правопорядке.

---

* Пушкин цитирует этот стих Веневитинова в своей статье о Киреевском.

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В. И. СИНАЙСКОГО

Воспоминания дочери

Над смертью вечно торжествует
В ком память вечная живет...

Вячеслав Иванов

Мой отец родился в Тамбовской губернии 25 июля 1876 г. в скромной семье сельского священника и скончался 21.9.1949 г. в Брюсселе (Бельгия).

В положенный ему отрезок времени между небытием и вечностью провел он плодотворную жизнь, посвятив себя науке, которую страстно любил, педагогической деятельности в университетах и других высших учебных заведениях, студентам, которых любил наравне со своей семьей, общественной жизни и помощи людям в разных ее видах, стараясь никому не отказывать, кто бы ни обращался к нему за советом, ходатайством, сочувствием и т.п., тяжело переживая свое бессилие, когда, по не зависящим от него обстоятельствам, не мог прийти на помощь просившему.

Детство его было рано омрачено безвременной кончиной матери, а затем и отца. В 14 лет он остался круглым сиротой. Будучи старшим из пяти детей, он рано осознал свою ответственность перед жизнью и необходимость поскорее стать на ноги, чтобы помогать братьям и сестре. Его дядя по матери, Спасский, предвидел для него духовную карьеру, но еще в семинарии, где он обучался с августа 1891 г. по июнь 1897 г., он и его товарищ Н. Н. Бурденко, будущий нейрохирург и профессор кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии Тартуского университета и член Академии наук СССР, стали склоняться к выбору профессии врача, чтобы непосредственно служить людям, посвятив себя борьбе с раком. С этой целью, по окончании семинарии, они оба отправились в город Монпелье (Франция), известный своим славным медицинским факультетом. Средств у них почти не было и по-французски они не говорили, изучив этот язык по самоучителю Туссэна-Лангеншейда, но молодежи, полный сил, энергии и оптимизма, свойственно дерзать: "Денег нет, французского языка не знаем, но зато есть молодость

и воля!" — рассуждали они.

В 1897 г. их приняли на первый курс медицинского факультета, где в то время училось много русских студентов и студенток-медичек. В конце первого семестра им надо было написать клаузуру. Обоим казалось, что написали плохо и спрятались за спины своих французских коллег. Каково же было их удивление, когда профессор милостиво их подозвал и представил французам, как блестящий пример воли к знанию.

Поражала их веселость нрава и шаловливость студентов французов. В аудитории амфитеатром вдруг один из них оставлял свое место и, смешно прыгая и имитируя пение петуха, на корточках спускался к кафедре профессора, который, снисходительно улыбаясь, прерывал свои объяснения в ожидании того, пока шаловливый студент не вернется тем же манером на свое место к общему веселию аудитории. Эта свобода отношений между профессорами и студентами поражала русских первокурсников, еще не забывших строжайшей дисциплины у себя на родине, в средних учебных заведениях и в университете, который считался храмом науки, из которого за беспорядки студентов исключали, чаще на время.

В конце учебного года, когда он провалился из-за своих слишком смелых "творческих" опытов по химии, перед моим отцом встала дилемма: остаться на второй год во Франции и продолжать образование на свои средства, которых не было, или вернуться в Россию. Он принял второе решение, к которому его побудило еще одно личное обстоятельство. Дело в том, что оба друга увлеклись одной и той же русской студенткой-медичкой, отдавшей предпочтение Бурденко. Надо ли говорить о том, что испытывало юное сердце, глубоко раненное первым разочарованием в любви? "Стоит ли жить?" — говорил он себе, глядя на водную поверхность пруда, освещенного луной. Но все его молодое тело содрогалось при мысли о ненужной, глупой смерти. Пересилив себя, он отбросил мысль о самоубийстве, вспомнив о своем долге перед народом, которому собирался посвятить свою жизнь. На другой день, собрав свои вещи и дружески попрощавшись с товарищем и его будущей женой, проводившими его на поезд, он уехал в Париж, полюбившийся ему на всю жизнь, где он пробыл месяц и откуда, истратив последние деньги, вернулся на родину к дяде.

По возвращении в Россию он решил переменить факультет по двум мотивам: во-первых, ему не зачили учебного года, проведенного во Франции, а, желая поскорее стать на ноги, он говорил себе: "Из моей жизни я не могу и не хочу терять ни одной минуты, не говоря уже о годе, поэтому буду изучать право", полный курс которого продолжался 4 года, а не 5, как на ме-

дицинском. Во-вторых, и это главное, юридический факультет давал возможность стать адвокатом, т.е. непосредственно служить людям аналогично деятельности врача, следовательно, он мог выполнить свой моральный долг перед народом и при юридической специальности.

Его выбор пал на Юрьевский университет, куда принимали окончивших духовную семинарию и где занятия уже велись на русском языке, который стали постепенно вводить с 1889 г. Согласно архивным данным, он был зачислен студентом юридического факультета 26 января 1899 г. Он был серьезным студентом, с головой ушедшим в науку. Будучи сиротой, он сознавал серьезность предстоящей жизни. Однако он не был пессимистом, верил в свои силы и смело шел вперед по избранному пути.

Оптимистом он оставался всю жизнь и приводил в пример разное поведение двух лягушек, упавших каждая в стеклянную банку с молоком. Пессимистка сказала себе, что все пропало и, покоровшись своей судьбе, пошла ко дну и захлебнулась. Оптимистка барахталась до тех пор, пока не сбила молоко в масло, и, взобравшись на него, выпрыгнула из банки.

Но мирное течение жизни в Юрьеве иногда нарушалось студенческими волнениями, забастовками, исключением на время из университета, арестами и высылками на 2 – 3 года студентов, принимавших активное участие в “борьбе за свободу народа”. После одной недозволенной сходки, на которой открытым голосованием было единогласно принято решение о забастовке, при выходе был арестован и впоследствии сослан вместе с другими младший брат моего отца. В конце концов волна репрессий докатилась и до него. Накануне первого государственного экзамена у него был произведен обыск, он был арестован и посажен в одиночку по обвинению в подготовке забастовки. Неизвестно чем бы это кончилось, если бы один из профессоров не поручился за него, убедив отпустить его как способного и многообещающего студента. Но он не смог уже продолжать государственных экзаменов и потерял год до следующей весны, когда успешно окончил университет. 1 апреля 1903 г. ему было выдано свидетельство о том, что он прослушал весь курс юридического факультета, а диплом об окончании университета он получил 30 мая 1904 г.

Тот же самый профессор (Е. В. Пассек), обративший на него внимание, в частности, за его смелую критику Моммзена, предложил ему продолжать университетскую карьеру. Действительно, будучи студентом старшего курса и изучая Моммзена, мой отец заметил, что у последнего один и тот же закон или одно и то же событие были указаны под разными годами, и пришел к выводу, что эти расхождения в хронологии следует объяснять

различными календарными системами. Этой теме он посвятил в дальнейшем несколько своих исследований [1].

22 сентября 1904 г. он был оставлен при Юрьевском университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре римского права на 2 года, начиная с 1 января 1905 г.

Ему очень повезло, что в то время в числе ученых сил университета были такие специалисты по этому предмету, как А. С. Кривцов и В. В. Пассек, получившие свою подготовку как преподаватели римского права в Институте римского права при Берлинском университете, который специально был организован в конце 19 в. для подготовки соответствующих кадров для университетов России. В течение четырех лет он занимался под постоянным наблюдением и руководством проф. Е. В. Пассека, будущего ректора Юрьевского университета с 1905 г. по 1907 г. К сожалению, он не рассказывал, в чем состояло руководство этого умного ученого.

Однако его продолжала манить адвокатская деятельность. В период подготовки к университетской карьере мой отец записался в помощники присяжного поверенного при Московском округе и стал заниматься адвокатской практикой в одном из губернских городов России, кажется, в Смоленске.

Адвокатура

В течение первого полугодия у него не было частной клиентуры, он вел уголовные дела воров-рецидивистов в качестве казенного защитника по назначению. По первому делу, исходя их социального устройства общества, отец горячо просил о снисхождении. Председатель в своем резюме выдвинул мотив о защите общества от воров-рецидивистов. Однако молодой горячий голос защитника произвел впечатление: наказание было смягчено. Во втором деле (кража калош) он добился полного оправдания и торжествовал, что есть еще в мире общественная совесть. Однако каков же был его ужас, когда позднее он узнал, что его оправданный впоследствии убил кого-то. Молодой защитник осознал, что косвенно эта смерть лежала на совести и его самого. После этого несчастного случая он стал впервые колебаться, продолжать ли ему адвокатскую практику, но тогда эта мысль еще не созрела в его сознании, чтобы оставить деятельность, в которой он чувствовал себя нужным и полезным людям.

Со временем у него стали появляться свои клиенты. Так, однажды по совету швейцара суда к нему обратилась крестьянка с просьбой взять на себя защиту мужа, в нетрезвом виде убившего своего соседа. Прокурор требовал строгого наказания. Допросив свидетелей, защитник нарисовал образ подсудимого

как честного, доброжелательного, обычно непьющего крестьянина, которого подпоили, совершившего преступление в нетрезвом состоянии и т.п. Наказание он получил минимальное.

Вскоре после этой защиты председатель суда предложил молодому помощнику присяжного поверенного пойти по прокурорской части, как защитнику общества и государства. Он говорил, что необходимо соблюдать синтез между частным и общественным интересом, с предпочтением последнего. Мой отец отказался.

— Жаль, — ответили председатель суда. — Вы оказали бы большую услугу обществу и народу, большую бы сделали карьеру.

— Карьеру! — воскликнул мой отец. — Я бы презирал себя, если бы желал ее.

— Не горячитесь, молодой человек, опыт многому учит.

За этим делом последовал целый ряд других, в частности, в военном суде. Так, во время Русско-японской войны он был назначен казенным защитником солдата, обвинявшегося в краже церковной утвари и святотатстве. Такие преступления карались каторжными работами. Молодой защитник представил дело в ином свете. Отправляясь на фронт, солдат в нетрезвом состоянии зашел в открытую церковь помолиться и захватил с собой крышечку с крестом от кадила и икону не с целью обогащения, а в надежде, что они спасут его на войне. Защитник указал на веру солдата в священные предметы и на отсутствие намерения их утаить, т.е. украсть, поскольку он их показывал, выходя из церкви.

После заседания председатель военного суда выразил защитнику благодарность от имени судебной коллегии за то, что он избавил их от возможной судебной ошибки.

— Вы спасли человека! — сказал он.

Солдат был наказан гауптвахтой на две недели.

Снова Юрьев

Однако, несмотря на успехи и хороший заработок (на третий год своей практики он уже зарабатывал 12.000 золотых рублей в год, хотя с неимущих не брал гонорара), его влечет к себе наука и профессура. Он возвращается в Юрьевский университет, переходит на оклад в 1.200 зол. рублей в год и садится за научную работу, необходимую для получения права на чтение лекций. Но мирное течение его жизни снова прерывается разразившейся в 1905 г. революцией, взрыв которой был особенно яростным в Прибалтике. Около полутора лет занятия в университете были прерваны. По совету сведущих лиц, во избежание

возможных репрессий, испросив разрешение факультета, молодой ученый через Финляндию должен был уехать в Бельгию, где занимался научной работой в Королевской библиотеке и в библиотеке Социологического института Сольвей в Брюсселе. Проведя около года за границей (в 1906 г.), он возвращается в Юрьев и в мае 1907 г. сдает экзамен на магистра римского права, а 2 сентября 1907 г. защищает диссертацию (*pro venia legendi*) на тему "Подушный надел в древнем Риме" [2]. 6 сентября 1907 г. он стал приват-доцентом Юрьевского университета, а 20 сентября прочитал вступительную лекцию "Положение замужней женщины в современном гражданском праве" [3]. В 1907, 1908 и 1909 г. он читал лекции по гражданскому праву.

2 декабря 1908 г. его магистерская диссертация "Очерки из истории землевладения и права в древнем Риме" (ч. I) [4] была допущена к защите, которая состоялась в Юрьеве 10 декабря 1908 г. Оппонентами выступали профессора Е. В. Пасек, А. С. Кривцов и А. С. Невзоров. 8 мая 1909 г. он был избран факультетом на кафедру гражданского права и судопроизводства в качестве профессора, но, видимо, не последовало еще утверждения министра на профессорское звание в Юрьевском университете, т.к. 2 августа 1910 г. он назначен экстраординарным профессором Варшавского университета по кафедре римского права, а осенью 1911 г., по приглашению университета Св. Владимира, он переходит на кафедру сначала торгового права, а затем гражданского права в Киеве, где в 1913 г. защищает докторскую диссертацию "Очерки из истории землевладения и права в древнем Риме" (ч. II) [5]. Кроме того, в 1915 г. выходит другой интересный труд, явившийся плодом его долготлетних исследований и командировки на Кавказ, под заглавием "Древне-римская община в сравнении с казачьей общиной" [6], за которым следует "Русское гражданское право" [7] в двух выпусках. Помимо лекций он ведет основанный им в университете старший научно-исследовательский семинар по вопросам гражданского права, труды которого были опубликованы в Киеве в трех томах.

Наряду с работой в университете он читает лекции в двух высших учебных заведениях: в коммерческом институте, на высших женских курсах, где преподает торговое право, гражданское право и гражданский процесс. В 1917 г. он был основателем и директором Киевского юридического института, преобразованного в 1920 г. в социологический, где читает также курс социологии.

**Рига. Латвийский университет
(1922 - 1944)**

По приглашению Латвийского университета он переезжает в 1922 г. в Ригу, где занимает кафедру гражданского права в качестве ординарного профессора.

**Педагогическая деятельность
профессора В. И. Синайского**

В течение первых 5 лет иностранным профессорам разрешалось читать лекции по-русски, затем они переходили на латышский язык. В начале каждого учебного года проф. Синайский давал сперва введение, в котором развивал общие принципы гражданского права, затем переходил к углубленному изучению одной из частей своего предмета. В следующем году он останавливался на другой части и т.д. Практически это сводилось к тому, что не только студенты старшего курса, готовившиеся к государственным экзаменам и знавшие его требования исключительно по учебникам [8] считалась недостаточной, но и оставленные при университете (аспиранты), ассистенты, молодые приват-доценты и докторанты тоже приходили его слушать, т.к. он всегда вносил что-нибудь новое в свои лекции, которые говорил свободно без записок даже тогда, когда перешел на латышский язык.

Относясь к студентам, как к своим "младшим коллегам", проф. Синайский считал своей задачей не просто подготовить их к разрешению тех или иных казусов, но и научить их научно мыслить, чтобы в дальнейшем они были бы не сухими догматиками, а до некоторой степени "творцами" правовых норм, когда к тому представится случай.

Помимо лекций программа по гражданскому праву предусматривала 2 семинара: посещение первого из них было обязательным, и он ставил себе задачей научить студентов (обычно их бывало около 100 человек) анализу юридических норм и применению их на практике. Для зачета требовалось проанализировать 6 юридических казусов, академических или взятых из практики, а кроме того, написать теоретическую работу или представить комментарий к некоторым сенатским решениям. Семинар вел сам профессор с помощью ассистента, сначала это был К. И. Чаксте, впоследствии читавший курс гражданского права на отделении народного хозяйства факультета.

Но кроме этих обязательных практических занятий профессор Синайский вел, как и в Киеве, необязательный научно-

исследовательский семинар по гражданскому праву, предназначенный для студентов последнего курса, аспирантов, ассистентов, молодых приват-доцентов и докторантов. Занятия происходили 2 раза в месяц по 4 часа, за "круглым столом", за стаканом чая, который приносил служитель.

Задачей этого семинара было научить его участников (их бывало до 20 – 25 человек) научно работать, самостоятельно исследовать какой-нибудь гражданско-правовой вопрос, представить доклад на какую-нибудь тему из новейшей науки гражданского права, а также принимать активное участие в анализе рефератов, представленных другими участниками семинара. В своем резюме проф. Синайский давал свой анализ и методологические указания. Заключение семинара иногда публиковались в юридической прессе.

Так как он был интересным лектором, но строгим, хотя и справедливым экзаменатором, его лекции привлекали множество слушателей и аудитория обычно была полна. Привожу отрывок из письма ко мне одной из его бывших студенток, В. Ю. Дзелзитис-Шмидт, тепло вспоминающей своего профессора: "Мы, студенты, ждали их (лекций) с нетерпением и интересом. Даже если мы знали наперед, о чем проф. Синайский будет читать, мы никогда не знали, как и что он скажет ... Не спеша входил он в аудиторию, поднимался на кафедру, останавливался и окидывал взглядом студентов. В ответ на их приветствия (принято было шаркать ногами) на лице у него появлялась такая особая "знающая" и немного лукавая улыбка. Потом он садился, закрывал глаза и, когда в аудитории воцарялась тишина, негромким голосом произносил или короткую фразу, или даже только одно слово, которое должно было характеризовать сегодняшнюю лекцию. Это всегда было неожиданное яркое сравнение, оригинальная метафора, ключ к пониманию принципов, о которых будет речь в лекции. Это не только помогало нам понять сущность предмета, но и привязывало нашу память к предмету, облегчало запоминание и "зубрежку".

На семинарах, где контакт с профессором был интенсивным и непрерывным, в особенности на старшем семинаре, на котором количество участников было ограниченным, профессор имел обыкновенно прерывать свою речь вопросом по существу, направленным к определенному студенту. Как ждала я и как боялась этих вопросов! Боялась не найти быстрого и хорошего ответа; ждала потому, что своим вопросом профессор высказывал свое доверие к твоим способностям найти ответ. Если действительно удавалось найти меткий ответ и прочесть одобрение во взгляде профессора, как разгорался наш "академический энтузиазм", как поднималась вера в свои умственные силы, как легко каза-

лось постичь всю премудрость!

Лекции его нас увлекали еще и потому, что как бы сух и формален ни был предмет, профессор всегда ставил в центр его Человека (Человека с большой буквы). Этого Человека он видел в каждом студенте и умел вытянуть его из самых глубин подсознания на поверхность.

На своем семинаре он говорил: "Знать хорошо, но важно понять. А чтобы понять, надо уметь думать ... Кто умеет думать, сможет понять и свое место в мире и заметить и истолковать вехи на своем жизненном пути.

Его научная и педагогическая деятельность проходила в рамках двух культур — русской и латышской, но его способность мышления не знала пределов, поднимая вопросы, относящиеся как к глубокому прошлому человечества, так и к его будущему. Его лекции и беседы были богаты своеобразными мыслями, интересными выводами, порой слишком высоко парящими над практической работой юриста.

Но то, что привлекло студентов в лекциях и семинарах профессора Синайского, отпугивало их от его экзаменов. Экзаменационные вопросы никогда не ограничивались текстом учебников или содержанием лекций. Студенты должны были показать не только знание предмета, но и способность юридически мыслить. Предмет нужно было и усвоить, и продумать. Разумеется, примитивная зубрежка была недостаточной подготовкой/.../ Экзамены были устные, и их можно было держать или у самого профессора Синайского, или у молодого профессора, его ассистента, к которому стремилось большинство студентов ввиду того, что у профессора Синайского можно было зубрить весь предмет и все-таки провалиться. Так как зубрежка мне всегда была трудна и противна, экзамен у профессора Синайского был для меня всегда праздником. Для примера приведу такой вопрос: "Если бы наше латвийское законодательство приняло в чистом виде такой-то закон римской догмы..., каков был бы практический результат? Какое влияние на общество? Мог бы этот закон функционировать в наше время? Должны ли мы были или нет ввести этот закон? Почему? Дайте мне ваш анализ ...".

Не случайно на обложке экзаменационной программы по гражданскому праву стоял эпиграф: "Счастье не помогает тому, кто не работает".

Государственные экзамены по гражданскому праву проходили перед комиссией, состоявшей из двух-трех профессоров. Присутствовал и ассистент.

Когда я сдавала этот экзамен, мой отец вышел (считалось неэтичным экзаменовать своих детей) и мне задавал вопросы проф. К. И. Чаксте не только по программе, но и проверяя мою

способность мыслить, выводить свое заключение и иметь свое суждение. К счастью, я ответила на отлично (*loti sekmīgi*), не посрамив имени моего отца.

По воспоминаниям прежних воспитанников Латвийского университета о методе подготовки своих ассистентов к преподавательской деятельности, заслуживает внимания следующее наблюдение, сделанное Л. Вирзиней и др. На экзаменах всегда присутствовал ассистент. Профессор сидел за столом и экзаменовал студента, а ассистент сидел рядом с профессором, вопросов не задавал, а только слушал. Когда студент заканчивал свой ответ, то профессор спрашивал мнение своего ассистента о показанных экзаменуемым знаниях (учил оценивать, а также проверял попутно и знания ассистента).

Помимо гражданского права, проф. Синайский все время читал еще особый практический факультативный курс "Методологии юридических наук", предмет, который в то время можно было встретить в программах лишь немногих западноевропейских университетов. В частности, он разработал методологию для исследования латышских народных песен (*дайнас*), о которых опубликовал несколько статей [9].

После выхода в отставку проф. Фрезе, преподававшего историю и догму римского права, и кончины заменившего его Александра Буманиса (1881 – 1937) и до получения научной степени кандидатом В. Е. Калнынем (в 1939 г.) факультет поручил временное преподавание этих предметов проф. В. И. Синайскому, и он с радостью взялся за любимое дело. Считаясь авторитетом по гражданскому праву, он был также специалистом по римскому. Напомним, что его магистерская и докторская диссертации, а также множество других трудов и статей были посвящены этому предмету (см. библиографию).

В то время я уже давно сдала римское право у проф. Фрезе и, к сожалению, не посещала лекций моего отца, хотя бы из интереса, поэтому у меня не сохранилось личных воспоминаний о том, как он преподавал этот предмет, и я отсылаю любознательного читателя к брошюре Л. Вирзини, бывшей студентки моего отца, из которой, с любезного разрешения автора, позволяю себе привести два отрывка: "Проф. Синайский очень любил свои предметы. Он стремился научить нас уважать юридическую науку, напоминая нам латинское изречение: *Jus est ars boni et aequi*" (Право — наука (букв. искусство) о добре и справедливости) [10]. Он высоко ставил личность юриста, в частности его этические качества. Так, Л. Вирзиня вспоминает, как он приводил в пример ответ, полный мужества, прославленного юриста Эмиля Папиньяна: "Убив своего брата Гета, предполагаемого престолонаследника, и чтобы смыть с себя это кровавое преступление,

император Каракалла велел Папиньяну найти оправдательные мотивы его поступку. Папиньян понимал серьезность положения. Если он оправдает императора, то погибнут его слава юриста, честь и авторитет, если он откажется — ему грозит смерть. Что делать? Его ответ вошел в историю как высочайшая юридическая максима: *Non tantum facile parricidium excusari posse, quam fieri*. (Легче совершить убийство, чем его оправдать). Каракалла велел отрубить ему голову". [10]

На своих лекциях и семинарах проф. Синайский стремился расширить кругозор студентов, дать им более широкий взгляд на жизнь, развить их духовные и душевные качества, столь же необходимые юристу, как и теоретическое знание предмета и его практическое применение.

Кроме лекций и семинаров, по инициативе проф. В. И. Синайского факультет включил в программу несколько платных часов в месяц, предназначенных для приема и бесед со студентами, нуждавшимися в руководстве. Собеседования эти происходили в специально оборудованном для научно-исследовательской работы кабинете, находившемся в одном из университетских зданий, кажется, на Церковной ул. (Вазницас иела). В кабинете стоял большой стол, стулья, полка с необходимыми книгами, клубное кресло, подаренное студентами моему отцу не помню по какому случаю, а на стене висел его портрет — большая увеличенная фотография, кажется тоже подарок.

Это нововведение, ценившееся молодежью, считалось признаком "прогрессивного" духа факультета, так же как и его современная концепция с двумя отделениями: народного хозяйства (экономическим) и юридическим.

Наконец, следуя традиции, принятой в русской университетской среде, оставленные при университете (аспиранты) и ассистенты имели доступ к профессору и у него на дому.

Что касается методики преподавания, то он следовал проф. Пассеку (Юрьевский университет), говорившему: "Надо так читать лекции, чтобы их могла понять лошадь, если бы она находилась в аудитории". И действительно он читал, вернее, свободно говорил так систематично и ясно, подчеркивая главное, что его изложение было легко записывать. При этом его взор был обращен к студентам, привлекая этим их внимание. Между профессором и аудиторией был постоянный контакт. На своих семинарах он учил студентов анализу (фактическому и юридическому), умению систематизировать материал, формулировать, делать синтез, а главное, он учил самостоятельно думать.

Кроме Латвийского университета, он читал лекции и в других высших учебных заведениях в Риге: на Русских университетских курсах, основанных проф. Арабажиным и преобразованных

в Русский институт университетских знаний, в Институте практических знаний, в Народном университете. В течение 4-х лет был юрисконсультom Министерства финансов, в Министерстве юстиции принимал вначале участие в комиссии по разработке Латвийского гражданского кодекса. Был основателем и председателем Общества поощрения общественных наук *Aequitas* (Эквитас), а с 1928 г. основателем и руководителем журнала "Jurists" (Юрист) на латышском языке; был сотрудником журналов *Tieslietu Ministrijas Vestnesis* — TMV ("Вестник министерства юстиции") на латышском языке, "Закон и суд", единственного за рубежом русского юридического журнала, основанного П. Н. Якоби и др., а также некоторых русских и латышских газет "Сегодня" и "Сегодня вечером", "Слово", "Jaunākas zinas" (Последние новости), "Brīva zeme" ("Свободная земля") и других.

Состоял постоянным сотрудником издававшейся в Риге на латышском языке "Латышской энциклопедии" (*Latviešu konversācijas vārdnīca* — LKV), где, в частности, вел отдел римского права. Неоднократно бывал в научных командировках во Франции, Бельгии, Италии, Чехословакии, Румынии и др. За границей состоял членом научных обществ: "Société d'histoire du droit" (Общество истории права) в Париже, "Comitato scientifico della Rivista di diritto agrario" (Ученый комитет журн. агр. права) во Флоренции, "Istituto di studi legislativi" (Институт по изуч. законодательства) в Риме, "American Academy of political and Social sciences" (Американская академия политических и социальных наук) в Филадельфии. Принимал участие в международных съездах ученых.

Научная деятельность проф. В. И. Синайского

Как сам он говорил, он любил науку больше всего, со всем пылом молодой души, которую сохранил до конца жизни. Увлекался наукой, он имел обыкновение обдумывать интересовавшую его тему или вопрос или выдвигать гипотезу не только у себя в кабинете, за столом, но в любой момент, например, по дороге в университет или из университета, куда ходил всегда пешком (приблизительно 25 мин. ходьбы бодрым шагом). Бывал так погружен в свои мысли, что не замечал или не узнавал встречных знакомых, что вызывало чувство обиды у некоторых из них. Обладая хорошим здоровьем, он никогда не пропускал лекций, говоря: "Какая бы ни была погода, профессор, как солдат, всегда должен быть на месте" [10, с. 20].

Его научная деятельность развивалась в четырех направлениях: его основные труды относятся прежде всего к римскому и гражданскому праву, предметам, в которых он разработал свои

теории, но кроме того он занимался исследованием старинного фольклора и некоторыми аспектами древней культуры, в частности, его интересовали истоки и происхождение того или другого института, явления, факта.

а) Что касается римского права, то, в отличие от догматиков, он пытался доказать, что грандиозное построение римского права не было создано по определенному плану, но выросло в процессе исторического развития из норм положительного права, действовавших, с одной стороны, в публичном, с другой — в гражданско-правовом обществе, причем автор особенно подчеркивает то, что в древние времена сакральное право, находившееся в ведении юристов-жрецов, имело большее значение, чем светское право, что объясняется теократическим построением древнеримской жизни. В светском же праве, по его мнению, следует различать разные "слои", из которых древнейшим является так называемое квиригское право, носившее военно-сакральный характер; многие институты частного права выросли из публичного права, когда с расширением древнеримской государственности замкнутое квиригское братство (община) стало народным братством (*populus*).

Право квиригской общины было любовью его юности, но и впоследствии он не раз возвращался к этой теме, опубликовав на французском языке целый ряд исследований, посвященных квиригской и народной общинам, а также другим вопросам римского права (см. библиографию).

б) В области гражданского права, долголетним профессором которого он состоял в Юрьевском, Киевском и Латвийском университетах (более 35 лет), своей научной задачей он считал не чистую догматику права, а изучение его основных принципов, их развитие и реализацию не только в системе действующего права, но и в определенной гражданско-правовой среде, в так называемом нормативном гражданско-правовом обществе, в его основных принципах, статике (организации) и динамике (деятельности), центром которой является юридическая сделка [11].

Его основные труды по гражданскому праву:

упомянутое выше "Русское гражданское право", изданное в Киеве, выдержавшее два издания, которым, по слухам, пользовался сам Вышинский [7].

"Основы гражданского права в связи с частью III Свода узаконений, действующих в Латвии и Эстонии" в двух выпусках, изданных в Риге по-русски [8]. В этом фундаментальном труде, в первой части, автор развивает свою теорию.

"Civiltiesības" (гражданское право) [Пролегомена — Введение], изданное в Риге по-латышски [8]. В нем он развивает ос-

новые принципы гражданского права.

Следует также указать на многочисленные статьи в журналах "Юрист", "Вестник министерства юстиции" (по-латышски), "Закон и суд" (по-русски) и др. (подробнее см. в библиографии, а также в ук. соч. Л. Вирзини, с. 7 – 9).

В области фолклора

Хотя всю свою жизнь В. И. Синайский был профессором-юристом и хотя его научные труды относятся прежде всего к юридической области, однако, будучи ученым широкого профиля, он не ограничивался лишь вопросами права, а посятил ряд своих исследований изучению старинного фолклора, в частности юридического, в котором видел хранилище древнего научного знания.

Вопреки распространенному мнению, приписывающему создание многих форм старинного фолклора исключительно творческой фантазии народа как коллективного автора, В. И. Синайский видел в них источник древней науки, носившей теократический характер.

Ученые-жрецы, знавшие законы астрономии, в частности закон прецессии, и следившие за "движением неба", устанавливали календарные системы, согласуя с ними культовые церемонии, за которые они были ответственны так же, как и за организацию общественной жизни. Они же преимущественно являлись безличными авторами гимнов, псалмов, мистических драм, эпоса, сказок и других видов так называемого древнего фолклора. С целью его сохранения это научное культовое знание облекалось в такую форму, которая была бы краткой, занимательной, доступной для усвоения народом, знавшим лишь устную традицию, для точной передачи из поколения в поколение. В частности, малые народы, заброшенные острова, тундра, кайма материков... хранят в наиболее чистом виде остатки древней культуры.

В древнем фолклоре и мифологии он различал два вида: 1) сакральный (культовый) и 2) светский. Для изучения их он пользовался изобретенными им методами, изложенными в его неопубликованной работе "Техника юридической методологии" (§§41 – 43 из которой привожу следующий отрывок: 1) "Культовый материал находится в связи с календарным как особым подвигом, наиболее типичным для сакрального фолклора (то же в отношении мифологии). В силу календарного характера фолклора и мифологии, по преимуществу обрядовых, мы имеем дело с формами права. 2) Светский же фолклор, как более поздний во времени, надо думать, ближе к современному светскому праву ... Лирический материал, как связанный с любовью,

смертью, свадьбами, является важным для семейного, частью наследственного права. Напротив, бытовой материал помогает установить публичное право гражданской общины, договорное, деликтное, вещное и вообще частное право". "Для установления общих норм наиболее ценный материал — это изречения, пословицы, поговорки, частью загадки. В изречениях, как вообще формулах мудрости, правовые положения получают особую ценность в смысле характеристики древнего права". И далее: "Борьба богов, героев и т.д. дает материал для установления судебного права (процесса), доказательства испытанием — особенно любопытны".

В плоскости сказаний о борьбе героев вскрываются иногда институты и уголовного права. Так, в сказании о борьбе трех Горациев с тремя Куриациями победитель Куриаций за убийство своей невесты приговаривается отцом к смерти. Но наказание производится символически. "Были установлены 2 столба с перекладиной в форме как бы греческой буквы П. Провожение осужденного отцом Горация через эти "ворота" было достаточно для его спасения и в то же время приведения номинально приговора в исполнение. В культовом праве преступление имело сакральный характер. Преступник подлежит наказанию, как жертва божеству. Поскольку указанная форма вроде буквы П представляла собой жертвенник, очевидно, Гораций был принесен в жертву, проходя через указанные ворота. (Символическое наказание в его использовании)".

"Что касается различия в чисто фольклорном и мифологическом материале, то оно сводится к наибольшему выражению в мифологии календарного элемента, как космоса, так и метаморфизма". Метаморфоза в особенности характеризует мифологический материал. "Для права — идея метаморфозы не исключает консерватизма. Метаморфоза меняет лишь образ божества, героя, героини, но образы остаются (старый культ, старое право). Однако метаморфизм иногда ведет к смене культа, т.е. прежних обрядов и прежнего культового права, поскольку метаморфозность в календарном праве (фасты) есть возвращение божества, героя, героини в прежний его образ, но как новый календарный, сезонный тип божества, героя, героини" (с. 91 — 93).

Этих примеров достаточно, чтобы показать какой интерес представляет старинный фольклор, сказания, эпос и т.п. для историка права и исследователя народного творчества.

Из работ по фольклору проф. В. И. Синайского следует указать на "Юридический фольклор", опубликованный по-французски в анналах Л. У. [12] и на незаконченную "Теорию фольклора как древней науки" тоже по-французски, опубликованную в Италии [13], а также на ряд статей, из которых три

посвящены анализу с юридической точки зрения латышских народных песен “дайнас” [9], в которых он пользуется сравнительным методом. По его мнению, изучая “дайнас”, следует их сравнивать с литовскими и русскими народными песнями и даже искать параллели в “мировом эпосе”. В народных латышских песнях проф. В. И. Синайский усматривает как юридические элементы, так и этические, моральные и бытовые нормы. Можно радоваться тому, что семя по научному изучению фольклора, упавшее на плодотворную почву, дало свои всходы в трудах двух прямых последователей моего отца Арведа Швабе и Вольдемара Калныня, которые продолжали научное исследование латышских “дайнас”.

г) Четвертое направление его научно-исследовательской работы относится к изучению некоторых аспектов древней культуры, которые привлекли его внимание как логическое продолжение его исследований по фольклору, являющемуся хранилищем и выражением древней культуры не только в своих формах, но и в своем содержании. “Фольклор связывает нас с прошлым человечества, — говорит он, — отражает своеобразие мышления и строй древней культуры”. И далее он делает вывод, что “наша связь тогда как ее наследников, покажет нам духовное родство с далеким прошлым и мы почувствуем себя менее безродными, а наша короткая жизнь покажется нам длиннее, когда мы “мыслью века измерим” [14].

В 30-х — начале 40-х годов им был издан у А. Гулбиса в Риге, в рамках основанной им серии “Epistolae et logistorici” (непериодический журнал), ряд небольших брошюр, озаглавленных “Культура и право” (1939), “Культура и язык” (1939), “Культура и число” (1940). В рукописи осталась “Культура и письменность” (“Schrift und Kultur”) по-немецки, которая была принята на соискание премии в Академии в Париже, но премии не получила и, по просьбе отца, была ему возвращена после войны в Брюссель. Она находится в архиве автора.

Культура и право

На заглавной странице ежемесячного журнала “Jurists” (“Юрист”), основателем и руководителем которого был проф. В. Синайский, стоит эпиграф “БЕЗ ПРАВА НЕТ КУЛЬТУРЫ, БЕЗ КУЛЬТУРЫ НЕТ ИСТИННОЙ ЖИЗНИ”.

О соотношении права и культуры он не раз высказывался [15], проводя различие между культурой и цивилизацией, понимая под первой внутреннее духовное построение общественной жизни, под второй — внешнее, материальное. Действительно, по мнению автора, “этимологически и исторически, понятие куль-

туры связано с древним культом, его поэзией и драмой и т.д., т.е. с внутренней духовной стороной человеческой жизни, тогда как слово "цивилизация" (от *Cives* — граждане, горожане) указывает на городской быт — на внешнее усвоение этого быта, как варварами, так и сельским населением ..., приобретшим внешний вид горожан. Право, входящее в понятие культуры, является великой, внутренней человеческой ценностью ..."

[16].

Однако "идея закона (права) не произвольна. Человеческой воле (человеческому праву) положены некоторые пределы в высшем осознании "надчеловеческого права", которое ныне переживается, как смутное чувство Высшей Справедливости ... Наиболее крепки законы не те, за которыми стоит лишь принудительная сила, а те, которые основаны на Высшей Правде. Только такие законы входят сами по себе в сознание человека, являясь культурным правом, а не просто цивилизованным, внешним" [17]. И далее он поясняет: "Надо желать, чтобы каждый гражданин, живя в правовом обществе и понимая великое значение права, как культурной ценности, в своей частной жизни ... стремился не только сам жить в праве, но и подавать пример сознательного и добросовестного его исполнения. В особенности эта задача должна лежать на всех применяющих право, на судьях, адвокатах и т.п., как защитниках права и вместе с тем самой культуры" [18].

Приведу еще отрывок из этой давно распроданной книги: "Современной цивилизации присущи механизация и автоматизм, содействующие универсализму. Международные организации, съезды готовят все более и более сознание в людях общечеловечности, единства человеческой семьи ... Возникает мало-помалу кодекс новой жизни, как прекрасной, общечеловеческой. Это — путь общечеловека; ему даны огромные возможности в устройении своей прекрасной, внешней, личной и социальной жизни, неотделимых друг от друга" [19].

Это было написано в 1938 г.!

В своей брошюре "Культура и право" (1939) он подходит к вопросу с точки зрения древней науки, связанной с языческим культом, мифологией, фольклором как формой выражения древнего знания людьми науки — жрецами, имевшими понятие об астрономии и создававшими не только литературу, т.е. поэзию, драму, ритмические танцы (культовые церемонии), но и формы права. Будучи ответственными за организацию общественной жизни, они создавали формы права, которое автор называет "культовым".

В брошюре "Культура и язык" (1939), автор стремится показать, что "некогда существовал древний язык культового,

т.е. научного происхождения и что при более или менее большем единстве знания, к которому всегда стремилась наука, этот язык в той или иной мере стал общим достоянием древности. Этот научный язык, как связанный в своем генезисе с движением неба, был не только более или менее общим уже в силу этого движения, но и языком высшего стиля в отличие от простонародных языков. Он был к тому же литературным языком, и просвещение делало его, через культ и литературу, достоянием народных масс ...” Вылины, в частности, отражают то, что было в текучем времени, в культовых формах ... Поэзия была прежде всего источником сохранения и передачи потомству древнего знания ... В ее сознании, в древности, принимали самое живое участие жрецы — люди науки, являясь преимущественно ее творцами” (с. 29). По мнению автора, “многое в безличной литературе приписали народу (фольклор) как коллективному автору. На самом же деле, люди науки переводили иероглифы (буквы) на поэтические образы, их поэзия была в устах народа одним из лучших средств сохранения древнего знания” [20].

Говоря о праве, он указывает, что “многие формы права могут также быть поняты глубже в их историческом развитии ... Самое понятие о системе у древних окажется иным, чем у нас. Мы ищем в системе внутреннего порядка, и потому открывается возможность субъективного подхода к систематизации в зависимости от разных точек зрения. У древних системы имели объективный характер, как определяемые самим ходом природы, отмечаемой по движению “небесной грамоты”. Проблема систем древних источников есть одна из тех, которая требует своей постановки во всей ее широте и глубине. Материалы же к тому имеются” [21].

Из трех исследований, представленных в сжатой форме (резюме), наиболее интересным является “Культура и число” (1940).

По мнению автора, в древности число было “качественным” и культовым. Исходя из этой предпосылки, он приводит следующие числовые системы (числовой метод) для более глубокого познания форм и вообще строения древней культуры. Он различает системы основные и производные. Основные исходят из ряда цифр от 1 до 13 и подразделяются на: монистическую, дуалистическую, трилогическую, тетралогическую, пенталогическую, эктологическую, септалогическую, октологическую, енналогическую, декалогическую, ендекалогическую, дуодекалогическую и трискайдекалогическую [22, с. 5]. В зависимости от применения системы вытекает характер и обозначение культуры, например, “дуалистическая, троичная или трилогическая и т.д.” [22, с. 6 — 30]. На вопрос, почему число проникало так

глубоко во все стороны культуры, автор отвечает: "Потому что культ был центром древней культуры. Отсюда вышли иероглифическое письмо, счет, орнамент, песня, музыка, драма, вообще литература, архитектура, этика и философия (так сказать культовая культура)" [22, с. 31]. И далее на вопрос, каким образом число отразилось на праве как специальной области культуры, автор дает следующий ответ: "Право в древности было по своему характеру делом жреческой юриспруденции (в Риме, например, эта юриспруденция существовала почти до 2-й половины 2-го столетия до н.э.)" [22, с. 31]. "Наказание (число ударов) находится в связи с числовой системой, и давность имеет ту же связь". "Светское право долгое время находится под влиянием жреческого права, и не только в смысле формы, но и идей" [22].

Все эти идеи, изложенные в сжатой форме (резюме), представляют собой постановку вопроса и метод для дальнейшей разработки на другом материале представителями нового поколения, имеющими возможность использовать новые открытия, в частности, в области археологии и истории обширной древней культуры разных народов. Ими могут заинтересоваться не только юристы.

В заключение хотелось бы добавить несколько слов об его отношении к науке и его манере работать. Его пытливый ум и широкий полет мысли не дали ему замкнуться лишь в юридической области. От истории римского права он логически перешел к гражданскому праву, затем к изучению сначала юридического, а потом общего фольклора, наконец, от него — к исследованию некоторых аспектов древней культуры. В этом отношении ему помогали знания в области других дисциплин (истории, мифологии, филологии, методологии, философии, социологии и т.д.), а также античных языков (греческого, латинского и древнееврейского) и языческих культур.

Науку он любил ради науки, не заботясь ни о признании, ни о распространении своих теорий. Отличаясь большой трудоспособностью и быстрым ритмом работы, он почти каждый год публиковал свои исследования в анналах Латвийского университета, главным образом по вопросам истории римского права, не считая трудов по гражданскому праву, изданных у Вальтерс и Рапа, и многочисленных статей, печатавшихся в юридической прессе и других изданиях.

По случаю его 60-летия и 40-летия его университетской деятельности в Риге была издана наиболее точная и полная библиография его трудов и статей под заглавием

Professoris atque iuris doctoris
BASILII SINAISKI OPERA
1907 – 1938,

составленная его ассистентом Александром Паварсом и содержащая около 500 названий [23].

Такая плодовитость объясняется, во-первых, его исключительной трудоспособностью (он работал с увлечением и без усталы), во-вторых — условиями и ритмом работы. За годы жизни в Риге он собрал большую библиотеку, в которой имелись, в частности, разные энциклопедии и почти все нужные ему книги, так что не приходилось тратить время на розыски в библиотеках. Однако летом он иногда ездил в Париж, где работал в Национальной библиотеке. Кроме того, один пожилой русский библиофил по фамилии Тиранов разыскивал и покупал для него книги у букинистов.

Когда в его уме созревал план нового исследования, он садился за свою старую излюбленную пишущую машинку с переменным шрифтом (латинским и русским) фирмы Хаммонд и двумя пальцами очень быстро печатал первый вариант текста, который затем исправлял, а если вносил много изменений и дополнений, то перепечатывал его целиком или частично.

Свои работы по-французски он писал сам, отдавая проверить с точки зрения языка одной милой французенке-педагогу. Работы на немецком и латышском языках переводились с русского.

На упрек, который ему иногда ставили, что в его работах по истории Рима и фольклору выдвинуты смелые гипотезы, он отвечал: "Нельзя забывать, что ученые только потому открывают, описывают и обрабатывают факты, чтобы их понять с помощью той или иной более или менее вероятной гипотезы, научная критика которой всегда помогает ее дополнить. Без гипотез не обходятся даже точные науки". (Цит. по статье А. Швабе "Памяти видного юриста", газ. "Латвия", № 99/323, 12.10.1949 г.).

В другой статье он сам пишет: "Легко отвергнуть какую-нибудь гипотезу, как простую фантазию, но лучше подвергнуть ее критике и разработать свою гипотезу, чтобы содействовать развитию научной мысли". (Цитата взята из ук. соч. Л. Бирзини, с. 23).

Общественная жизнь

Помимо университетской работы и лекций в других высших учебных заведениях, мой отец, будучи очень общительным человеком, принимал живое участие в общественной жизни, как русской, так и латышской. Он выступал на "Днях русской культуры". В 1937 г. по случаю столетия со дня кончины Пушкина, его доклад был посвящен "Пушкину о праве", т.е. правовым воззрениям поэта сквозь призму его творчества. Из русской литера-

туры он больше всех ценил Пушкина и Достоевского, о которых упоминает в своем труде "Civiltiesības" (Гражданское право, с. 282 – 287) в разделе "Равенство перед законом и плохой гражданин", указывая в заключении, что "при помощи преступления (негативный акт) ни при каких обстоятельствах нельзя ни делать добро, ни увеличивать массу добра" (цит. из ук. соч. Л. Бирэни, с. 17).

Давал он и бесплатные консультации в "Обществе духовной помощи", созданном по частной инициативе, состоял председателем "Общества ревнителей искусства и старины "Акрополь", основанного при его участии. Как в Риге, так и в провинции читал он общедоступные публичные лекции на разные темы, которые впоследствии были им систематизированы и опубликованы в виде небольшой книги, вышедшей сначала на латышском, а затем на русском языке под общим заглавием "Жизнь и человек", (философско-психологические очерки, посвященные современному человеку). (См. примеч. 24). По собственным словам автора, он любил эту книжку, "как свое дитя, считая ее синтезом своих размышлений о том, как жить достойно имени человека".

В первой части речь идет о его природе, строении личности, ее видах, нормальных и ненормальных. Во второй — о его жизненных положениях (статусах), в третьей об его исканиях (динамика) в области любви, счастья, смысла жизни, творчества и т.д. По словам автора, "эта книга является своего рода кратким и общедоступным пособием к познанию человеческой жизни ("человечесловие") вообще и своей — в частности, и ее цель — посылить помочь людям на их многотрудных жизненных путях ..."

В заключение приведу цитаты из этой давно распроданной книги, характерные для мировоззрения автора, верившего в необходимость "соединения своего малого "я" с большим человеческим "Я" и даже со всей вселенной":

"... Быть субъектом жизни — не значит только родиться, имея внешний образ человека, но своими усилиями сделаться человеком, включив в себя "общечеловека" и даже всю вселенную через слияние с нею, как максимальное осуществление своей личности..." (с. 29). И в другом месте: "... тот, кто признает общий план жизни, тот, в частности, большей частью, долготелен, даже "случайности" как будто берегут его. Во всем для него есть смысл... Только в холодном одиночестве своей отделенности и от людей, и от всего в мире человек ощущает бессмыслицу жизни, и это потому, что смысл жизни не в отделенности, а во всем богатстве и разнообразии частей целого. И тогда человек понимает, что такое честь и достоинство..., что такое долг, как великая сила, возвышающая человека, рож-

дающая в нем истинное уважение к самому себе и ведущая за собою спокойную, полную достоинства встречу той гостыи, которая придет в свое время, чтобы дать покой человеку до нового пробуждения в вечном плане всего возвращающегося к жизни ...” (с. 149 – 150).

Сознавая приближение своей кончины, он принял ее спокойно и достойно, согласно своему мировоззрению, успев проронить: “Все будет хорошо”, — что указывает на присущий ему оптимизм и на веру в победу созидательных начал в мире над разрушительными. В его пантеистической философии не было места страху смерти. По его убеждению, сознание, “лишенное бренного тела”, продолжает жить.

Он скончался у себя дома от повторного сердечного приступа, окруженный вниманием своих близких и заботами врача, 21 сентября 1949 г. в Брюсселе, куда переехал после войны из Праги.

Наталия Синайская

Брюссель, 20 апреля 1989 г.

Примечания

1. См. Библиографию (1907 – 1938), составленную Александром Паварсом. — Рига, 1939.
2. Синайский В.И. Подушный надел в древнем Риме. — Юрьев, 1907.
3. Синайский В.И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. — Юрьев, 1910.
4. Синайский В.И. Очерки из истории землевладения и права в древнем Риме. — Юрьев, 1908. — Т. I. (магистерская диссертация).
5. Синайский В.И. Очерки из истории землевладения и права в древнем Риме. — Киев, 1913. — Т. II. — (докторская диссертация).
6. Синайский В.И. Древне-римская община в сравнении с казачьей общиной. — Киев, 1915.
7. Синайский В.И. Русское гражданское право. — Киев, 1914. — Вып. I; Киев, 1915. — Вып. II. — 2-ое издание; Киев, 1917. — Вып. I. — Киев, 1918. — Вып. II.
8. См. В.И. Синайский, Основы гражданского права в связи с частью III Свода узаконений, действующих в Латвии и в Эстонии. — Рига, 1924. I. — Рига, 1926. — Вып. II. — V. Sinaiskis, Civiltiesības Latvijas vispārējo civiltiesību zinātniskā apstrādājumā. I. Vispārējie civiltiesību pamati (Prolegomena) / Гражданское право в научной обработке Общего Латвийского гражданского права. I. Общие основы гражданского права / Прологомена /. — Rīga: Valters & Rapa, 1935.
9. См. Статьи, помеченные под № 53, 110 и 475 в Библиографии, составленной А.Я. Паварсом (1893 – 1971), ассистентом проф. В.И.

- Синайского в ЛУ, а позднее доцентом гражданского права в ЛГУ.
10. L. Birzina. Prof. V. Sinaiska zinātniskā un pedagogiskā darbība, L.V.U. — Rīga, 1989, 19 — 20 / Л. Бирзиня. Научная и педагогическая деятельность проф. В.Синайского. — Рига: ЛГУ, 1989. — С. 19 — 20 /
  11. V. Sinaiskis. Civiltiesiska sabiedrība ka civiltiesību zinātnes prieksmēts un vinas veidi. — Jurists. 1931. — N 4(29), aprīlis. Гражданско-правовое общество, как предмет науки гражданского права и его виды. — Юрист. — 1931. — № 4(29), апрель.
  12. Анналы ЛУ [L.U. Raksti] Серия фак. нар. хоз. и права. — 1931. — Т. I, № 4. — С. 553 и сл.
  13. Annali dell Istituto Orientale di Napoli. — Napoli, 1932. — Vol. V. SIEM. — 1933. — Vol. VI.
  14. Синайский В.И. Культура и язык. — Рига, 1939. — С. 29.
  15. См. Л. Бирзиня, ук. соч. С. 13 — 15.
  16. Синайский В.И. Жизнь и человек. — Рига, 1938. — С. 108 — 109.
  17. Там же, с. 109.
  18. Там же, с. 110.
  19. Там же, с. 113 и “О человеке и общечеловеке”. — С. 24 — 29.
  20. Синайский В. Культура и язык. — Рига, 1939. — С. 29.
  21. Там же, с. 28. В связи с этим см. также V. Sinaiski. Ordres des matières dans la législation de Justinien. — Studi in memoria di Aldo Albertoni. — Padova, 1923. — Vol. I CEDAM.
  22. Синайский,; Культура и число. — Рига, 1940. — С. 31.
  23. См. Примеч. 1.
  24. См. Примеч. 16. Прежде эта книжка вышла по-латышски в изд. Гублис под заглавием “Dzīve un cilvēks”. — Рига, 1937.

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ ПРОФЕССОРА ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА СИНАЙСКОГО С ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМИ УЧЕНЫМИ

**Научные контакты устанавливались при встречах
на съездах, а также путем переписки.**

В Риге, в рабочем кабинете отца, обставленном полками с книгами, на стене налево от большого письменного стола красного дерева, под фотографическим портретом его матери, всегда висела фотография с автографом известного швейцарского ученого Эжена Хубера (Eugène Hubert, 1849 – 1923), которого отец высоко ценил как законодателя и составителя швейцарского гражданского кодекса (ZGB). Он был с ним в переписке и в общем разделял его взгляды как кодификатора. Он горько оплакивал его кончину и посвятил ему статью, опубликованную в “Вестнике Мининстерства юстиции” (TMV) [1].

Насколько помню, во Франции у него были связи с четырьмя профессорами, с которыми он познакомился в Париже. Самым старшим из них был известный маститый ученый проф. Эдуард Кюк (Cuq), написавший весьма лестную рецензию на его работу “Квиритская община” (La cité quiritaire), опубликованную в парижском “Revue archéologique”, Т. XX, 1924. Он пишет, что в своей работе проф. Синайский “опубликовал синтез своих 20-летних исследований о происхождении Рима и римского права, коснулся многих новых проблем, разрешение которых открыло новый путь для выяснения одного из наиболее темных институтов древнего Рима — Квиритской организации” [2].

При личной беседе в Париже (насколько я помню, мой отец сделал ему визит), проф. Кюк ободряюще отнесся к его научным исследованиям по истории римского права и посоветовал ему не писать объемистых томов, которых, по его словам, никто не читает, а ограничиваться небольшими по объему книгами. Следуя его совету, с тех пор отец стал писать очень сжато, что иногда рецензенты ему ставили в упрек.

По поводу другой его работы “Chronologie et historiographie de Rome dans leurs rapport mutuels” (Хронология и историография Рима в их взаимоотношениях) другой рецензент парижского “Revue archéologique” (Т. XXII, oct. – déc. 1925, p. 327) отме-

тил "оригинальные идеи автора и что будущим историкам Рима надо будет принимать во внимание его работы". Причем он добавляет что "сам Тит Ливий, хотя и отдает себе полный отчет в повторении одних и тех же событий под разными датами, не знает их причины".

Если французские рецензенты ("Revue historique", "Revue critique d'histoire et de littérature", "Revue archéologique") не во всем согласны с его новыми, оригинальными, остроумными и смелыми идеями, они сходятся на том, что они "омолаживают" прежние данные и заслуживают серьезного обсуждения.

Среди других французов он был в хороших отношениях с проф. Жиффаром (Giffard), к которому однажды во время своего пребывания в Париже, был приглашен запросто на ужин. Это считалось большой честью, т. к. в то время у французов было принято приглашать деловых знакомых и иностранцев в ресторан. Мой отец был в дружеских отношениях еще с одним ученым романистом, фамилию которого я, к сожалению, забыла.

Наконец, необходимо упомянуть проф. Оливье Мартэна (Olivier Martin), приезжавшего даже в Ригу, чтобы получить почетное звание доктора "*honoris causa*", которое ему присудил Латвийский университет. После кончины моего отца им был написан некролог, опубликованный в "Revue historique de droit" (1950, p. 136 – 137.) В нем он отмечает, что "французские романисты не забыли работ проф. Синайского, в которых тот излагал гипотезы, часто смелые, о происхождении Рима, римской историографии, Квиритской общины, Народной общины, Законов XII таблиц, используя сравнительную филологию, фольклорные данные и обширные знания, которыми он обладал, о древних календарях и системах хронологии. Они также не забывали его сотрудничества в научных сборниках ("*Mélanges*") Альбертони, Риккобони и Шалойа. Они искренно сожалеют об исчезновении ученого, который в течение своей плодотворной жизни не переставал посвящать себя исследованиям, свидетельствующим о его эрудиции" (О. М.).

В Бельгии мой отец был знаком и переписывался с несколькими учеными, из которых профессор Брюссельского университета и член Академии наук Жорж Корниль (G. Cornil) написал обстоятельную рецензию на его работу "*La cité quiritaire*", Riga, 1923. В ней он дает на трех страницах ее подробный анализ, указывает на использованный им ретроспективный метод, в противовес принятому до него сравнительному методу, на критику идеи Моммзена об аграрной общине "*gens*", на характер квиритского права (*ius Quiritium*) — городского и сельского, — которое первоначально по своей природе было публичным правом, из которого впоследствии выросло частное право, и приводит в

заключение мнение автора о том, что "организация квиритской общины была более свободной, удобной и эластичной, чем организация, основанная на "gens", и что было бы преувеличением утверждать, следуя за сторонниками сравнительного метода, что в начале любой политической общины была "gens" [3]. Ввиду того, что настоящая работа вышла в сокращенном виде, проф. Корниль высказывает пожелание, чтобы автор осуществил свое намерение и опубликовал бы полный том на тему "Истоки истории Рима и его права" ("Les origines de l'histoire de Rome et celle de son droit").

Отметим, что "Квиритская община" не осталась без внимания и в Латвии, где автору была за нее присуждена денежная премия.

К сожалению, по приезде в Брюссель после войны в 1945 г. мы уже не застали в живых проф. Корниля. Та же участь постигла и других профессоров, с которыми отец был в контакте, за исключение проф. Жоржа Смита (Georges Smets). С ним мы встречались.

В Италии у моего отца были многочисленные связи, которые подтверждаются его участием в памятных научных сборниках. Приведу три примера:

- V. SINAISKI. Ordre des matières dans la législation de Justinien, Studi in memoria di *Aldo Albertoni*, Vol. I CEDAM, Padova, 1933.
- V. SINAISKI. "Ex jure Quiritium", Studi in onore di *Salvatore Riccobono* nel XL anno del suo insegnamento, IV, Palermo, 1936.
- V. SINAISKI. Quelques coutumes agraires chez les paysans lettons (Archivio "*Vittorio Scialoja*", Vol. 3. Fasc. N 1 - 2, Firenze, 1936.

Особо стоит упомянуть о дружеских отношениях отца с Раффаэлем Корсо (Raffaele Corso), специалистом по фольклору, профессором Восточного института Неаполя (Istituto Orientale di Napoli), в анналах которого публиковалась работа проф. Синайского "Théorie du folklore comme science ancienne" (Теория фольклора как древней науки) [4], оставшаяся незаконченной.

В 1934 г. во время нашего путешествия по Италии, будучи проездом в Неаполе, мы сделали визит этому симпатичному, гостеприимному и благожелательному ученому, который очень ценил исследования по фольклору моего отца и, когда в 1948 г. был проездом в Брюсселе, пожелал встретиться еще раз с ним. Он написал о нем теплый некролог, в котором подчеркивает "его страстный интерес к изучению фольклора как сравнительной науки, ценный вклад, внесенный им в разрешение разных проблем, из которых некоторые касаются общих вопросов

и метода исследования народных традиций, другие — специальных вопросов юридического фольклора. Широкая культура, знание разных древних и современных языков и глубокая подготовка по истории (в частности Римского права) немало облегчали ему исследовательскую работу в области новой дисциплины. Об этом свидетельствуют его работы "Теория фольклора как древней науки" (1933), "Юридический фольклор" (1931) и другие, из которых одна неопубликованная [5]. (R. Corso, Folklore, Aprile-Settembre 1949, p. 128.)

Мне помнится, что у моего отца был еще научный контакт с проф. Е. Балог (E. Balogh) в Голландии, куда до войны он был приглашен на научный съезд в Гаагу и куда я должна была его сопровождать, но по каким-то не зависящим от него обстоятельствам он не смог поехать.

За границей проф. Синайский состоял членом научных обществ:

- "Société d'histoire du droit" (Общество истории права) в Париже,
- "Comitato scientifico della Rivista di diritto agrario" (Научный комитет журнала аграрного права) во Флоренции,
- "Istituto di studi legislativi" (Институт по изучению законодательства) в Риме,
- "American Academy of Political and social Science" (Американская академия политических и социальных наук) в Филадельфии и др.

Наталия Синайская
Брюссель, 15 апреля 1989 г.

Примечания

Научные связи профессора В. И. Синайского

1. Tieslietu Ministrijas Vestnesis (Вестник Мин. Юстиции), 1925, № 4, 733 — 736. Цит. по: L. Birzina, prof. V. Sinaiska zinātniska un pedagogiska darbība. Rīga, 1989, p. 6.
2. Там же, с. 9 — 10.
3. Жорж Корниль (Georges Cornil). Revue de l'Université de Bruxelles Année 1923 — 1924. Bruxelles, 1924, p. 413 — 415.
4. "Annali" dell'Istituto Orientale di Napoli, Vol. V, VI (1932 — 1933)
5. Voir 4. et "Folklore juridique" — Annales de l'Université de Lettonie, Série de la Faculté des sciences économiques et de droit, Vol. 4, p. 636 — 662.

АВТОРЫ

Алексеев А.И.	- доктор юридических наук, начальник кафедры криминологии МВШМ МВД СССР
Ауваэрт Л.И.	- кандидат психологических наук, ведущий сотрудник лаборатории искусственного интеллекта Тартуского университета
Батурин В.М.	- кандидат юридических наук, старший научный сотрудник ИГП АН СССР
Грязин И.Н.	- доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Тартуского университета, член Верховного Совета СССР
Исаев И.А.	- доктор юридических наук, проректор Всесоюзного юридического института
Исотамм Я.А.	- редактор журнала "Академия"
Кросс Я.Я.	- почетный доктор Тартуского университета, народный писатель Эстонской ССР
Макфарлайн Л.И.	- доктор права, научный сотрудник колледжа Ст. Джон, Оксфорд, Великобритания
Синайская Н.В. (1876 - 1949)	- магистр права (Бельгия)
Синайский В.И.	- доктор юридических наук, профессор
Суси М.М.	- адвокат (Таллинн)
Фрош А.А.	- адвокат (Тарту)
Ярвелаид П.М.	- кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Тартуского университета

ОГЛАВЛЕНИЕ

А.А. Фрош. Понятие правосферы	5
Д.И. Макфарлайн (Великобритания) Права человека как аргументы университетской морали	15
Я.Я. Кросс. Об отношении отражения между юридическим и художественным текстом	34
И.Н. Грязин, И.А. Исаев. Мифический мир права Франца Кафки (Тема закона и процесса как сюжетная доминанта)	41
М.М. Суси. Об изображении уголовного процесса в художественной литературе	53
И.А. Исаев. "Идеальная тюрьма" в социо-культурных утопиях XVIII — XIX вв.	62
А.И. Алексеев. Юридическая действительность в истории изобразительного искусства	70
Л.И. Ауызарт. О месте юридической психологии в системе юридических наук	81
Ю.М. Батурин. Нужно ли математикам и физикам изучать право, чтобы делать открытия — ответ: да (Об одном удивительном свойстве юридического мышления) ...	92
П.М. Ярвелаид. Ильмар Таммело (1917 — 1982)	111
Библиография трудов И. Таммело. Сост. И. Исотамм	128
П.М. Ярвелаид. Слово о воспитатнике Тартуского университета Василии Ивановиче Синайском	136
В.И. Синайский (1876 — 1949). Пушкин о праве	141
Н.В. Синайская. Памяти профессора В.И. Синайского. Воспоминания дочери	150
Научные связи профессора Василия Ивановича Синайского с западноевропейскими учеными	173
Авторы	177

Ученые записки Тартуского университета.
Выпуск 914.
ВНЕТВОРЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ ПРАВА.
Studia iuridica V.
На русском и английском языках.
Тартуский университет.
ЭР, 202400, г. Тарту, ул. Юликоопи, 18.
Ответственные редакторы И.Н. Грязин, П.М. Ярвелаид.
Корректор Н. Сторожевко.
Подписано к печати 12.11.1990.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 11,53. Печатных листов 11,25.
Тираж 350.
Заказ 792.
Цена 3 руб. 50 коп.
Типография ТУ, ЭР, 202400, г. Тарту, ул. Тийги, 78.

